

**ISSN-2470-1262
E-ISSN-2831-4077**

Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)

**The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)
ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed**

The aim of the journal CCS & ES is to present the results of interdisciplinary research in the field of social and humanitarian sciences (Linguistics, Literature, Intercultural Didactics and Smart-Technologies, Intercultural Communication, Migrantology).

The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. Svetlana M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Mitsuchi Kitajo, Kyoto Sangyo University, **Kyoto, Japan**

Prof. Tamara Kuprina, Ural Federal University, **Yekaterinburg, Russia**

Prof. Svetlana Minasyan, Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, **Yerevan, Armenia**

Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, **Istanbul, Turkey**

Prof. Anna Petrikova, Prešov University, **Prešov, Slovakia**

Prof. Monica Perotto, Bologna University, **Bologna, Italy**

Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, **Beijing, China**

Malebo Matshane, South African Embassy: Moscow, First Secretary: Immigration and Civic Affairs, **South Africa**

Editorial Board:

Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, **Zadar, Croatia**

Simona Berardi, PhD, Bologna University, **Forli, Italy**

Elena Ciprianová, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, **Nitra, Slovakia**

Simona Koryčánková, Assoc. Prof. Ph.Dr. Mgr. Ph.D., Masaryk University, **Brno, Czech Republic**

Ludmila Szypielewicz, Professor, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, **Warsaw, Poland**

Rafael Guzman Tirado, Doctor of Philology, Professor of Slavic Department of Granada University, **Granada, Spain**

Koichi Toyokawa, Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, **Tokyo, Japan**

Kuralai Urazaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Eurasian National University after Gumilyov (ENU), **Astana, Kazakhstan**

Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, "Vanadzor Special School of Deep Teaching Mathematics and Natural Sciences" SNPO, **Vanadzor, Armenia**

Natalia Ushakova, Doctor of Pedagogics, Professor at V.N. Karazin Kharkiv National University, **Kharkiv, Ukraine**

Neeraja Jaiswal, Doctor of Philology, Professor, Head, Dept. of Russian Studies and Dean, School of European Languages, the English and Foreign Languages University, **Hyderabad, India**

Marine Aroshidze, Doctor of Philology, Professor, Head of the doctoral and master's program "Linguistics" Batumi Shota Rustaveli State University, Department of European Studies, **Batumi, Georgia**

Ham Young Jun. Department of Russian language. Professor, Ph.D.Dankook University, **Seule, South Korea**

Address for correspondence and submissions:

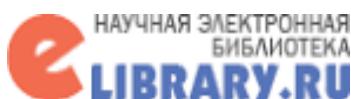
Prof. Thomas R. Beyer

e-mail:beyer@middlebury.edu

infoccs.edu@gmail.com

Tel: +001-802-233-9447

**Web: <http://sites.middlebury.edu/ccses/>
www:j-ccses.org**

WorldCat (OCLC) - Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison

The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](#).
[SSL 6.03](#)

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions do not necessarily correspond with those of the editors.

Copyright © CCS&ES

Thematic Orientation

1. Literature and Culture: Historic and Contemporary
 2. Contemporary Philology
 3. Contemporary Issues of Linguistics and Translation
 4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education
 5. Cross-Cultural Communication and Management
 6. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
 7. Informational and Smart Technologies for Education
 8. Socio-cultural Studies and Migration
 9. Socio-cultural processes
- Reviews and Notes

CONTENTS

THE ROLE OF WESTERN SCHOLARS IN THE PRESERVATION OF RUSSIAN LITERARY HERITAGE: THE EXAMPLE OF ANDREI BELY- РОЛЬ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ В СОХРАНЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРИМЕР АНДРЕЯ БЕЛОГО - *Thomas R. Beyer, Jr. Middlebury College Middlebury, Vermont USA 6-16*

ON SOME DIFFICULTIES IN TRANSLATING ANDREI PLATONOV'S PROSE – О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА- *Vassili V. Bouilov, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland 17-27*

ABOUT GENRE DIVERSITY IN MODERN KAZAKH LITERATURE – О ЖАНРОВОМ МНОГООБРАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ - *Zhainagul S. Beisenova, Saule A. Seralimova, Elmira A. Abdrahmanova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan 28-34*

FADDIES OF MODERN RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE, OR ABOUT ONE TYPICAL DISSONANCE IN THE EXCHANGE OF REMARKS IN A CONVERSATION- ПРИЧУДЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА, ИЛИ ОБ ОДНОМ ТИПИЧНОМ ДИССОНАНСЕ В ОБМЕНЕ РЕПЛИКАМИ В РАЗГОВОРЕ - *Natalia Bogdanova-Beglarian, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, Yeh Hsiang-Lin, National Chengchi University, Taipei, Taiwan 35-44*

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF SCIENTIFIC TEXT: DISCOURSIVE AND STYLISTIC ASPECT - ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПЕРТАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ДИСКУРСИВНО -СЛИТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ- *Jan Gallo, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak Republic 45-57*

VERBS OF NON-SPEECH IN DIALOGUE FORMS OF RUSSIAN NOVELS - ГЛАГОЛЫ НЕ-РЕЧИ В ДИАЛОГОВЫХ ФОРМАХ РУССКИХ РОМАНОВ - *Mitsushi Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan 58-72*

METAVERSE IN VR - ВИРТУАЛЬНАЯ МЕТАВСЕЛЕННАЯ- *Irina McGuinn, Department of Linguodidactics and Bilingualism, and Russian as a Foreign language, MPGU, Moscow, Russia 73-79*

DESIGN AS A TECHNOLOGY TRANSFER- ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ- *Svetlana M. Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, Yerevan, Armenia 80-88*

LANGUAGE WORK WITH CHEKHOV'S "THE LOTTERY TICKET" STORY IN AN ENGLISH-SPEAKING CLASSROOM- ЯЗЫКОВАЯ РАБОТА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ЧЕХОВА «ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТ» В АНГЛО-ГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ – *Alfia Rakova, Department of Russian Language and Literature, Dartmouth College, Hanover, USA 89-95*

THE RHETORIC OF CUSTOMARY LAW AND THE PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF KAZAKH LEGAL RHETORIC - РИТОРИКА ОБЫЧНОГО ПРАВА И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ - Kuralay Urazayeva, Sholpan Zharkynbekova, Yerik Gulnur, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan 96-109

THE LIGHT OF TATEV – Dr.Gilles Perriot, President honoraire de la societe des Amis du Musee Niepce Chalon sur Saone, President of ATPI (Art Therapy with Pictures). 110-116

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-6-16

УДК (UDC) 82.09

Thomas R. Beyer, Jr.
Middlebury College
Middlebury, Vermont USA
Байер Томас
Миддлбери коледж
Миддлбери, Вермонт, США

*For citation: Thomas R. Beyer, Jr. (2023)
The Role of Western Scholars
in the Preservation of Russian Literary Heritage:
the Example of Andrei Bely.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol.8, Issue 1(2023), pp. 6-16 (in USA)*

Manuscript received: 08/01/23

Accepted for publication: 26/03/23

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

THE ROLE OF WESTERN SCHOLARS IN THE PRESERVATION OF RUSSIAN LITERARY HERITAGE: THE EXAMPLE OF ANDREI BELY

РОЛЬ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ В СОХРАНЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРИМЕР АНДРЕЯ БЕЛОГО

Abstract:

The twentieth century, in particular the period from the 1930s to the mid 1980's, was marked by an enforced silence in the Soviet Union on several writers, some abroad, some in Russia, largely ignored in traditional Soviet scholarship. In this time, it fell to scholars abroad to preserve the memory of this important page in Russian literature. The work to celebrate the life and works of Andrei Bely is a prime example of these early efforts. The contribution has been largely forgotten as the 1980s issued in a new era of openness and cooperation between foreign scholars and their counterparts inside the former Soviet Union. Now, however, in light of new restrictions both outside and inside the Russian Federation, a new need for re-establishing and ensuring the legacy of Russian writers past and present has emerged. Perhaps we can learn from the examples of the past.

Keywords: Russian émigré literature, Andrei Bely, Soviet scholarship, example

Аннотация:

Двадцатый век, в частности период с 1930-х до середины 1980-х годов, был отмечен принудительным молчанием в Советском Союзе в отношении некоторых писателей, за границей и в России, в значительной степени игнорировавшихся в

традиционной советской науке. В это время на долю зарубежных ученых выпало сохранить память об этой важной странице русской литературы. Работы, посвященные жизни и творчеству Андрея Белого, являются ярким примером этих предыдущих усилий. Ученые вклады и усилия были в значительной степени забыты, поскольку в 1980-х годах ознаменовалась новая эра открытости и сотрудничества между иностранными учеными и их коллегами в бывшем Советском Союзе. Однако теперь, ввиду новых ограничений как за пределами, так и внутри Российской Федерации, возникла новая потребность в восстановлении и страховании наследия русских писателей прошлого и настоящего. Возможно, мы можем учиться на примерах прошлого.

Ключевые слова: Русская зарубежная литература, Андреи Белый, советская стипендия, пример.

Introduction

The First World War, the Bolshevik Revolution, and the ensuing Civil War brought major disruptions to lives of all Russians, but in particular to the literary and artistic communities. Opportunities for publishing vanished and the voices of many were effectively muted if not silenced altogether. Many fled abroad going west to and through Constantinople, Paris, Berlin, or east to Harbin. As power centers in Russia were restored increased attention and intolerance were directed at those not in sympathy with the Bolsheviks. In August of 1921 Nikolai Gumilev was arrested and executed and in 1922 a major group of liberals joined those already in the West. For a brief few years 1921 to 1923 Berlin served as an intellectual and literary center for this community. Economic and political factors led to a mass exodus of Russian writers to Paris and Prague in 1923. These centers of the Russian emigration would be replaced by New York as many departed Europe on the eve of or after World War II.

Many of the Russian writers abroad were treated with imposed silence in the Soviet Union: Ivan Bunin, Aleksei Remizov, Evgeny Zamiatin, Vladislav Khodasevich, and Vladimir Nabokov. They were celebrated by the Russian intelligentsia abroad in the 1930s, 1940s and 1950s. Their memory kept alive in the journals published in Paris and New York. Key figures included Nina Berberova [1], Roman Gul [2], Gleb Struve [3], Fedor Stepun [4] and Dmitrij Tschižewskij. As these eyewitnesses to that history grew older they passed on their enthusiasm to a newly emergent group of scholars, particularly in the United States, Great Britain, France, The Federal Republic of Germany and Italy. Dissertations and celebrated monographs kept alive the names and works of Russian writers abroad. These included Alex Shane [5], Edward Wasiolek [6], Greta Slobin [7], Andrew Field [8], and Carl and Ellendea Proffer on Nabokov [9].

Official Soviet literary outlets were also largely silent on some writers who had remained or returned to Russia, including Mikhail Bulgakov and Andrei Bely.

Literature and scholarship of Andrei Bely

The case of Bely offers a unique overview of the legacy of one Russian writer that was carefully preserved while in his homeland he was intentionally overlooked. Perhaps more than any other country Germany embraced Bely early on and has over the past 100 years offered significant contributions to Bely scholarship and indeed to the preservation not only of his memory, but also of his unique literary heritage. The first Western translation of Bely's novel, *Серебряный голубь* (1910) appeared in German translation by Lully Wiebeck as *Die silberne Tauber* in 1912—just two years after its publication, long before any other

Western translation. The first English version would appear in 1974. A similar fate met *Петербург*, translated in 1919 by Nadja Strasser and published in Munich. Several other works such as *На перевале* (*Auf der Wasserscheide*, by H[edwig] Bidder, Stuttgart: 1922); *Воспоминания о Блоке* (*Im Zeichen der Morgenröte*: Erinnerungen an Aleksandr Blok, by Swetlana Geier, Basel: Zbinden, 1974) and her *Воспоминания о Штейнере* (*Verwandeln des Lebens*: Erinnerungen an Rudolf Steiner, Basel: 1975) have all appeared in German, but not in English. Translation is, of course, but one way to preserve and honor a writer, and Bely has not faired all that well in translation. In the realm of literary scholarship and history, here too the Germans have frequently lead the way. A final and not unimportant contribution, especially in Soviet times, was the reprinting of works by Bely and no one contributed to this effort as much as Dmitrij Tschizewskij at the University of Heidelberg.

The history of Bely studies up until the 1970's, primarily the Russian contributions, is marvelously described in an article by Gleb Struve who forty five years ago opened the Andrey Bely conference at the University of Kentucky with his "Andrey Bely Redivivus" [10]. If memory does not deceive me. Struve was somewhat taken aback by the fact that two dozen scholars, mostly non-Russians, had gathered in one place in 1975. The story of these Western contributions has not to my knowledge been expressed in any systematic fashion. The bibliographical record which included documentation of Russian sources was begun by Anton Höning (Andrey Belyj's Romane, 1965), at its time the first and finest bibliography. The tradition was continued in The Andrey Belyj Society Newsletter beginning in issue No. 2 (1983) and updated yearly through issue 14 (1997-1998). The Newsletter was clearly the most important contribution of the Society to Bely studies, available in its entirety online [11] and was largely the brainchild and thanks to the efforts of Olga Muller Cooke and Ronald Peterson. Today electronic access to library catalogues and other databases around the world help provide a fuller picture of Bely studies both in Russia and abroad. The catalogue of Hollis Library at Harvard University (<http://lib.harvard.edu>) lists almost 300 works in connection with Bely. Over 100 represent scholarship and translations of Bely, primarily into English.

I have divided the study of Andrei Bely into roughly three periods. The first period extends from Bely's death in 1934 until 1960. The second can be dated from 1960 until 1987, and the third period from 1988 to the present. Bely was, of course, often at the center of polemics and critical discussions during his lifetime. But little serious study or analysis was devoted to his works with the exception of Ivanov-Razumnik's, *Summits. A. Blok. A. Belyj* (Вершины. А.Блок, А.Белый, 1923). What characterizes the early period after the author's death in 1934 is the almost complete lack of reprints of his works. The novel, *Petersburg*, was reprinted in 1935, but then not again in Russia until 1978. In 1937 an edition of *Between Two Revolutions* (Между двух революций) appeared. In 1940 a collection of Bely's poetry (*Стихотворения*) was published in the series *The Poet's Library* (Библиотека поэта). A similar effort was published in 1966 with an introduction by T. Xmel'nitskaja. The silence concerning Bely, as it was for so many other writers both inside and outside the country for almost fifty years, was all but deafening inside the Soviet Union. The Correspondence of Aleksandr Blok and Andrei Belyj (Александр Блок и Андрей Белый: Переписка, 1940) offered new insight into the lives and times of both, and provided under the cover of the more politically acceptable Aleksandr Blok, a way to publish documents related to the theoretically problematic Bely. This delicate dance of Soviet scholars around the memory of Andrei Bely is a story still to be told by those who experienced it first hand in the days of Soviet censorship.

Even as his own native Russia largely ignored Bely's contributions to Russian letters, Oleg Maslenikov in his *The Frenzied Poets* (1952) as did Renato Poggiali *The Poets of Russia, 1890-1930* (1960) kept the memory of him alive among Western scholars. Bely's theoretical work in rhythmicics was being actively pursued by Kirill Taranovsky Ruski dvodelni ritmovi (Beograd 1953) who would later go to Harvard University. Konstantin Mochul'skii's posthumously published Andrei Bely (Андрей Белый, 1955) indicated the writer's stature among the émigré communities as did the publication of Nikolai Valentinov's recollections "Encounters with Andrei Bely" (Встречи с Андреем Белым) in the New Journal (Новый журнал, No. 45, 46, 47 in 1956 and 49 in 1957). Two German language contributions include the even earlier and curious addition to Bely studies, the Vienna doctoral dissertation by Jutta Pflanzl in 1946: "Weltbild und Kunstschauspiel des russischen Symbolismus in der theoretischen Gestaltung durch Andrej Belyj," and Johannes Holthusen's *Andrej Belyj und Rudolf Steiner* (1956). At the end of the decade, the first published translation of Petersburg into English appeared in 1959 by John Cournos.

The 1960s saw the first major revival of interest in Bely, first in Europe and then the United States. This coincided with the unprecedented rapid growth of Russian studies precipitated in large part by Soviet achievements in space and nuclear technology. We were the Yuri Gagarin generation. The concern in the West, in particular, in the United States that Ivan was catching and preparing to surpass us (словами Н.С. Хрущева «догнать и перегнать Америку» 1957), resulted in intense interest and financial incentives in American higher education for all things Russian, providing employment to dozens of Russian native speakers. A new audience arose for Russian writers, philosophers, and historians. Suddenly there was a generalized growth in the industry of Russian literary reprints of works ignored or forbidden in the Soviet Union. Bely as well as others was well represented by Prideaux Press [12]. A leading proponent of Bely studies in Great Britain was Professor of Slavonic Studies Georgette Donchin, [13] who helped bring Bely's memoirs back to life. Other reprints appeared in series by Bradda Books and Russian Language Specialties.

Dmitrij Tschižewskij, who had spent time at Harvard in the early 1950s, returned to the University of Heidelberg and offered there a seminar on Bely. His involvement with the Wilhelm Fink Verlag led to reprints of eight of Belyj's works *Kotik Letaev* (Котик Летаев) *The Christened Chinaman* (Крещеный китаец), Moscow (Москва), *Masks* (Маски), *Memoirs of Blok* (Воспоминания о Блоке), *Symbolism* (Символизм), *Gogol's Craftsmanship* (Мастерство Гоголя) and *Correspondence: A. Blok—A. Bely* (Переписка: А. Блок—А. Белый) in the series *Slavische Propyläen*. Another aspect of Tschižewskij's inspiration was the appearance of Anton Hönig's already mentioned work and Lily Hindleys' *Die Neologismen Andrej Belyjs* (1966). Both authors had been members of the seminars that also inspired among others Horst-Jürgen Gerigk, the noted Dostoevski and Bely scholar. The German contribution to Bely scholarship was significant and ongoing, even though language remains a barrier preventing much of this scholarship from being fully appreciated both in Russia and the English speaking countries.

The reprints were supplemented by the above-mentioned memoirs of Struve, Stepun and Berberova. Bely studies (Беловедение) in the United States owed an enormous debt to Nina Berberova who would inspire John Malmstad at Princeton to examine and then edit the still most complete critical edition of Bely's poems, first in his 1968 dissertation ("The poetry of Andrey Belyj: a variorum edition"), and then later in his three volume edition published by W. Fink in Munich (1982-1984). In the United States other doctoral dissertations, some later published as books, began to appear, such as Sam Cioran, "The Apocalyptic Symbolism of Andrej Bely" (1968), Pierre Hart, "Andrej Belyj's Petersburg and

the Myth of the City" (1969). Zoya Yurieff in 1967 would introduce the New York reprint of The Green Meadow (Луг зеленый). The French translation of the novel Petersburg by Georges Nivat appeared in 1967.

If the 1960s was the decade primarily of reprints and memoirs, the 1970s was a major turning point, a decade of dissertations and translations and the slow emergence of Soviet scholarship into the light. In 1971, Ardis published Gerald Janacek's translation of Kotik Letaev (Котик Летаев). Professor Janacek, still a graduate student at the University of Michigan, was fascinated by the music of Bely's prose and began work on a dissertation related to the novel. Janacek would spearhead the first real American Andrei Bely revival by bringing to Kentucky an international conference on Bely in 1975. The list of participants points to the growing scholarly interest and the international character of Bely scholarship at the time. Georges Nivat, the French scholar at the University of Geneva, John Elsworth and Roger Keys among others were there and the resulting compilation of papers in 1978 was one of the first in the West [14].

Translations in the decade, in particular of the novels into English, abounded, such as The Silver Dove (Серебряный голубь) by George Reavey in 1974. J. Sansa also translated the novel into Czech in 1971 and into Japanese by K. Kawabata in 1977. Petersburg appeared in Czech, Polish, Hungarian, Slovenian, and Dutch in 1970s. Both novels had appeared in newer German translations a decade earlier: *Petersburg*, (1959) and *Die silberne Taube* (1961) both by Gisela Drohla. There was the new scholarly and annotated English translation by John Malmstad and Robert Maguire in 1978. The Malmstad-Maguire translation is in fact a primer on how to read Bely and a Symbolist novel. Kotik Letaev, as mentioned above, appeared in English in 1971, in French by Georges Nivat and into Italian by S. Vitale and Japanese by I. Makai all in 1973. For the most part these translation projects were undertaken by scholars and frequently accompanied by valuable notes and commentary. Janacek and Berberova collaborated on a translation of The First Encounter (Первое свидание, 1979). Ronald Peterson published in translation The Complete Short Stories (1980) to coincide with his re-publication of Рассказы (1979). Other languages were equally well served with earlier translations of Bely's works into Slavic languages. There was also a translation of Mochulsky's book on Bely into English that would join John Elsworth's first biography of the author in English, Andrey Bely (1972).

The heightened interest in Petersburg was stoked by Nabokov's Strong Opinions (1973) that had named the work as one to the four best novels of the twentieth century and sent scores of readers scrambling for the work. Nabokov's very mixed public mentions of Bely do not account for his own dependence upon Bely's prosodic studies for his own study and translation of Eugene Onegin (Евгений Онегин, 1964), or of the stylistic debt he owes to Bely for his novel, The Gift.

Translations of a few articles and poems also appeared in English but, of course, there were major gaps, some of which remain today [15]. One curiosity is the lack of translations of other works into English and other languages since then. The exceptions are The Dramatic Symphony (1987), The Christened Chinaman (1991), In the Kingdom of Shadows (2001), Glossolalia (2003) and the re-translation of The Silver Dove (2001) and Petersburg (2009). Such works as Masks and Moscow under Attack have defied English translations until The Moscow Eccentric in 2016. The importance of translations of Bely's works cannot be overemphasized. In addition to winning new readers, the translations often served as an entryway for non-native speaking students of Russian literature into Bely's workshop.

The 1970s witnessed over a dozen doctoral dissertations on Bely's Symphonies, prose, critical theory and aesthetics in the United States alone [16]. Many of those authors would become prolific publishers of articles and books in the years to come. Just few names of those who defended

dissertations on Bely and went on to academic careers include: Carol Anschuetz, Princeton; Anton Kovac, Stanford; Thomas Beyer, University of Kansas; Alexander Woronzoff, USC; Ronald Peterson, Harvard; Vladimir Alexandrov, Princeton; Steven Cassedy, Princeton; Charlene Castellano, Cornell; Maria Carlson, Indiana University, and Olga Muller Cooke, University of London. Some of these dissertations developed into books by Alexander Woronzoff and Vladimir Alexandrov adding to the already mentioned Sam Cioran, and Anton Kovac who published his book on the Symphonies. Western scholars approached all aspects of Bely's works. A brief list with apologies to those omitted of foreign scholars would have to include John Elsworth, author for the first life and works study Andrei Bely in English (1972). Boris Christa, Johannes Holthusen, Ada Steinberg, Lena Szilard, Magnus Ljunggren, Tatiana Nicolescu, Dagmar Burkhardt, Maria Deppermann.

Bely was mentioned in a few works published in the Soviet Union, primarily as memoirs, Ehrenburg People, Years, Life (Люди, годы, жизнь, 1961). The 1970s and early 1980s would also witness the emergence of a handful of Soviet scholars who were all versed in Bely studies and began to find ways to publish on this still complicated and problematic writer for Soviet critics. In 1978 Dolgopolov published a scholarly edition of Petersburg—the first Soviet publication of that novel since 1935. Joining Dolgopolov, were Grechiskin and Lavrov. Later Piskunov would publish commentaries to Belyj's works. This history, the story of Soviet Russian Беловедение is still to be written.

In this second period (1960-1987) the majority of commentary centered on Petersburg or the poetry. (Tschižewskij's own copy of the 1922 edition in the library of the Slavisches Institut of Heidelberg) with his own insertion of all the changes in pencil attest to the scrutiny the novel was receiving. Bely's other prose works were problematic and largely inaccessible and incomprehensible to Western scholars. A bias against Anthroposophy by scholars, and a lack of interest in and willingness to speak about Bely at Dornach, Switzerland, discouraged attempts to look into the mystical or occult aspect of Bely's writings. This changed slowly with the appearance first in German and then Russian of Bely's Memoirs of Steiner (Воспоминания о Штейнере) published in German in 1975 as *Verwandeln des Lebens* that caused a new look at the relationship between Bely and his spiritual father figure. Swetlana Geier did Bely scholarship an invaluable service by providing the Anthroposophists with an opportunity to re-evaluate Bely and his relationship to Rudolf Steiner and the major change in attitude of Anthroposophists outside of Russia, especially in Dornach, toward Bely scholarship. I remember my own very chilly meeting there in the summer of 1974. Those who had known Asja Turgeneva were still skeptical of Russian literature scholars. Slowly the realization that Bely had not abandoned Doktor Steiner, moreover had found in him a foster father, lead to a gradual opening of the archives in Dornach. The atmosphere at least until the first part of the 1970s had been tainted, perhaps by Asja Turgeneva, Bely's first wife who lived out her days in Dornach, but also in part to the prevailing attitude that Bely had parted ways with Steiner and Anthroposophy held by those émigrés. All of this is recounted in my review article of Frau Geier's work [17]. After the appearance of *Verwandeln des Lebens* Dornach slowly opened its doors to Western scholars. Frédéric Kozlik published his dissertation as a book in a still largely ignored French work published in Frankfurt on the intersections of Bely's work and anthroposophical teachings. (*L'influence de l'anthroposophie sur l'œuvre d'André Biély*, 1981). Here I simply have to bemoan the fact that at least in American institutions a reading knowledge of French and German is no longer expected in Slavic Ph.D. programs. Little wonder then that the contributions made in these languages rarely get reviewed in our professional journals.

To mark the 100 anniversary of Bely's birth in 1980 there was a flurry of activity. Boris Christa (Bulgarian born and educated at Cambridge—who later became chair of the

department at the New Zealand University of Queensland) released The Andrey Belyj Centenary Papers (1980) and headlined the effort outside of Russia where the interest was great but the production still hampered. Christa had previously published his The Poetic World of Andrey Bely (1977). Through the early 1980s, Bely scholarship flourished in the West—in both the United States and Europe. To mention a few notable books on: Ada Steinberg, Word and Music in the Novels of Andrey Belyj (1982); Magnus Ljunggren, The Dream of Rebirth (1982); Charlene Castellano, Synesthesia (1980); Steven Cassedy, Selected Essays of Andrey Belyj (1985); John E Malmstad, Andrey Bely: spirit of symbolism (1987) and John Elsworth, Andrey Bely: A Critical Study of the Novels (1983). With the inspiration of Nina Berberova, The Andrej Belyj Society was started with its set of Bulletins. One other major development was the re-examination of Bely's two years in Berlin, part of a general renewed interest in the topic of die Russen in Berlin (the title of Fritz Mieraus' groundbreaking 1987 book), and *Русский Берлин* (1983). My own decades long study of Bely in Berlin began with a grant from the Alexander von Humboldt Stiftung in 1984 and 1986, and DAAD support in 1989-1990. That research began with a conversation with Nina Berberova that lead me to uncover Vera Lourie who had been close to Bely in the Berlin years. The fall of the Berlin Wall made visiting Fritz Mierau immeasurably easier and also inspired a flurry of work devoted to the glorious Berlin years of 1921-1923. Many German colleagues worked in this area; two of the better known were Doris Libermann and Amory Burchardt of *Der Tagesspiegel*. Dr. Walter Andreesen Director of the Ost-Europa Abteilung of the Staatsbibliothek worked steadfastly to preserve the legacy of Russian Berlin. Arno Spitz of the Berlin Verlag helped to publish both *Russische Autoren und Verlage in Berlin* (1987) and *Vera Lourie: Poems* (*Вера Лурье Стихотворения*, 1987). More recently Bely's life has been recounted in Mina Poljanskaja's *Foxtrot of the White Knight: Andrei Bely in Berlin* (*Foxtrot белого рыцаря: Андрей Белый в Берлине*, 2009). It is more than a little disconcerting that this albeit journalistic text completely avoids giving recognition of the numerous German and American sources which preceded and made possible her work.

Turning our attention back to the 1980's, our Russian colleagues were not unaware of Bely, but frequently did their studies of him under the cover and protection or auspices of Aleksandr Blok, who had been warmly accepted into the Soviet canon. I was shown by Stanislav Lesnevskij an invitation to a private evening celebrating Bely's 100th anniversary in 1980—where Soviet scholars quietly remembered the writer. John Malmstad commented on this silence in his article: "Belyi: A Centenary Unobserved" [18].

Lena Szilard has published extensively on Bely in Russian, Hungarian and other languages. The 1980s also saw an emerging Italian connection—the University at Bergamo sponsoring a conference over several days in 1986 and since then serious work continues in that language.

The 1980's saw several German language studies of note: *Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewusstseins: Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende* by Maria Deppermann (1982); *Schwarze Kuben - roter Domino: Strukturbeschreibung von Andrej Belyjs Roman "Peterburg"* by Dagmar Burkhart (1984); *Ägypten und ägyptische Mythologie: Bilder der Transition im Werk Andrej Belyjs* by Evelies Schmidt (1986) and Christa Ebert's *Symbolismus in Russland: zur Romanprosa Sologubs, Remisows, Belys* (1988). In addition to the studies on Russian Berlin already mentioned there was inclusion of Bely in *Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts*, edited by Lew Kopelew (1988) and Karl Schlogel's *Russische*

Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 (1995). There was also the publication of important previously unpublished words by Bely in Russian in the West: The Memoirs of Steiner (Воспоминания о Штейнере, 1982), and Why I Became a Symbolist (Почему я стал символистом, 1982).

A line might be drawn, and I was struck by how distinctly it appears, between 1987 and 1988. If up until then Bely scholarship had been centered in the West, in 1988 Dolgopolov publishes his study of Petersburg, accompanied in the same year by reprints of Bely's prose and poetry and the first Soviet re-evaluation of Bely in Andrei Belyj: Problems of Creativity (Андрей Белый: Проблемы творчества, 1988).

As if let out the bottle, Bely's genie could not be restrained and dozens of Russian language reprints of the poetry, the novels, the memoirs and other critical works begin to appear in Russia. Lavrov, Piskunov, and John Malmstad—now in concert and cooperation with his Russian colleagues—prepared scholarly annotated editions of correspondence and memoirs. Here the Russians are incomparably more capable of uncovering the minutiae related to Bely and his milieu.

The 1990s could best be characterized as opening the pages of Bely to his rightful readership in his own language. A conference was held in 1992 at the Voloshin Home in Koktebel' to commemorate the new openness, and it attracted a wide array of Russian scholars, and smattering of Westerners who could make their way there. Other conferences followed and there was the inauguration and slow growth of the Andrei Belyj Apartment-Museum in Moscow. Western scholarship, while it declined from its earlier days, continued in the works of Roger Keys, *The reluctant modernist: Andrei Belyi and the development of Russian fiction, 1902 – 1914*(1996); Carmen Sippl, *Reisetexte der russischen Moderne: Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus.* (1997); and Andrea Zink, *Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer and* (1998).

Since the turn of the 21st century a number of key works have appeared, including Timothy Langen's *The Stony Dance* (2005), an extraordinary comprehensive and brilliant reading of Petersburg. Bely's "poem about song," *Glossolalie*, was translated into English by me and into German by Maka Kandelaki (2003) [19]. A French translation now exists and an Italian and possibly Japanese version was in the works. John Elsworth's 2000 re-translation of *The Silver Dove* into English has been hailed as brilliant, and his new bold translation of Petersburg (2009) into English appeared. Magnus Ljunggren published his *Twelve Essays on Andrej Belyj's Petersburg* (2009).

One of the key areas is the re-discovered appreciation and attempts to understand the occult influences in Bely's life and works. New works that highlight the role of the esoteric and occult in Bely such as Henrieke Stahl-Schwaetzer's *Renaissance des Rosenkreuzertums*—a re-interpretation of *The Silver Dove* and *Petersburg* in light of initiation rituals applied to Bely himself. Concerning the works in German in particular, I must lament the lack of cross-fertilization of work in that language by either English speakers or Russian speakers. Taja Gut of the archives at the Goetheanum and his German language (*Andrej Belyj Symbolismus, Anthroposophie, Ein Weg* (1997) is largely responsible for restoring the role of Rudolf Steiner and Anthroposophy to the study of Bely and along with Dr. Walter Kugler in making the archives in Dornach, Switzerland, accessible to all scholars all.

The coming together of Russian and foreign scholars embodied in Lavrov and Malmstad was exemplified in 125th anniversary conference, that brought together some of the old and the new. Georges Nivat, John Elsworth, Aleksandr Lavrov, Stanislav

Lesnevskij, Olga Cooke, Olga Matich, Magnus Ljunngren, Nina Kaukhchishvili, Tatjana Nikolesku, Lena Szilard, and me alongside of a younger generation, led by Monika Spivak, Japanese, Italians scholars and compilers of a Bely web page. The conference itself served as an introduction of the special edition of Russian Literature (LVIII-I/II, 2005) devoted to Bely, whose contributors also represent a great cross section of Bely scholarship. The conference on the 130th Anniversary of Bely's birth in Moscow also assembled scholars from France, Hungary, Israel, Italy, Poland, Serbia, Slovakia, Switzerland, as well as from Germany, Russia and the United States.

The new century also brought a technical revolution to Bely studies making him even more accessible to scholars and students alike. The website of the Bely Museum in Moscow offers on line the complete texts of many first editions of Belyj's works with ambitious intentions to print his entire completed works. The site is also rich in photographs and biographical information (<http://kvartira-belogo.guru.ru/museum/index.html>). Full text versions of many of Bely's works are available at the Classic Russian Library (http://az.lib.ru/b/belyj_a/). Bely's poetry is particularly well represented at the Library of Poetry (<http://www.litera.ru/stixiya/authors/belyj.html>). The Russian Virtual Library contains both biographical and textual information, including e-texts (<https://rvb.ru/20vek/belyi/>). Monika Spivak has been noticeably present on the internet. There are online copies of my own translations into English of The Christened Chinaman (Крещеный китаец) (<http://community.middlebury.edu/~beyer/cc/index.htm>) and of Glossolalie (Глоссолалия) <http://www.middlebury.edu/~beyer/gl/cover.html>.

All point to the resurgent interest in the works of a writer long ignored or passed over in his homeland. Andrei Bely has returned home to the Arbat. Under Monika Spivak, herself an accomplished scholar and meticulous preserver of Bely's legacy, the Bely Museum had become the center of the Bely studies, uniting in a new way Westerners and Russians—opening the doors to all and growing on the shoulders of those who came before with complete recognition of the debt to foreign scholars who had preserved the memory of Bely alive for so many years.

Conclusion

The spirit of cooperation so recently still alive, for example the German Russian project on Bely's History of the Self Conscious (История становления самосознавающей души, Ed. Mikhail Odesskii, Monika Spivak, and Khenrike Shtal'. 2020), or the American Russian effort to bring forth the correspondence of Bely and Natasha Turgeneva-Pozzo existed right up until February of 2022 [20].

Let us hope that this spirit of openness and cooperation between Western and Russian scholars continues to help make Bely, as he himself had wanted, more accessible to others. Once saved from obscurity by dozens of us who recognized the extraordinary contributions of Bely to literature, literary theory, poetics, Western thought and the portraits of his time, that study continues and flourishes today.

The tragic events of 2022 have returned the status to one of isolation of Russian from Western scholars. History can be our guide and offer hope that even if it takes years or generations, Western scholars will once again keep alive unpublished pages of the history of Russian literature until the time comes for us to be joined again with our colleagues in the Russian Federation.

References:

- [1] Berberova, Курсив мой: автобиография (1969). The italics are mine (1972).
- [2] Gul' (1973). Одвуконь: советская и эмигрантская литература. (Two Horses: Soviet and Émigré Literature) (1973). Я унес Россию: апология эмиграции (I Took Russian with Me) (1984).
- [3] Struve. Русская литературе в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы (1956). Russian writers in exile : problems of an émigré literature (1959).
- [4] Stepun. Встречи: Достоевский, Л. Толстой, Бунин, Зайцев, В. Иванов, Белый, Леонов. (Encounters: Dostoevskii, L. Tolstoi, Bunin, Zaïtsev, V. Ivanov, Belyi, Leonov (1962).
- [5]Shane. The life and works of Evgenij Zamjatin (1968).
- [6] Wasiolek. The fiction of Ivan Bunin: a critical study (1955).
- [7] Slobin. Remizov's fictions, 1900-1921 (1991).
- [8] Field. Nabokov, his life in art; a critical narrative (1967).
- [9] Proffer, & Nabokov, V. V. Keys to Lolita (1968).
- [10] Andrey Bely: A Critical Review (1978).
- [11] The Andrej Belyj Society Newsletter from 1982—1998 are available electronically at <http://community.middlebury.edu/~beyer/BelyBull/index.html>.
- [12] The Prideaux Press in Letchworth has almost 250 books in their collection of Russian Titles for the Specialist published in the 1960s up through 1980. They include Одна из обителей царства теней = In the kingdom of the shadows (1971); Памяти Александра Блока /Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг (1971); Первое свидание = The first meeting (1974); Революция и культура = Revolution and culture (1971); Трагедия творчества: Достоевский и Толстой (1971); Возвращение на родину = Returning home (1977).
- [13] Other works re-published abroad included: Луг зеленый (1967); На рубеже двух столетий. Intro. by Georgette Donchin. (1966); Начало века (1966); Воспоминания об Александре Блоке (1964).
- [14] Those proceedings appeared in Andrey Bely: A Critical Review, ed. Gerald Janacek (1978).
- [15] A list of translations is found in The Andrej Belyj Society Newsletter, 2 (1983), 22-27.
- [16] “A list of doctoral dissertations from 1972-1982.” The Andrej Belyj Society Newsletter, 1 (1982), 17.
- [17] Beyer, “Andrei Belyj’s Reminiscences of Rudolf Steiner: A Review Article.” Slavic and East European Journal, XXV, 4 (Winter, 1981), 76-86.
- [18] Malmstad, “Review: Belyi: A Centenary Unobserved.” Slavic Review, Vol. 42, No. 2 (Summer, 1983), pp. 266-271.
- [19] Glossolalie: Poem über den Laut / Glossolalia: A Poem about Sound / Glossolaliia: Poema o Zvuke by Andrej Belyj, Thomas R. Beyer, Jr. (2003).
- [20] “Andrei Belyj’s Istoryia stanovleniya samoznaiushchei dushi: A Review Article.” Zeitschrift für Slavische Philologie LXXVIII, 1 (2022), 207-220.
- [21] Beyer, T., Spivak, M. ed. Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах. Thomas Beyer and Monika Spivak, ed. (Andrei Bely and Natasha Turgeneva: An Epistolary Romance) (2021). (<https://sites.middlebury.edu/trbcv/files/2021/11/Andrej-Belyj-i-Nata-copy.pdf>).

Information about the Author:

Thomas R. Beyer, Jr., Ph.D., C.V. Starr Professor Emeritus of Russian and East European Studies, Middlebury College, Middlebury Vermont USA. Email:tom.beyer@middlebury.edu.

Author's contribution: *The work is solely that of the Author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-1-17-27

УДК (UDC) 82-311.4

Vassili V. Bouilov

University of Eastern Finland,

Joensuu, inland

For citation: Bouilov Vassili V. (2023).

On Some Difficulties in Translating Andrei Platonov's Prose

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 17-27 (in USA)

Manuscript received 21/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ON SOME DIFFICULTIES IN TRANSLATING ANDREI PLATONOV'S PROSE

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Abstract:

Andrey Platonov's idiom, built on an artistic mixture of different styles, the two-dimensionality, ambivalence and implicativity of the author's discourse, the intentional linguistic coding of hidden meanings, the connotative nature of the text are the main challenges for the translator of Platonov's prosaic text. In this connection, it would be appropriate for the translator to consider the problem of the translatability of literary "encoded" Platonov's text. In the process of translating this text, it should be considered not only its linguistic side, but also all other extralinguistic and cultural components that predetermine Andrey Platonov's idiom. *The analysis of Thomas Whitney's English translation of Andrey Platonov's short novel The Foundation Pit* presented in the article assumes a detailed lingua-translatological consideration of short novel's text and the ways and means of expressing in Whitney's translation the functions of the source text, determined by Platonov's creative method and his idiom.

Keywords: translation strategy, foreignizing, quasi-language of Utopia, Novoyaz, diglossia, ideological clichés, Andrey Platonov's idiom, literary collision of Utopia and Dystopia, implicativity, metonymy, hypernymic synecdoche, hypernyms, hyponyms, amphibolia

Аннотация:

Идиостиль Андрея Платонова, построенный на художественном смешении разных стилей, двуплановость, амбивалентность и импликативность авторского дискурса, намеренная языковая закодированность скрытых смыслов, коннотативная природа этого текста являются вызовами для переводчика платоновского прозаического текста. В этой связи переводчику приходится принимать во внимание проблему переводимости литературно «закодированного» платоновского текста. При осуществлении перевода этого текста должна учитываться не только лингвистическая сторона, но и все другие экстралингвистические и культурные составляющие, предопределяющие идиостиль Андрея Платонова. Представленный в статье *анализ перевода Томаса Уитни на английский язык повести Андрея Платонова «Котлован»* предполагает детальное лингво-переводоведческое рассмотрение текста «Котлована» и способов и средств выражения в переводе Уитни функций исходного текста, обусловленных творческим методом Платонова и его идиостилем.

Ключевые слова: Переводческая стратегия, форенизация, квазязык Утопии, Новояз, диглоссия, идеологические клише, идиостиль Андрея Платонова, художественное столкновение Утопии и Антиутопии, импликативность, метонимия, гиперонимическая синекдоха, гиперонимы, гипонимы, амфиболия

Introduction

The material of the study in this article is the text of A. Platonov's short novel *The Foundation Pit*. The original text is quoted from the source: [17]. The text of the English translation of *The Foundation Pit* made in 1973 by Thomas P. Whitney is taken for carrying out a translational comparative analysis of the original text and the translation. The English translation of the short novel is cited according to the source: [15].

In the *Preface* written by Joseph Brodsky to the publication by Ardis Publishing House in 1973, Thomas Whitney, the author of the English translation of Andrey Platonov's short novel *The Foundation Pit* is presented as an experienced translator of Russian literature who worked in the Soviet Union many years as a correspondent. His publications include two significant anthologies, *The New Writing in Russia* and *The Young Russians*, and also an English translation of Alexander Solzhenitsyn's novel *In the First Circle*.

In the following years after the translation by Thomas Whitney, several translations of *The Foundation Pit* into English were made: Platonov 1975, *Tr. M. Ginsburg* [16]; Platonov 1996, *Tr. R. Chandler, G. Smith* [18]; Platonov 2009, *Tr. R. Chandler, E. Chandler, O. Meerson* [19].

The special translational interest in this article in Thomas Whitney's translation is based on the important fact that the *Preface* to the publication of *The Foundation Pit's* Bilingual Edition was written by the poet and the outstanding master of literary expression Joseph Brodsky, who fully supported and blessed the publication of this first and only translation of the short novel at that time, in 1973. Another reason for the special translational interest in Thomas Whitney's translation is the fact that it was a *bi-lingual edition with publishing the original text of The Foundation Pit and its English linguistically*

oriented translation. For its part, *Ardis Publishing House* is a well-known American and the largest foreign publishing house specializing in publishing Russian literature in the original language and in English translation.

Discussion

The lingua-translatological analysis of *The Foundation Pit*'s text carried out in this article includes the lingua-stylistic part of the research, conducted simultaneously with the translatological research. In this analysis the special attention is paid to the linguistic factors that underlie the saturation of *The Foundation Pit*'s text with vivid and often occasional author's figures of speech and forms of artistic expressiveness.

The presence of many apparently objective elements of future postmodern poetics in *The Foundation Pit* allows to classify this Platonov's key literary work as peculiar Russian, or more precisely, Platonov's forerunner of European postmodernism of the 50-60s [6, p. 46; 9, p. 106]. These features of postmodernism are such properties of Platonov's text as the concentrated Menippean nature of its entire artistic space, genre versatility, fragmentation, ambivalence, implicativeness of the narrative, the widespread use of allegorical means and Aesopian language, allegorism, grotesqueness, radical carnivalization of the plot, a special poignant and bitter self-irony, which miraculously developed into a unique Platonic creative worldview [9, p. 108].

Andrei Platonov's partial refusal to conform to the norms of the Russian literary language can be considered as the most serious complication and a special object of interest for translators. Platonov deliberately brings varieties of radical semantic and syntactic deformations into the text. In the case of *The Foundation Pit* a starting point for a possible translation strategy could be what Lawrence Venuti [24] calls 'foreignizing' translation – the registering of linguistic and cultural values of the foreign text in the target culture.

The present analysis thus tries to assess whether Whitney's translation has preserved the foreign elements: Platonov's idiosyncrasy and the nature of his mixed language of Utopia and Anti-Utopia. The analysis of different translator's decisions in the process of translating *The Foundation Pit* will most likely shed some light on the problematics of translation studies in general.

Novoyaz As the Language of Utopia, And Its Translation

Thomas Whitney succeeded in the main in accomplishing a task in the transmission of one of the basic peculiarities of Platonov's language, which is based on the reflection in this "language" of all the typical features of the language of the Soviet epoch [22; 10]. The Soviet era, as a dramatic process of creation and implementation of a social Utopia, is notable for the birth of a new, transformed, "Soviet language" modified in comparison with the Russian literary language and called "Novoyaz". Its main task was to represent and defend the prevailing political dogma. This "quasi-language of Utopia" was used in a certain social and speech sphere as an annex to the national language created by a politically dominant social group [7, pp. 6-7]. This language is encouraged by the state, shaped by the state, whose existence is based on declarative utopianism [13, p. 273].

The "language of utopia" in Platonov's prose encompasses the rhetoric of Marxist-Leninist political dogma and Soviet bureaucratese [23, p. 11; 20; 21]. Andrei Platonov uses the language and semiotics of the totalitarian system to fight the system. This "quasi-language" of utopia can be relatively distinguished as one of two basic components of the *Russian national linguistic diglossia* [12; 14; 2, p. 30; 3; 4, p. 8; 5, p. 96], as a secondary semiotic system –"an annex" to the literary Russian language created for an exceptional use in a certain political and ideological socium. It acts as a lexically and stylistically marked signal which helps to select "their people" from ideological and political aliens. This "language" acts as "a blotting", "a ticket" for passing into the determined, isolated zone of class and ideological communication. By creating "the language of utopia" they indirectly, or more often attentively, frustrated the national literary language.

In the process of translation Thomas Whitney successfully reproduces the language of ideology reflected by Platonov in *The Foundation Pit* – the language of declarations and prescriptions, slogans, and propaganda posters – a convenient language for the proclamation of new "ideal society" [13, p. 275]. The new Soviet language was generated by the usage of a limited set of communicative and ideological cliches. Only selected people can think, but all others must work. Only certain people can contrive ideas and thoughts: others must learn and use them mechanically. In a totalitarian society people are forced to use ready phrases "stored up" by their political leaders. In "this "language of Utopia" the natural cognitive process of creating thoughts is replaced by a mechanical substitution of "ready-made" clichéd semanticized images and planned behaviorist cliches. By compelling people to act and think in that manner the ideologists succeed in the formation of a human "normalized" (the expression of A. Platonov) mass that is vulnerable to any kind of manipulation and directed programming [10, p. 165].

Thomas Whitney mostly uses a *literal translation strategy* to reflect this clichéd nature of the Novoyaz. In so doing, he produces a 'broken language' effect in English, thus producing the same effect as the original. In trying to find exact denotations (denotative meanings) for the words of the source text in English he often breaks the norms of the target language. Sometimes he obtains the equivalence of such degree when the source and the target texts are equal to each other [here and later the source and target text quotations, and their page numbers, will be taken from the following publications: [17; 15]. For example:

Около кузни висел на плетне возглас, нарисованный по флагу: "За партию, за верность ей, за ударный труд, пробивающий пролетариату двери в будущее..." [17, p. 86]

Next to the smithy hung a slogan on a banner: "For the Party, for loyalty to it, for *shock labour* which *is breaking open* the door into the future for the proletariat." [15, p. 136]

In Platonov's attributive construction *ударный труд* (*shock labour*) we can see the "reviving" of the internal form of the attribute *ударный* (*shock – striking*). *The actualization of the latent predicativity of the verbal adjective* *ударный* (*shock*), made by Platonov, results

in a radical semantic expansion of the expression. Thus, here we have *ударный труд* (*shock labour*) which is literally "striking and breaking open the doors into the future for the proletariat".

The literal translation of this sentence by Thomas Whitney does not conform to the norms of the English language. Neither does Platonov's source text conform to the norms of the Russian language. Here, Thomas Whitney employs the very same grammatical model which Platonov uses in his text for the grammatical realization of his pragmatical intentions and which is based on activating the constructions *shock labour – to break open*.

Thus, the use of the literal translation by Thomas Whitney leads to a complete reconstruction of the peculiarities of the poetics of Utopia in the target text. The poetics of utopia is characterized in the source and the target texts by artificial and stylistically incorrect confusion of cliches (*shock labour*) and words of high style (*the door into the future*). It expresses the connotations of the original text in the target text and the emotional and logical substance of Soviet propaganda slogans. It also helps to recreate the distinctive features of Platonov's idiom as well as to demonstrate the author's critical and ironic interpretation of the quasi-language of Utopia.

Platonov's use of the ideological cliches in the capacity of the stylistic device gives rise to a considerable satirical effect. In using them, Platonov severely criticizes the primitiveness of the propaganda, the mythologization of ideology, the collectivist, stereotyped, cliche'd way of speaking and thinking:

Сафонов, заметив пассивное молчание, стал *действовать вместо радио*:

– Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из *буржуазной мелочи*! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в *рассол социализма*, чтобы с него слезла *шкура капитализма* и сердце обратило внимание на *жар жизни* вокруг *костра классовой борьбы* и произошел бы энтузиазм... [17, p. 47]

Safronov, observing the passive silence, began to *act in place of the radio*:

"Let us put the question; where did the Russian people originate from? And let us reply: from out of *bourgeois small fry!* The Russian people might have been born from somewhere else, but there was other place. And therefore we *must hurl everyone into the brine of socialism so that the hide of capitalism will come off them easily and so their hearts will pay attention to the heat of life around the bonfire of class struggle, and so enthusiasm should take place!..*" [15, p. 63]

The literal translation of this fragment by Thomas Whitney does not conform to the norms of the English language. Neither does Platonov's source text conform to the norms of the Russian language. Whitney uses here the word for word type of translation. As usual, he does not change the disposition of the sentences, nor does he make abridgements in the translation. The target text does not correspond to the norms of English, but all connotations of the source text are preserved in full measure.

All the translated fragment is "impregnated" with the same ideological, absurd falsity as the fragment of the source text. *The irrelevant and redundant confusion of the words of the different styles* transferred from the original text into the translation produces the sharp satirical effect. Thus, in the process of translation Thomas Whitney comes across the problem of expressing the features of the epoch described by Andrei Platonov in *The Foundation Pit*. For the translation he selects lexical and grammatical elements which are specific to the Soviet Novoyaz of that time, and which allow him to keep the necessary historical perspective.

In many cases, because of the appearance of serious linguistic differences, Thomas Whitney could not reproduce the linguistic peculiarities of the original text in the translation without radical semantic and lexical changes. Then he has to take into account the fact that the conformity of the target text with the norms of the target language is inapplicable, owing to the known distinctive features of Platonov's language. All these circumstances make him to resort to a *renovative (recreative) translation strategy*. By using this type of translation, he succeeds in forming new occasional words, since, in his language and culture, many notions, national and ideological realities and views represented in Platonov's work are lacking [1, p. 14].

Thus, Thomas Whitney tries to solve the most important translating task, which is directed towards reproducing the distinctive features of Platonov's unique style. He changes the traditional word usage in the system of the English language by expanding the frames of lexical combinatorial capacity. Here he goes from the formally precise reproduction of certain elements of the source text despite the norms of the target language. As a result, he achieves a higher degree of expressiveness by creating *extra-linear lexical meanings of words* and reproducing with the help of his imagination *new occasional words and terms in English*. This approach of Thomas Whitney can be considered as a success for a valuable reconstruction of the individual originality of the source text. His method helps him to reproduce in the translation Platonov's "broken" word usage and the stylistic "incorrectness" of his idiosyncrasy.

Metonymy: Hypernymic Synecdoche (Гиперонимическая синекдоха)

Along with the consideration of the general figurativeness of the source and target texts, the important role in the analysis of Thomas Whitney's translation presented in the article is played by the study of such a characteristic trope for the writer's style as ***metonymy*** and the ways of its expression in the translation, and specifically ***some of its forms*** used by Platonov as occasional author's constructions, grammatical models and means of artistic expression. Used for the purpose of artistically embodying the idea of this literary work, they urgently require the translator not only to creatively develop ways of expressing the emotional and expressive impact inherent in them in the translated text, but also, to the possible extent, to more accurately conveying the formal linguistic features inherent in the writer's idiosyncrasy [8, p. 43].

In working with Platonov's prose, a translator has to activate such features of the target language as polysemy and lexical and semantic variance. Very often such semantic

deformations have an occasional and artificial character which practically presupposes a need for the translator's active and creative personal interference and *foreignizing contribution*.

However, sometimes *the semantic ambiguity of Platonov's text* [11, p. 94] puts Thomas Whitney as a translator in a very difficult position. Andrei Platonov uses *hyperonymic synecdoche* to express his special writer's approach to the entire system of existing generic relations in a literary text. For instance, in the following fragment text of The Foundation Pit, *hyponyms*, organized according to the principle of subordination of meanings, and corresponding to specific concepts, are often replaced by *hyponyms* corresponding to the generic concept *to bring the species under the genus*, as can be seen in the following example:

Чиклин, желая отдохнуть ребёнку, стал ждать его пробуждения <...> [17, p. 46]
Chiklin, wanting *the child* to rest, began to wait for *her* awakening <...> [15, p. 62]

The noun *ребёнок/child* in the specific context of "The Foundation Pit" is a hypernym in relation to the hyponym *девочка/girl*. Platonov's use of certain deictic elements (in this sentence, *его/his*) also serves to implement the Platonov's setting for the widespread subsuming of species under genus. Whitney's translation complies with the norms of the English language. Here can be stated only a partial transmission of the semiotic expansion implied by Platonov.

The translator's mistake here lies in the fact that despite the use in the translation, as in the original, of the hypernym *the child*, the possible conceptual Platonov's connotation is removed due to the unforeseen presence of the deictic word *her* in the text of the translation, which determines the *child's* belonging to the female sex and which is purposefully omitted by Platonov. Such a conceptual miscalculation brings the translation strategy to naught when solving a specific translation task in this translation fragment.

In the following example, Platonov uses the same position of hypernymy, according to which the noun *ребенок/child* is a hypernym in relation to the hyponym *девочка/girl*. At the same time, Platonov also includes deictic elements in the text for the *author's deliberate subsuming of species under genus*. Deictic vocabulary is represented here by the pronouns *он/he* and *его/his*:

Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка – не поврежден ли он в чем со вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. [17, p. 89]

Chiklin looked at *the girl* attentively – to see, if somehow *she* had been harmed since the day before, but *the child* was quite intact and in running order; only *her* face burned with the inner power of youth. [15, p. 143]

It is possible to hypothetically state that the norms of the English language would allow in this case the *use of the deictic words it and its* in translation, which do not directly indicate gender. However, in Whitney's translation, the deictic words *she* and *her*, contrary to Platonov's authorial intention, clearly indicate that the child belongs to the female sex.

Thus, if Whitney's translation complies with the norms of the English language, *the translator's conceptual error* again comes to the fore here, caused by use of the *hyponym* *the girl* in the translation to translate the *hypernym* of the original text *ребёнок/child*, and the *use of clarifying deictic words she and her*, directly pointing to the child's belonging to the female sex. As in the previous case, this insufficiently careful reading of the original by the translator destroys the author's conceptual discourse, which is concretely embedded in this fragment of Platonov's text.

In the following fragment of The Foundation Pit, Platonov, by using the technique of hyperonymic synecdoche, skilfully creates an artistic generic characterization of a certain animated subject, devoid of any specificity: not a bird, a cow or a dog, but *маленькое животное/a small animal*:

<...> и только одно *маленькое животное* кричало где-то на светлеющем теплом горизонте, тоскуя или радуясь. [17, p. 37]

<...> and only one *small animal* was *crying* somewhere out on the brightening warm horizon, being sad or being glad. [15, p. 45]

The noun *животное/animal* acts as a *hypernym* in relation to the *hyponyms* *птица, корова, собака/bird, cow, dog*, etc. It is paradoxical that if the reader of *The Foundation Pit* wanted to understand what kind of animal he is talking about, the reverse transition in the text from the *hypernym* to the *hyponym* would be impossible without obtaining additional information and specifying the signified, since the meaning of the *hyponym* is semantically more complicated.

Whitney's translation was carried out in accordance with the norms of the English language. The *hypernym* *животное* is translated literally as *animal* – and this is equivalent to the Platonov's context. We must state that the translator's mistake, which again crept into the translation of this fragment, is caused by the fact that he "falls into a trap" here, not related to the use of hyperonymic metonymy in the translation, but *due to completely different circumstances*. The fact is that the phrase of the original *одно маленькое животное кричало* here is translated as *one small animal was crying*.

If one carefully reads the English translation of this phrase, then from the context it is impossible to understand what this *одно маленькое животное/one small animal* is doing – whether it is *кричит/screaming* or *плачут/crying*, *тоскуя или радуясь/longing or rejoicing*. The English verb *to cry* is polysemic and, depending on the context, can have two different meanings: *to cry – кричать* and *to cry – плакать*. For complete meaningful clarity, excluding such a semantic dualism, in this Platonov's philosophical and existential context, the Russian verb *кричать* should be translated by the English verb *to scream*.

The deep semantic transformations carried out by Platonov through the author's inclusion of the mechanism of *hyperonymic synecdoche* leads to the creation of an artistic effect of *amphibolia* (*Амфиболия*: from the Greek ἀμφιβολία – *ambiguity, obscurity*), that is, a deliberate confusion of concepts, ambiguity, and duality of the author's figurative description with the predominance of the conceptual, generic over specific, specific. In the context of *The Foundation Pit*, this means the birth of broad philosophical generalizations based on the humanistic vision of life by Platonov, its global philosophical and spiritual context.

Conclusion

The methods used in the analysis of Thomas Whitney's translation are in full accordance with the following theoretical translational provisions derived by Lawrence Venuti [25]. According to Venuti, the translation is aimed at the active reconstruction of a foreign language text burdened with untranslatable linguistic, discursive and ideological differences with the target language of culture. These differences can be formulated using two types of the in-depth translational analysis: firstly, a comparison of the source and translated texts, during which the ratio of losses and successes in translation is examined and the discursive strategy of the translator and any unforeseen circumstances are considered; and, secondly, the study of inconsistencies in the translation itself, a heterogeneous textual work with the aim of cultural assimilation of the materials of the target language, intended to reconstruct the text of the source language, but inevitably supplementing it [25, p. 10].

The adoption of such conditions as the basis for analysing Thomas Whitney's translation raises the demand for observing the reflection of the individual creative originality of the original text in the analysed translation, which finds its expression in the system of using language means and is associated with the author's worldview and his aesthetics. An important characteristic feature of *The Foundation Pit* is an artistic synthesis and collision of Utopia and Dystopia. The biggest difficulty for a translator is Platonov's partial refusal to follow the norms of the Russian literary language.

Using mainly *the foreignizing translation strategy*, Thomas Whitney has to act in his target English text *in defiance of accepted translating norms*. The reasons for such an approach can be found in the individual peculiarities of Platonov's texts, such as formal integrity and indivisibility. The destruction of this integrity could produce a displacement of the whole system of intratextual relations and an infringement of the artistic exclusiveness of Andrei Platonov's idiom and ontology.

Therefore, Thomas Whitney's reflecting the national colouring of *The Foundation Pit* takes place primarily at the level of transferring the idiomatic components of Platonov's writing style, combined with the national specificity of images and situations. He, for the most part, succeeds in this task in translation. From the point of view of conveying national colouring, Whitney's translation can be considered successful, since in the most of cases, in addition to the particularly difficult cases considered in this article, it conveys and reflects the idiomatic means of the Platonov's Russian text with a sufficient degree of adequacy.

References:

1. Bouilov V. (1996). Questions concerning the translation of the «untranslatable» prose of Andrei Platonov. *Aspectus varii translationis II. Studia translatologica, Ser. B, vol. 2*; Tampere: Tampere University, Department of Translation Studies/Tampereen yliopiston käännöstieteen laitos, 1996, pp. 1-25.
2. Bouilov V.V. (1997a). Andrei Platonov i yazyk ego ehpokhi. Razdel XX vek. Moskva: Russkaya slovesnost', №3, mai–iyun', 1997, 30-35.

3. Bouilov V.V. (1997b). Klishirovannaya rech' ideologii v kontekste prozy Andreya Platonova. Slavic Almanach. The South African Yearbook for Slavic, Central and East European Studies, V. 4, Numbers 5-6. Pretoria: University of South Africa. 90-111.
4. Bouilov V.V. (2008a). Bouilov V. The semiotics and the language of the totalitarian system in the context of Andrei Platonov's prose. International Scientific Conference Communication as Translatio. Nordic-Baltic-Russian cultural dialogues. Editor-in-chief: Maija Burima. Daugavpils University. Institute of Comparative Cultural studies. Daugavpils, Latvia: Academic Press «Saule», 96-108.
5. Bouilov V.V. (2008b). Vassili Bouilov's Report: The Semiotics and the Language of the Totalitarian System in the Context of Andrei Platonov's Prose. BASEES: The British Association for Slavonic and East European Studies. BASEES Conference 29-31 March 2008. Fitzwilliam College, Cambridge.
6. Bouilov V. (2017). Idiostil' Andreja Platonova: intertekstual'no-konceptual'nyj i lingvoperevodovedcheskij aspekty. Andrei Platonov's Idiostyle: Intertextual, Conceptual and Lingua-Translatological Aspects. Doctoral Dissertation Monography, 2017. University of Eastern Finland, Publications of the University of Eastern Finland Dissertations in Education, Humanities, and Theology; 103, Joensuu–Tampere: Juvenes Print, Suomen Yliopistopaino Oy.
7. Bouilov V. (2020a). Novoyaz as Quasi-language of Political Dogma in its Proclamation of New Ideal Society. Scientific Journal *Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*, Vol.5, Issue 2, 2020, Washington: Library of US Congress, pp. 6-20.
8. Bouilov V. (2020b). Perevod metonimii v svete lingvoperevodovedcheskogo analiza prozy Andreja Platonova. The Translation of Metonymy in the Aspect of Lingua-Translatological Analysis of Andrei Platonov's Prose. Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda: X Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija; Sbornik materialov konferencii. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020, 40-55.
9. Bouilov V. (2022). Andrei Platonov: Signs of Postmodernism in the Short Novel *The Foundation Pit*. Andrei Platonov's Epiphany. Scientific Journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES), Vol.7, Issue 1, 2022, Washington: Library of US Congress, pp. 106-112.
10. Brodsky J. (1973). Preface by Joseph Brodsky. Andrei Platonov. Kotlovan. The Foundation Pit. A *bi-lingual edition*. Eng. trans. by Thomas P. Whitney. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishing.
11. Elistratov V.S. (1993). Obraznye sochetanija slov v proze A. Platonova. Russkij jazyk za rubezhom, #1, 92-95.
12. Geller M.Ya. (1980). Russkii jazyk i sovetskii jazyk. Parizh: Russkaya mysl', 8 maya, 1980.
13. Geller M.Ya. (1982). Andrei Platonov v poiskakh schast'ya. Paris: Ymca-Press.
14. Krongauz M.A. (1994). Bessilie yazyka v ehpokhu zrelego sotsializma. Znak: Sbornik statei po lingvistike, semiotike i poehtike. Moskva: Russkii uchebnyi tsentr, 233-244.
15. Platonov A. (1973). The Foundation Pit. Котлован. A *bi-lingual edition*. Preface by Joseph Brodsky. Eng. trans. by Thomas P. Whitney. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishing.

16. Platonov A. (1975). Andrei Platonov. The Foundation Pit. *Tr. Mirra Ginsburg*. New York City: E.P. Dutton, xiv.
17. Platonov A. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
18. Platonov A. (1996). Foundation Pit. *Tr. R. Chandler, G. Smith*. London: Harvill.
19. Platonov A. (2009). The Foundation Pit. *Tr. R. Chandler, E. Chandler, O. Meerson*. New York City: New York Review Books. Seifrid T.
20. Seifrid T. (1984). Linguistic devices in the prose of Andrej Platonov. Cornell University.
21. Seifrid T. (1992). Andrei Platonov. Cambridge University Press.
22. Selishchev A.M. (1968). Revolyutsiya i yazyk. Vyrazitel'nost' i obraznost' yazyka revolyutsionnoi epokhi. Izbrannye trudy. Moskva: Prosvetshchenie, 141-158.
23. Svitel'skij V.A. (1970). Konkretnoe i otvlechennoe v myshlenii A. Platonova-hudozhnika. Tvorchestvo A. Platonova. Stat'i i soobshchenija. Voronezh: Izdatel'stvo voronezhskogo universiteta, 7-26.
24. Venuti L. (1975/2008). The Translator's Invisibility. A History of Translation. London & New York: Routledge. Re-edition: Venuti L., 2008. The Translator's Invisibility: A History of Translation (2nd ed.). Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge, 1975/2008.
25. Venuti L. (1992). Introduction by Lawrence Venuti. Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology. Ed. L. Venuti. London & New York: Routledge, pp. 1-17.

Information about the Author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies, E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

The author permanently lives in Helsinki.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works and reports – about 100 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-28-34

УДК (UDC) 821.161.1

**Zhainagul S. Beisenova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
Saule A. Seralimova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
Elmira A. Abdrakhmanova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan**

**Бейсенова Жайнагуль С.,
Евразийский национальный
университет имени Л.Н.Гумилёва,
Астана, Казахстан
Сералимова Сауле. А.,
Евразийский национальный
университет имени Л.Н.Гумилёва,
Астана, Казахстан
Абдрахманова Эльмира А.
Евразийский национальный
университет имени Л.Н.Гумилёва
Астана, Казахстан**

**For citation: Beisenova Zhainagul S., Seralimova Saule A.,
Abdrakhmanova Elmira A., (2023).**

**About Genre Diversity in Modern Kazakh Literature.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 28-34 (in USA)**

Manuscript received 11/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

**The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0**

ABOUT GENRE DIVERSITY IN MODERN KAZAKH LITERATURE

О ЖАНРОВОМ МНОГООБРАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Abstract:

This article is devoted to issues of the genre - as one of the most pressing and most debatable problems today. The purpose of this article is to characterize the genre of historical novel and the genre of essays in Kazakh literary criticism, as well as to provide information

about representatives of these genres: Ilyas Esenberlin and Bakhyt Kairbekov. Issues of diversity and changes in genres in literature are very relevant and require further study. This will identify important patterns of their development, establish relations between them, determine the specifics of their kinds, and also find which of the genres have outlived their age, and which are still quite viable and meet the spirit of the times. The question of continuity in the development of genres, of historically repeated signs found in the variety of individual genres, in the history of literary criticism is most deeply posed by scientists who have studied literature in close connection with social life.

Keywords: genre, literary criticism, essay, Kazakh literature, historical novel

Introduction.

The main direction in literary criticism is to determine the features of the genre. Some types of genres exist for a long period during the development of literature (for example, fables), and some are inherent only in a certain era. And also, genres are both universal and limited by certain properties. A feature of the genre is that various processes in it interact with each other.

The genre, having gone through complex development processes, aroused great interest of various scientific schools, which gave rise to many opinions, views and hypotheses. Bulgarian scientist Ts. Todorov writes: "The features of the genre change during certain periods, taking numerous additional properties. However, these properties are not the main features. Therefore, when determining the genre of the work, they do not have tangible effects. For this reason, the same work during different periods of the development of literature can be attributed to different genres. In such a situation, an important role is played by what features of the work prevail "[1]. The first monumental work on the formation of the genre in Kazakh literature belongs to the scientist R. Nurgali. He defined the concept of genre in Kazakh literature. In this book, developing a critical understanding of the genre, he presents the stages of development of the Kazakh dramatic genre, social and household stories, the heroes of which are ordinary residents of the village in the early years of the formation of Soviet power. The scientist describes the remnants of the Kazakhs' past as polygamy, kalym, slavery, illiteracy. He addresses the topic of oral folk art. The scientist believes that "today there are different schools in the definition of the genus and type of literature, each of which offers its own point of view" [2]. This phenomenon is not accidental, since the laws of the literary process interact in the genre, for example, content and form, author's plan and literary processes, the "typological" meaning of the genre and its specific types.

Kazakh folklore is unique, it includes over forty genre varieties, a significant part of which is characteristic only of Kazakh oral folk art. It is inexhaustible: there are not only heroic tales, lyrical and epic poems, legends, legends, ditties, love and ritual songs, philosophical reflections, initiations, instructive tales, but also witty sayings, riddles, aphorisms, proverbs, farewell, lullabies and funeral tunes, conspiracies and spells that give a complete idea of the folk being, the people's world understanding of the Kazakhs. The Kazakh people in legends, fairy tales, and legends in other genres of oral folk art teach and educate people only good, best, positive qualities.

Kazakh novel is the final genre of development of Kazakh literature. This confirms the artistic and theoretical experience of 20 years. This is evidenced by the experience of world literature mastered by Kazakh writers, which led to the acquisition by Kazakh literature of its place in the world literary process. Kazakh prose of 20 years is historically deterministic, is in living connection with both the previous literary process and its folklore heritage [3].

Literature review

A specific genre analysis of literary works cannot be conducted without theoretical knowledge. The study was based on the works of prominent literary scholars such as A. Baytursynuly,

M.Auezov, K.Zhumaliev, Z.Akhmetov, Z.Kabdolov, S.Aleukenov, S.Kirabayev, T. Kakishev, R. Berdibaev, M. Myrzakhmetov, T. Nurtazin, A. Marghulan, A.Nurkatov, R. Nurgali, S.Kaskabasov, S.Negimov, A.Espenbetov, B.Abdigaziuly, S.Ashimbayev, M.Magauin, M.Alimbayev, B.Gabdullin.

At the beginning of its formation, the historical novel has already caused numerous controversies. While most prominent literary critics of that era attributed the appearance of the historical novel to an innovative, original phenomenon, French classicists opposed this trend, arguing that a writer can truthfully depict only the reality he witnessed. Researchers of historical romance S. M. Petrov, A. I. Pautkin, L. P. Alexandrov, G. Lenobl, I. P. Varfolomeev, A. G. Bakanov and others adhere to a different point of view, believing that a historical novel is a fully formed genre of fiction. Subsequently, a discussion unfolds in literary circles about the need to separate a historical novel into a separate genre.

The word "essay" has its roots in the Latin "exagium" - "weighing", and the founder of the genre is considered to be the French writer Michel Montaigne, who published the book "Les essais" – "Experiments" during the Renaissance. It was the experience of research, formation and development of thought. The poet and novelist M. Shahinyan defines the essay as an active journey of the writer into the world of reality, with its nature, people, plans, victories and morality. She believes that the images and pictures of the essay are purely concrete, documentary, but the thought and the entire logical apparatus are generalized and aimed at a practical conclusion, designed for a wide field of action. In contrast to the story, where people and positions are invented with an approximation to the truth - the essay represents people and positions that are not invented, if the story conveys morality in the image itself, in the course of its fate, then the essay exposes the conclusion, throws it to the reader and deduces the thought from the fact. M. Bakhtin believes that any genre form, including essays, is determined by the theme of the created work, the author's worldview and world outlook [4]. Literary critic M. Epstein calls the essay a supra-genre system that includes philosophical, historical, critical, biographical, autobiographical and journalistic writings. He also claims that the author himself is the main thinking unit of essayistics [5]. As many researchers have noted, new genres arise when there is a need to rethink reality, which encourage us to address the human problem, analyze what is happening in society.

Materials and Methods

The methodology is dictated by the specifics of the subject of our research and involves the synthesis of two approaches: motivic and comparative, taking into account the historical-literary and structural-semantic aspects of the study of a literary text. The use of the biographical method permitted us to analyze and investigate the problem under study. The comparative-historical method allowed us to identify and compare the features of literary genres and determine the trends of their further development. The structural-semantic method contributed to the identification of the interrelationships of the compositional structure and content, and also allowed the most complete disclosure of the contradictory tendencies of the artistic image.

Results and Discussion

Over the years of independence of our country, Kazakh prose has risen to a new stage of its development. During the period of independence, Kazakh writers, freeing themselves from totalitarian vice, headed for expanding the scale of the work. Over the years, the range of the leading genre of prose - the novel - has expanded. Independence introduced freedom of speech to writers. Freedom of speech made it possible for Kazakh writers to once again look at such topics that in the Soviet period they could not freely express and widely cover. Therefore, during the period of independence, works about Kazakh history were written in large numbers, before that they were assessed as lopsided [5].

The historical novel today belongs to the most popular literary genres. Through reading a historical novel, we get acquainted with the history of the past, with the events of long-gone days. The artistic picture of the past primarily reflects the spiritual experience, the moral potential of a contemporary. The writer, exploring history, pushes back on the problems of the present day and tries to find more optimal ways to solve them. And this explains the constant interest in the genre of historical novel.

The genre of historical novel in literature of the 70-90s of the XX and the first quarter of the XXI century is a unique phenomenon. One of its features is the desire of writers for an epic depiction of historical events. Considering the diversity of style orientation, it is necessary to revise the established canons and develop new standards in their study [6].

A historical novel is a work of fiction, so historical truth here becomes artistic truth. It is important to know that artistic truth is different from life truth, how the truth of art differs from the truth of life. But artistic truth is created on the basis of reality, where facts play a fundamental role. And an indicator of poetic perfection is the interaction of historical truth and author's fantasy.

Ilyas Esenberlin... This name is on a par with the giants of creative thought of Kazakh literature and culture. He can rightfully be considered the founder of the historical novel genre in Kazakh literature. It looks not very noticeable, modest. Always polite in communication, he was an outstanding son of the Kazakh people, an eyewitness to the difficult trials and tragic fractures of the twentieth century, who conveyed the truth to this day. Until the recent past, many European scientists and writers considered the civilization of nomads almost a civilization of savages and barbarians. Having familiarized themselves with the works of Kazakh writers, primarily with I. Esenberlin, many of them revised their views. The writer tore off the labels of historians of stagnant years, deeply comprehending the path traveled by the nomads and, comprehending it in a new way, made his important creative contribution to the genre of historical novel. In his works, he brilliantly showed the multi-polarity and multi-vector foreign policy of the Kazakh khans for many centuries. His literary legacy will not lose its relevance as long as there is a great steppe. Historian E. Bekmakhnov, who studied the national liberation struggle led by Khan Kene against the tsarist autocracy, which was then a closed topic for historians, was sentenced to 25 years in prison in the early 50s. What courage you need to have in order not to be afraid to take up such a topic again. In his diary, Ilyas Esenberlin wrote: "Although I have already had many years, I have not yet accepted my main book. I thought of her for a long time. And there was something to think about, because I wanted to create not a novel, but an epic. And this epic should cover not one historical era, but all the main, so to speak creative stages of our history from the Middle Ages to the present... I was preparing to write such a book for a very long time, almost twenty years, only after an internal awareness of the problem I was able to begin this important topic"[7].

The trilogy "Nomads" was first published in Russian in 1978 by the Moscow publishing house "Soviet Writer" in a hundred thousand copies. The translator of the book was a great friend of Kazakh literature Maurice Simashko, and the preface was written by academician Alkey Margulan - an outstanding historian, archaeologist, and ethnographer. The publication of "Nomads" was a truly epoch-making event for Kazakhstan. Ilyas Esenberlin's books were in demand by readers at the time of their appearance, many years ago, and today. The reason here is simple: despite the prohibitions and libel, he was the first to show his reader a unique and reliable picture of the complete drama of the seven-century history of the people. I. Esenberlin today remains not only the first, but also the largest historical writer in Kazakhstan. He was more worried than others about the fate of the cities erased from the face of the earth. He managed to solve many secrets in the past of the Great Steppe and leave the chronology of events of several centuries, highlighting the most iconic figures [8]. In modern Kazakh literary studies, essay studies occupy an important place among other literary genres, representing one of the new possible ways of comprehension and cognition of being. The increased attention of modern literary criticism to "borderline" genres: biographies, memoirs, diaries, essays is explained by the processes of transformation of the genre system occurring in the conditions of the crisis of artistic consciousness at the turn of the XX-XXI centuries. An essay is a special genre of literature that combines the features of the writer's artistic and theoretical creativity. The essay has a two-level semantic structure: the artist's view into himself and the artist's view of the beautiful, which formulates the author's aesthetics. This is made possible by the uniqueness of the writer relative to the rest of the world. The essay is a genre characterized by duality at different levels: text and context, text and metatext, author and reader, "pure author" and "human author". Essayism is a genre of modern philosophizing, denoting a clearly expressed aesthetic character of speculative and artistic thinking. Essayism is also understood as a set of philosophical and artistic works in the field of thought [9] Essayistic, being a borderline literary field, serves as a field of intersection of the main features of various genres and speech strategies. The essay as a form combines such specific features that are inaccessible to any other genre, and bring it closer to the philosophical form, as: imagery, striving for mental generalization, reflexivity, descriptiveness, proximity to free presentation. Essayism attracts precisely by the openness of the feelings and thoughts of the author, who shares with the reader the innermost, experienced, thought-out. From the above, one of the important principles of Essayism can be revealed – this is the desire to convey the feeling that lives in the author and determines his attitude to what he saw. Thus, it can be concluded that the essay is a set of ethical and moral laws, which is very important in dialogue with other authors and cultures. In this context, the creativity of the outstanding Kazakh poet and essayist Bakhyt Kairbekov is of great scientific interest. Bakhyt Gafuovich Kairbekov is a famous Kazakh poet, essayist, translator, film director and screenwriter. He was born in Almaty, graduated from the Gorky Literary Institute and the Higher Courses of Screenwriters and Directors at the USSR State Cinema. B. Kairbekov combines various types of creative activities and uses different genre forms in his works. A variety of genres, an emotional-biographical fusion of translations, parables, interviews, diary fragments are characteristics of the poet's creativity and represent a kind of emotional "background" that contributes to a deeper insight into the content of texts, understanding the specifics of temporal and spatial relations [10]. The genre of the essay is one of the significant signs of the originality of his works. The essay for B. Kairbekov becomes a more "personal" genre. In it, events are not only reproduced, but also serve as an occasion for author's reflections, generalizations, and problem statements. The author's "I" of the essay carries a deep content, performs a great psychological load,

determines the style and tone of the creativity. Thus, essay writings become for the author one of the forms of cognition of the surrounding reality. The main thing for him is the love of his native land and expanses. Through his essays, B. Kairbekov enters into a dialogue with the reader and becomes closer to him. Through his books, reader involuntarily immerses himself in the history of the nomadic people, travels through the mountains and steppes, feels harmony with nature and the cosmos. The essay allows the reader to realize the individuality of the author, to understand his spiritual world and state more deeply, and thereby performs an important communicative task. Essayistic acts for the writer as a kind of creative laboratory and a deep personal confession.

Conclusion

The study of the genre diversity and its classification is an important issue of modern literary studies. The significance of such genres as historical novel and the genre of essays in literary criticism was determined. In the process of our work, we made an attempt to analyze the critical works of both Kazakh and foreign literary scholars in the context of genre diversity in Kazakh fiction.

The phenomenon of the genre in Kazakh literature is wide and diverse. Its development was carried out under the influence of world literature. In parallel, modern genres are developing as biographies, memoirs, essays and the transformation of the modern genre system is taking place.

References:

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozh. lit.. 1975. p.12
2. Nurgaliyev R. Traditsii i sovremennyy literaturnyy protsess: Monografiya / Rymgali Nurgaliyev. - Alma-Ata: Zhazushy. 1986. p.438
3. Ismakova A.S Poetika kazakhskoy khudozhestvennoy prozy nachala KhKh veka (tematika. zhanr. stil) : avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk : 10.01.02.- Almaty. 1998. p.60
4. Bakhtin M.M. The problem of content. material and form in literary art..Kiev. Next. 1994.p.233
5. Epstein M.N. At the crossroads of image and concept (essayism in the culture of modern times). M.. Soviet Writer.1989. pp. 334-380
6. Beysembiyev K. Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysli Kazakhstana. Alma-Ata: Kazakhstan. 1976.p. 428
7. Bakanov A. Sovetskiy istoricheskiy roman. Kiyev. 1989. p.184
8. Berdibayev R. Ot legendy k romanu. Stati i issledovaniyana kaz. yaz.). Alma-Ata: Zhazushy. 1976. p.224
9. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e1ff027f5920f4c8bae3e1>
10. Salkhanova Zh.Kh. Genre of essays in the works of Bakhyt Kairbekov. Bulletin of KazNU. 2015

Information about the Authors:

Zhainagul S. Beisenova (Astana, Kazakhstan) - Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian philology of L.N. Gumilyov Eurasian National University
<http://orcid.org/0000-0001-7022-4956>; SCOPUS Author ID: 565377108500;
E-mail: zhaina_b@mail.ru ,

Saule A. Seralimova (Astana, Kazakhstan) - doctoral student of L.N. Gumilyov Eurasian National University
<http://orcid.org/0000-0002-2114-894X>
E-mail: seralimovasaule@gmail.com ,
ORCID ID: 0000-0001-7022-4956

Elmira A. Abdrakhmanova (Astana, Kazakhstan) - doctoral student of L.N. Gumilyov Eurasian National University, E-mail: engser16@mail.ru

Acknowledgments: I express my deep gratitude to my colleagues for their support during the writing of the article, and for giving me invaluable advice.

Contribution of Authors: Solely the authors contributed to this work

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-35-44

УДК (UDC) 81'25

Natalia Bogdanova-Beglarian,

Saint-Petersburg State University, Faculty of Philology

Saint-Petersburg, Russia

Yeh Hsiang-Lin,

National Chengchi University,

Dept. of Slavic Languages & Literatures

Taipei, Taiwan

*For citation: Bogdanova-Beglarian Natalia, Yeh Hsiang-Lin, (2023).
Faddies of Modern Russian Speech Etiquette, or about one
Typical Dissonance in the Exchange of Remarks in a Conversation.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 35-44 (in USA)*

Manuscript received 11/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

FADDIES OF MODERN RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE, OR ABOUT ONE TYPICAL DISSONANCE IN THE EXCHANGE OF REMARKS IN A CONVERSATION

ПРИЧУДЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА, ИЛИ ОБ ОДНОМ ТИПИЧНОМ ДИССОНАНСЕ В ОБМЕНЕ РЕПЛИКАМИ В РАЗГОВОРЕ

Abstract:

The article discusses the colloquial formula *I Vam ne khvorat!* – widely used among native speakers of Russian, little known to foreigners and possessing mixed pragmatics: greetings, farewells, toast proposals, and well-wishing. Usually this formula "works" in Russian-language communication according to the "boomerang rule" (*Bud' zdorov! – I vam ne khvorat!*!), but sometimes the same expression is used and perceived in the act of communication with "exactly the opposite". In such situations, this formula becomes a response to rudeness (*Idi na kh*y!* – *I vam ne khvorat!*!), and sometimes it is perceived as offensive (*Idite, bud'te zdorovy! – I vam ne khvorat!*! – *A vy yeshcho i kham vpridachu, kak ya poglyazhu*). The study was carried out on the material of contexts from the National Corpus of the Russian Language (oral, main and newspaper subcorpora), as well as from the Internet. An analysis of the usage and perception features (primarily by native speakers of other languages, for which a special linguistic survey was conducted among Chinese respondents) of this formula seems important both for modeling the communicative behavior of the Russian-speaking society and for preparing foreigners for communication in this society.

Keywords: everyday speech; etiquette formula; discursive formula; remark-stimulus; remark-reaction; communicative behavior; colloquialistics; corpus approach; pragmatics; dialogue

Аннотация:

В статье рассматривается разговорная формула *И Вам не хворать!* – широко употребительная в среде носителей русского языка, мало знакомая иностранцам и обладающая смешанной прагматикой – это и приветствие, и прощание, и тост, и пожелание. Обычно эта формула «работает» в русскоязычной коммуникации по «правилу бумеранга» («как аукнется, так и откликнется») (*Bud' zdorov! – I vam ne khvorat'*), и тогда она может рассматриваться как дискурсивная формула (ответная реплика в диалоге). Но иногда это же выражение используется и воспринимается в акте коммуникации с «точностью до наоборот» (можно сказать, что не всегда *откликнется* так, как *аукнется*). В таких ситуациях данная формула становится ответной репликой на грубость (*Idi na kh*y! – I vam ne khvorat'!*), да и сама порой воспринимается как оскорбительное (*Idite, bud'te zdorovy! – I vam ne khvorat'! – A vy yeshcho i kham vpridachu, kak ya poglyazhu*). Исследование выполнено на материале контекстов из Национального корпуса русского языка (устный, основной и газетный подкорпусы), а также из сети Интернет. Анализ употреблений и особенностей восприятия (прежде всего носителями других языков, для чего был проведен специальный лингвистический опрос в китайской аудитории) этой формулы представляется важным как для моделирования коммуникативного поведения русскоязычного социума, так и для подготовки иностранцев к общению в этом социуме.

Ключевые слова: устная повседневная речь; этикетная формула; дискурсивная формула; реплика-стимул; реплика-реакция; коммуникативное поведение; коллоквиалистика; корпусный подход; прагматика; диалог

Introduction

Modeling the communicative behavior of the Russian language is a topic of interest in current linguistic research. The research questions addressed herein are important for multidimensional studies on communication in different communities. The empirical data collected through a conversational, discursive, and cognitive–communicative analysis of everyday communication can help to fill the gaps in the current knowledge of communication and language. The key role and practical significance of research in this area are determined by the relevance of an adequate description of human speech behavior in the real world, specifically a description that is produced because of the knowledge derived from fundamental research in various fields (e.g., linguistics, anthropology, linguodidactics, psychology, and sociology). In addition, the findings of such research are of high practical relevance in various applied fields; these fields include the development of artificial intelligence systems and dialogue systems through the application of the language used in various aspects of life in modern Russian society (e.g., everyday communication, speech technologies, linguistic and judicial inspection, speech monitoring, and educational tasks).

Problem definition

Full-fledged modeling of a person's communicative behavior can only be achieved by conducting a multidimensional analysis of their everyday speech; this is a method that is applied in modern colloquialistics (derived from the Latin word *colloqui*, meaning 'talk'),

which is the name given to the theory of colloquial speech [1]. In the framework of colloquialistics, a complete inventory of functional units of oral speech must be built, and the features of their functioning must be analyzed and defined.

A significant aspect of these functional units is the variety of idiomatic expressions differing in status, features, and even names (cf., “It is well known that there are numerous repeated idiomatic expressions in the speech of all languages. Phenomena of this kind, which could be defined as ‘idioms’, ‘idiomatic combinations’, ‘speech formulas’, ‘speech stamps’, ‘cliches’, find a certain place in any description of the language” [2, p. 121]; “An important part of communication is to establish contact: greetings, farewells, congratulations, condolences, various verbal ‘strokes’ and ‘pricks’ <...>. In linguistics, it is common to single out a certain function of the language – contact-establishing, or phatic. This function is provided mainly by a set of standard speech formulas (cliches)” [3, p. 35]). Such formulas are more common in oral speech than in literary and written language, and all of them warrant further investigation; a study argued that “such formulas constitute an important layer of the spoken language, and therefore must be collected and fully analyzed” [4, p. 259] – this was done in the present study. The object of analysis in the present study was the colloquial formula *I Vam (tebe) ne khvorat!* (*And you do not get sick!*), which is difficult to define, as evidenced by the available research on this formula [5, 6].

Conversational formulas in language and speech

Two classes of colloquial formulas are particularly applicable for the unit being examined in the present study. The first class of formulas is discursive formulas (DFs), which are regarded as idiomatic, easily reproduced isolated constructions that serve as “response remarks in a dialogue and, unlike traditional constructions, do not contain variables within themselves” [7, p. 143]. DFs represent isolated remarks in a dialogue that have a fixed form and are syntactically equal to a sentence. They are similar to constructions that “contain multiple words and are always extremely idiomatic” [4, p. 259]; they are “dialog patterns remembered and reproduced by the speaker” [4, p. 259]. Fillmore [8] considered DFs as a class of construction typology (within the framework of “construction grammar” [CxG]). Examples of DFs include *Yeshch’o by!* (Meaning ‘of course’), *Vot yeshch’o!* (Expressing strong disagreement), and *Kak zhe tak?!* (Expressing surprise or confusion).

The second class of idiomatic units is etiquette formulas (EFs), which are elements of speech etiquette that serve as a set of “rules that regulate speech behavior, a system of nationally specific, stereotyped, and idiomatic communication formulas that are accepted and prescribed by society as a means of establishing contact between interlocutors and to maintain or interrupt contact in the context of the chosen tone” [9, p. 9]. Speech etiquette is closely related to the theory of politeness [10], which brings the study of speech to the level of intercultural communication. Etiquette and politeness are equally important in this respect, and the representative genres include greetings, farewells, well-wishing, toasts, and replies-reactions.

In the present study, the examined unit combines the features of the aforementioned two classes, and thus, it is a formula of mixed pragmatics, meaning that the DF and EF are two sides of the unit [5, p. 27].

Corpus data analysis

The corpus analysis was based on materials obtained from the Russian National Corpus (spoken, main, and newspaper subcorpora) [11]. The formula *I Vam (tebe) ne*

khvorat'! represents a remark in a dialogue; it is often used as a response (as evidenced by the initial particle *i*, which expresses the concept of sameness with a previous remark [5, p. 27]) and usually follows the boomerang rule: *kakov vopros – takov otvet* (*what is the question – such is the answer*) and *kak auknets'a, tak i otkliknets'a* (*as you shout, so shall you hear the echo*); the relevant examples are as follows (remark-stimulus is underlined in all contexts):

- 1) [Chernenko (S. Makovetskiy), man, 45, 1958] *Zdraviya zhelayu/ tovarishch kapitan* [Yanychar (A. Krasko), man, 46, 1957] *Ugu. I Vam ne khvorat'* [A. Pokrovskiy, V. Zalotukha, V. Khotinenko. 72 meters, film (2003)] (greeting);
- 2) [Aleksandr Aleksandrovich (B. Bibikov), man, 63, 1900] *Nu/ Burlakova Fros'a/ bud' zdorova* [Fros'a (Ye. Savinova), female, 37, 1926] *Spasibo. I vam ne khvorat'* [Ye. Tashkov. Prikhodite zavtra..., film (1963)] (farewell);
- 3) – *Udachi! – pozhelal Avgust, ne otvetiv na izvineniya. – I tebe ne khvorat'* [Ye. Safranova. Tak prokhodit slava zemnaya // «Bel'skiye prostory», 2018] (wish);
- 4) – *Ne poyma – ne vor, – pozhal plechami Medvedev i pripodnyal bokal. – Tvoye zdorov'ye! – I tebe ne khvorat'... – Oksana prigubila* [D. Karalis. Roman s geroiney // «Zvezda», 2001] (toast);
- 5) *Mne pokazalos', chto N. i ne khochet real'nogo stolknoveniya, a kak raz predpochitayet dvusmyslennost' i umelo yeye sozdayet: deskat', ty, Nayman, vidish' moye negodovaniye – i vid' na dobroye zdorov'ye; a ty, Belyayev, odobreniye – i tebe ne khvorat'* [A. Nayman. Slavnyy konets besslavnykh pokoleniy (1994)] (response/reaction).

The aforementioned examples clearly demonstrate that context provides a hint regarding the genre of this formula in its specific use. This context-derived hint is occasionally expressed not only as an appropriate remark-stimulus [see examples (1)-(5)] but also as a form of duplication with the help of the formulas derived from other traditional greeting- or farewell-related contexts; the relevant examples are as follows (corresponding remarks are underlined):

- 6) [V_ERAKAM, nick] *Zdravstvuyte, po povodu iskusstvennogo kamn'a dl'a stoleshnits, obrabatyvayets'a kak derevo, tol'ko, k sozhaleniyu, tekhnologiyu nado izuchat' na praktike, inache rezul'tat ne akhti...* [STOROSH, nick] *Privet Vam i ne khvorat' vsem. Stoleshnitsy, da nado imet' uzhe praktiku: kontur formy, pryamaya (obratnaya) zalivka, napolniteli, pigmenty, polimery (tipa poliefirka), gel'kout, obrabotka i dr.* [kollektivnyy. Forum: Artificial decorative stone (2009-2011)] (the formula in question comes second in the chain of greetings);
- 7) [STOROSH, nick] *Slivalas' – nado by konduktor dl'a obrabotki kamney po vsem konturam. Razmery ochen' raznyye, dazhe v Im2. Dobroy nochi i ne khvorat'.* Zavtra razberems'a, yesli ne podoydet... budem [kollektivnyy. Forum: Artificial decorative stone (2009-2011)] (the second formula in the chain of farewells);
- 8) [VALEK-SEDOY, nick] *Da khot' na etom primere. Bud' Zdrav, Boyaren i vsekh Blag...* [STOROSH, nick] *Privet Vam i ne khvorat' nam.* «Stariki» svoi – eto svyatoye. Sami, soglasno zakonom zhizni, dvizhemsya v tu step' [kollektivnyy. Forum: Artificial decorative stone (2009-2011)] (the second formula in the chain of farewells);
- 9) *Krasnaya rubakha gor'ko vzdykhayet, perekladyyaya med'aki iz kartuza v karman, i govorit s usmeshkoy neveselogo torzhestva: – Nu vot... denezhki byli vashi, a teper' nashi... Do svidaniya, gospoda! Day Bog vam zdorov'ya, a nam ne khvorat'!.. Ad'yu! Ukhod'at artisty. Tayet tolpa, rastekayets'a po balkonu* [F.D. Kryukov. Bez

ogn'a // «Russkoye Bogatstvo», 1912] (the third formula in a chain of four farewells).

In examples (6)-(9), the structural variability of the formula is clearly exemplified by the loss of the component *Vam* (*you*) (7) and its replacement by *Vsem* (*all*) (6) and even by *Nam* (*we*) (8), (9). In examples (8) and (9), this substitution may be dictated by the irony that the speaker expresses through his words or some form of a word game.

The context in the following example (10) is also peculiar in respect to structural variability:

- 10) [PILIGRIM777, nick] Zaydi v lichku [STOROSH, nick] Privet Vam. I ne khvorat' nikomu. «Zabugor» po rabote, nekotoroye otsutstviye. Vse pochitayu i vecherom budu [kollektivnyy. Forum: Artificial decorative stone (2009-2011)].

In example (10), the examined formula is used in several expressions of farewell, and it serves as a reaction to the unusual remark-stimulus *zaydi v lichku* (*go to private texting*). Researchers refer to this expression as a specific context of farewell: “expressing requests, advice, and suggestions at the same time” [12, p. 321]. The development of a farewell context comprises the five phases as follows: (1) nonverbal farewell signals (e.g., handshake, nodding, and the raising of one’s hat), which are occasionally verbalized as *pomashi d’ade do svidan’ya* (*wave goodbye to uncle*) or *sdelay pape ruchkoy* (*wave your hand to dad*); (2) codified farewell contexts, such as *do svidan’ya* (*goodbye*) and *poka* (*see you*); (3) the colloquial EFs *davay/te* (*all right then*), *ladno/ladnen’ko* (*okay*), and *vs’o* (*that’s it*); (4) “nonobvious” farewell contexts, such as *zakhodite* (*come by sometime*), *zvoni* (*give me a call*), and *pereday privet* (*say hello for somebody*); (5) and signals of the end of a conversation, such as *nu ya poshol* (*well, off I go*), *tseluyu* (*kiss you*), *bol’she Vas ne zaderzhivayu* (*I’m not detaining you anymore*), and *u menya tut vtoraya liniya* (*I have another call here*) [13]. Example (10) demonstrates a conflict between grammar and pragmatics that occurs at phase 4 and reaches its climax at phase 5 [13]. Researchers considered the context of phase 4 as stylistically inferior syntactic constructions, which are not assigned to speakers of a specific generation or social group. It is an indicator of the “familiar and friendly relations of the interlocutors” [14, p. 65]. Regarding the speech act (SA) theory, the context of phase 4 is an example of the indirect SA of farewell.

Another contextual clue that indicates the genre of the examined formula may be the filling of a valence of the verb “*хворать*” (be ill; underlined in the context):

- 11) *Poydu vyp’yu stopochku nefti tselebnoy t’umenskoy, da i vam ne khvorat’ s «Uralkaliyem»!* [Script writer: A. Belyakov. «Nu zdravstvuite, priyekhali!» // RBK Deyli, 2013.09.06].

The extension of *ne khvorat’* with the use of *s chem* accurately indicates the nature of the formula (*wish*), although in this example the *seme* ‘farewell’ is also present.

Analysis of Internet material

The various genres of the formula *I Vam ne khvorat’!* can also be derived from retrospective statements and discussions of Internet users [15, 16, 17, 18]; the relevant examples are as follows (the spelling and punctuation of the original texts are preserved):

- *Reply to a greeting; informal form of greeting; normal response to the word “zdravstvuy” (hello) (be healthy);*
- *Usually this is a response to parting; people say so at parting;*
- *A wish for a person not to get sick/take care of himself and his health, something like “Take care!” in English; it seems to be a good wish; the expression is used when a person is healthy, so to speak for the future□.*

Notably, the numbers of users who expressed, via vote, a preference for one of the three possible uses (greeting, farewell and well-wishing; the toast version was not discussed

online) are quite comparable.

This etiquette and discursive formula is usually applied in Russian-language communication in accordance with the boomerang rule. However, this rule is not followed in some situations, such as the following:

- 12) [Rektor, man] *Budem gotovit' prikaz. Idite, bud'te zdorovy!* [Sergey (A. Lyapin), man, 23, 1985] **I vam ne khvorat'** [Rektor, man] *A vy yeshcho i kham vpridachu, kak ya poglyazhu* [Ye. Nikishov, K. Shakhnazarov, S. Rokotov. Vanished Empire, film (2008)].

The response remark in the above dialogue appears to be appropriate; however, it was perceived by the interlocutor as an inappropriate remark.

From the perspective of native speakers, the emotional scale of this formula ranges from being completely positive ("Normal phrase; good wish; a wish not to get sick, nothing bad with that; Just a kind word in reply to your kind 'hello'...)))))))); this phrase can only be said from the heart and with a smile on your face!"); to being completely negative ("Moronity in this phrase...; this is a filthy expression; We should say this to idiots! And do not hide your position! this is a humiliating expression"). This is a formula that is difficult to define. Internet users unanimously highlighted its informal nature (even for the polite form *Vam*) and the dependence of its real pragmatics on the communicative situation and intonation with which it is pronounced; the following comments were made by native speakers regarding the phrase:

- The swear word *BL'*D'* can express admiration, approval, condemnation, encouragement, ... and many more emotions! And **I vam ne khvorat'** ... Great and powerful is the Russian language, not only in words, but also in intonations!
- Depending on what was the question;
- Depending on the situation;
- In what tone it is said;
- It depends on what intonation and in what situation it is said;
- Context?!) If it's a joke or something like "отвали" (get lost), it would be clear with a context.

This formula can be a response to a rude remark in which the speaker offends a person with words, as in the case where he creates a "threat to a social person" [10] and hurts the person verbally [3]; the following are several relevant comments on this situation:

- Could be bullying in this context: – *IDI NA KH*Y! – I vam ne khvorat'*;
- It means that I really don't like what you have said;
- ahhh, you didn't like my wish?))) Well then, watch how you say goodbye to a person.

Sometimes the respondents perceived the pragmatics of an "insult" in this formula, enabling us to reveal its enantiosemic (ancient Greek *εναντίο-* – 'opposite' and *σημία* – 'meaning'), which refers to the ability of a word (in this case, an idiomatic colloquial formula) to express antonymic meanings [19, p. 526]:

- *Bud' zdorov! (Be healthy!) (benevolently, with obvious tact) – I vam ... ne khvorat'* (Subtext: you go to hell);
- Perceived as asking someone to get lost when there are no other words to say;
- No politeness to speak of. It's more of showing someone his place without swearing...;
- ...that sounds like "otvali" (get lost)...;
- I think that the speaker is annoyed with something;

- Ask someone to go away;
- Thank you for not saying “you go to... ”,,, ,)))));
- It's a hidden “go to hell.”

In linguistics, enantiosemia is regarded as “a relatively rare and unproductive variety of antonymy” [20, p. 208]. Similarly, the colloquial formula, which is the object of the present study, is a rare type of idiomatic expression that lacks a specific status in Russian speech.

Linguistic survey results

A series of surveys was conducted both in person and online to clarify the obtained data. The native Russian speakers who were surveyed evaluated the formula and classified it as a greeting without any hesitation; this was apparently a reflex for a synonymous correspondence that was triggered, namely *zdravstvuyte* = *ne khvorayte* (*hello* = *do not get sick*). In Taiwan, 12 native Chinese speakers (9 teachers and 3 graduate students) who speak Russian well participated in the survey. Only one of the teachers knew about the expression and understood it as a greeting. The other respondents were unfamiliar with this expression and interested in knowing its meaning.

In China, a large-scale survey of Chinese people who speak Russian was conducted. This survey involved 94 respondents aged 17 to 78. The majority of the respondents were women (72.3 %), students (80.9 %), and individuals who were not in Russia at the time of the survey (84 %). The results of that survey indicated that the respondents were completely unfamiliar with the expression (75.5 %). For those who knew it, they gave various responses and mainly classified it as a good wish (43.5 %) or a farewell (39.1 %). Significantly fewer respondents classified the expression as a greeting (26.1 %) or a toast (21.7 %). Several Chinese respondents also detected the irony in this phrase.

The survey results clarified that this expression is truly “Russian” and unfamiliar to foreigners (i.e., native Chinese speakers in this context), especially for those living (at the time of the survey) outside of Russia. Respondents had a common feeling regarding the general seme ‘wish’, which is used in situations such as a meeting, a parting of ways, or a friendly feast.

Conclusion

Several quotations that emphasize the essential role of a word-by-word, “by-formula” analysis of the content of everyday speech, which is the essence of colloquialism, are a fitting conclusion to this paper; the quotations are as follows: “Regardless of the intellectual sophistication and explanatory power of a logically organized model of language, the fixed nature of such a model is obviously insufficient to explain this phenomenon, which is a part of our everyday lives, something we experience at every step and in every moment of linguistic existence. Given the intellectual brilliance and depth of the results accumulated through linguistics on the path to mastering a language as a rationally constructed object, I cannot help but feel that these results are a simplification and reduction; they are comparable with the hardly noticeable and elusive, dynamic aspects of our interaction with language, which accompanies our existence in language at every moment throughout our life experience” [2, c. 18]; “The natural desire of every linguist who is not indifferent to the subject of his research is to capture the reality of the speech that is being born before our eyes and then try to figure out where it comes from, how it changes our ideas about the world and about us, who needs it, and why...” [21, p. 8]; “The magic of language requires both a priest and an interpreter. If a poet is a priest, then a linguist is an interpreter, an intermediary between a language (i.e., a text) and an ordinary person” [2, p. 20].

This article was written by linguists “who are not indifferent to the subject of their research”; to some extent, linguists are “intermediaries between the language (respectively, the text) and the ordinary person” (both of the authors have been teaching Russian throughout their careers; one teaches it as a native speaker, and the other teaches it as a nonnative speaker). The interpretation of the colloquial formula *I Vam ne khvorat'* can be useful for native Russian speakers and scholars who want to focus not only on language canons but also speech usage; this knowledge can help a foreigner to adapt to the Russian language environment.

This speech (etiquette/discursive) formula and the attitudes of native speakers toward it highlight how the language that we speak is connected with “our ideas about the world and about us” [21, p. 8]. This is a key concern in modern linguistics.

The findings of the present study can be expanded through the use of extensive language/speech corpora, which would enable clarification of the properties of the formula to allow us to investigate specific idiolects or sociolects of the modern Russian-speaking society. This strategy would also help us to clarify the model of daily communication used in artificial intelligence. A potential research direction is a prosodic analysis of contexts through the application of this formula, which would allow for numerous interesting and significant results to be obtained.

References:

1. Skrebnev, Yu.M. *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquialistics]. Saratov: Saratov State University Press, 1985, 210 p.
2. Gasparov, B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow: New Literary Review, 1996. IX. 352 p.
3. Norman B.Ju. *Yazykovye kategorii v soznanii i tvorchestve russkogo poeta* [Sprachkategorien im Bewusstsein und Werk des russischen Dichters]. Trierer Studien zur Slavistik. 7. Berlin: Peter Lang, 2020. 158 p.
4. Bychkova, P.A., Rakhilina, E.V., Slepak, E.A. *Diskursivnye formuly, polisemija i zhestovoe markirovanie* [Discursive Formulas, Polysemy and Gesture Marking]. Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Natsional'nyj korpus russkogo jazyka: issledovania i razrabotki. 21. 2019. Pp. 256-284.
5. Voznesenskaya, M.M. *I Vam Ne Khvorat'* (novaya zhizn' staroy kinotsaty) [*I Vam Ne Khvorat'* (on a New Life of the Old Movie Quote)]. Russian Speech. 2019, 3. Pp. 20-28.
6. Bogdanova-Beglarian, N.V. *I Vam ne khvorat'! – o novykh etiketnykh formulakh sovremennoy russkoy rechi* [*I Vam ne khvorat'!* – about New Etiquette Formulas of Modern Russian Speech]. Buryat State University Herald. Philology. 2020, 3. Pp. 3-11.
7. Zhukova, S.Iu., Orekhov, B.V., Rakhilina, E.V. *Diskursivnye formuly russkogo jazyka: diakhronicheskiy podkhod* [Discursive Formulas of the Russian Language: Diachronic Approach]. Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Natsional'nyj korpus russkogo jazyka: issledovania i razrabotki. 2019, 21. Pp. 142-164.
8. Fillmore, Ch.J. Remarks on Contrastive Pragmatics. *Contrastive Linguistics: Prospects and Problems*. Berlin: Mouton. 1984. Pp. 119-141.
9. Formanovskaya, N.I. *Russkiy rechevoy etiket. Lingvisticheskiy i metodologicheskiy aspekty* [Russian Speech Etiquette. Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow: LENAND, 2015. 160 p.
10. Brown, P., Levinson, S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 345 p.

11. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 17.09.2021).
12. Ermolova, O.B., Bogdanova-Beglarian, N.V. Yazykovoe oformlenie proshchaniya v sovremennoy razgovornoj rechi (na materiale zvukovogo korpusa «Odin rechevoy den'») [Linguistic Design of Farewell in Modern Colloquial Speech (on the Material of the Speech Corpus "One Speaker's Day")]. Communicative Research, 2019. 6/2. Pp. 307-331.
13. Bogdanova-Beglarian, N.V. O konflikte grammatiki i pragmatiki v russkom ustnom diskurse («konteksty proshchaniya» na shkale perekhodnosti) [On the Conflict of Grammar and Pragmatics in Russian Oral Discourse ("Contexts of Farewell" on the Scale of Transition)]. VII Congress ROPRYaL "Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia" (October 6-9, 2021, Yekaterinburg), 2022. 7. St. Petersburg: ROPRYaL. Pp. 56-62.
14. Pakhomova, I.N. Uchebnoye issledovaniye na zanyatiyakh kul'tury rechi po teme «Novoye v rechevom etikete pri upotreblenii formul proshchaniya» [Educational Research in the Classroom of Speech Culture on the Topic "New in Speech Etiquette when Using Farewell Formulas"]. Secondary Vocational Education, 2008. 1. Pp. 64-65.
15. <https://otvet.mail.ru/question/180242756> (accessed: 10.09.2021).
16. <https://hinative.com/ru/questions/1692060> (accessed: 10.09.2021).
17. <https://sprashivalka.com/q/103496553> (accessed: 10.09.2021).
18. <http://love.ques.ru/questions/chto-znachit-kogda-govoryat-i-tebe-ne-hvorat> (accessed: 10.09.2021).
19. Akhmanova, O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Book house "LIBROKOM", 2010. 569 p.
20. Shmelev, D.N. Sovremennyj russkiy yazyk [Modern Russian Language]. Moscow: Enlightenment, 1976. 287 p.
21. Issers, O.S. L'udi govor'at... Diskursivnyye praktiki nashego vremeni [People Say Discursive Practices of Our Time]. Omsk: Omsk State University Press, 2012. 276 p.22.

Information about the Author:

Bogdanova-Beglarian Natalia (Saint-Petersburg, Russia) – Prof. PhDr. Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, Faculty of Philology, Saint-Petersburg, Russia
SPIN-код: 67740937
ORCID: 0000-0002-7652-0358
Researcher ID: M-9042-2013
Scopus ID: 56292096800
e-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Yeh Hsiang-Lin (Taipei, Taiwan) – PhD, Associate professor, National Chengchi University,
Dept. of Slavic Languages & Literatures, Taipei, Taiwan
ORCID: 0000-0003-0036-3787
Researcher ID: L-7561-2017
Scopus ID: 56516052000
e-mail: verayeh@nccu.edu.tw

Acknowledgment:

The presented research was partially supported by Saint Petersburg State University, project # 92563238 “Modeling of Russian Megalopolis Citizens’ Communicative Behavior in Social, Speech and Pragmatic Aspects Using Artificial Intelligence Methods”.

Author’s contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-45-57

УДК (UDC) 81'3

Jan Gallo,

Constantine the Philosopher University,

Nitra, Slovak republic

Ян Галло,

Университет Константина Философа в Нитре,

Нитра, Словакия

For citation: Gallo Jan, (2023).

Understanding and Interpretation of the Scientific Text:

Discursive and Stylistic Aspect.

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 45-57 (in USA)

Manuscript received: 29/01/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПЕРТАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ДИСКУРСИВНО-СЛИТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF SCIENTIFIC TEXT: DISCURSIVE AND STYLISTIC ASPECT

Abstract:

The article is devoted to the issue of understanding and interpretation of scientific texts from discursive, pragmalinguistic and stylistic point of view based on the material of contemporary Russian scientific texts. In the part 'Introduction' the meaning of the term „interpretation“ and „text interpretation“ and also the significance of understanding of the text content by addressee is presented. In the part 'Theory' there discussed the different approaches to understanding and interpreting the text as well as the functioning of the interpretation mechanism connected with presupposition. In the section 'Data' the attention is focused on the types of the text and techniques understanding and main steps of the hermeneutical process. There also given the different approaches to the problem of perception and text interpretation. In the main section 'Received Results' the focus is on presenting those means that actualize the image of its author when compiling a scientific text as well as those that are able to draw the reader's attention to the meaning inherent in the text and direct perception in the direction given by the author (questions, inclusive pronouns, directives, explanatory inserts, references to well-known information, various language tools). The paper ends with a summary of the investigated problems.

Keywords: addresser, addressee, text interpretation, scientific text, text understanding, means of addressing

Введение

Значение слова «интерпретация» определяется в словарях как «толкование», «изъяснение», «раскрытие смысла». Интерпретация текста – раскрытие того содержания, которое в нём заложено. Следовательно, чтение любого текста, вообще любой акт восприятия речи (при условии, конечно, что человек понимает читаемое или слышимое) есть интерпретация – интерпретация для себя. Очевидно, что интерпретация текста может быть более или менее глубокой, более или менее полной. По нашему мнению, основная задача интерпретации текста как исследовательской деятельности и как учебной практики заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нём помимо авторской воли; не только постичь для себя, но и разъяснить другим.

Несмотря на то, что научные тексты предполагают однозначность их прочтения, относительная вариативность понимания содержания связывается с особенностями воспринимающего его субъекта: целями, мотивами, побудившими обратиться к данному тексту; спецификой его когнитивной базы, объёмом фоновых знаний, глубиной проникновения в содержание читаемого и т. д. Заинтересованность адресата в понимании текста зависит от объёма научно-ценостной информации, заложенной в нём. Акцентируя научный текст, в статье представлены и некоторые общие взгляды к проблеме восприятия и интерпретации текста. В качестве средств адресации, способствующих пониманию научного текста, рассмотрим те, которые, во-первых, актуализируют при формировании научного текста образ его автора и, во-вторых, способны привлечь внимание читателей к заложенному в тексте смыслу и направить восприятие в заданном автором направлении.

Теория

В настоящее время в лингвистике сложились разные подходы к пониманию и интерпретации текста. Первый исходит из того, что «интерпретация представляет собой получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний; второй подход сосредоточен на изучении интерпретационного компонента в содержании языковых единиц, дифференциации и взаимодействия мыслительной основы и её языковой интерпретации (способе представления), которая реализуется в различных типах структурирования смысла. Можно также говорить об интерпретации своего/чужого поведения» [22, с. 3]. Таким образом, согласно Ю. Н. Земской и кол. «текст, включаясь во внетекстовую деятельность, выступает и как результат интерпретации, и как средство интерпретации, и как внешние условия интерпретации» [25, с. 154].

Текст как результат интерпретации представляет собой итог, освоение и адаптации, слушающим содержания исходного, передаваемого говорящим, текста. Это принятие полученной информации и включение её в картину мира, слушающего.

Текст как средство интерпретации рассматривается в том случае, когда речь идёт о функционировании интерпретационного механизма. В качестве значимого компонента в интерпретационный механизм включается пресуппозиция. Согласно Н.

С. Валгиной пресуппозиция – это «компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание можно назвать фоновым знанием. Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста. Фоновые знания – это знания реалий и культуры, которыми обладают говорящий и слушающий» [24, с. 13]. Именно от пресуппозиции зависит «запуск» интерпретационного механизма: фоновые знания определяют, какой компонент содержания текста нуждается в дополнительном истолковании или в каком компоненте значения заключён имплицитный смысл. Механизм интерпретации субъективен. Качественный состав пресуппозиции определяет доминанту интерпретации: будь это категория образа автора, категория семантики структуры текста, лексические способы интерпретации или аргументация как способ интерпретации.

По мнению Ю. Н. Караулова, аргументация является достаточно типичным и частотным механизмом интерпретации, так как изначально индивидуально-субъективна. «Аргументация всегда адресована – адресована определённой личности или группе людей. В этом отношении её можно противопоставить доказательству, которое бывает безадресным, универсально приложимым к любому кругу оппонентов и универсально используемым любым кругом оппонентов» [13, с. 245]. С точки зрения аргументации, механизм интерпретации представляет собой функционирования модели поискового поведения, говорящего и слушающего.

Интерпретацию текста иногда заменяют очень подробной регистрацией конкретных языковых средств. Какое бы ни было точное и подробное перечисление, на наш взгляд, оно отличается от интерпретации. Интерпретацией становится упорядоченное размыщление над функцией этих средств в структуре текста. Это может быть камнем преткновения, так как не существуют заранее готовые ответы, невозможно, например, утверждать, что одно средство имеет только одну функцию или, что одну функцию может выполнять только одно средство (что, однако, с другой стороны, не является абсолютно произвольным).

Способ действия в интерпретативной работе с текстом осуществляется в виде постановки вопросов и рассмотрения вероятностных ответов, решений и выбор из них наиболее адекватного. Средствами являются языковые знаки. Знаками в герменевтической деятельности выступают как слова, так и предложения, сверхфразовые единства, знаком может служить форма текста (его стилевая и жанровая принадлежность), различные элементы текста (эпиграфы, цитаты, его графическое представление) [25, с. 196-197].

Данные

Г. И. Богин выделяет следующие типы понимания текста:

- 1) семантизирующее понимание, т. е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции;
- 2) когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание;
- 3) смысловое (феноменологическое) понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентируемых помимо средств прямой

номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста. Последние выступают не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода» [3, с. 53].

Каждому типу соответствуют свои техники понимания:

1) семантизирующему типу соответствует техника декодирования, где знаку приписывается определённое значение;

2) когнитивному – техника интериоризации контекста ситуации (контекстная догадка), техника наращивания смыслов микротекстов и техника соединения актуализируемых знаний с усматриваемыми признаками отраженного в тексте объекта;

3) смысловому типу соответствует распредмечивание средств текста, коррелятивных со смыслами и неравных при этом средствам прямой номинации, реактивация прошлого опыта значащих переживаний и, наконец, переконцентрация – переключение личностной установки, сопровождаемое практическим абстрагированием от мыслей и чувств, не относящихся к содержательности понимаемого текста (эмпатия) [3, с. 63 – 71].

Типология понимания, с другой стороны, отражает степень сложности процесса интерпретации, и, следовательно, уровень развитости языковой (текстовой) личности.

Работа по интерпретации текста или герменевтический процесс содержит четыре основных этапа.

Первый этап соответствует «предварительному наброску» [6, с. 318], входению в текст сообщения. Герменевтический контекст задаёт предпонимание, смысловое предвосхищение, антиципацию, реализуемые через совокупность установок истолкователя. Начинается создание герменевтического круга с предварительного наброска: «тот, кто хочет понять текст постоянно осуществляет набрасывание смысла, как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок всего текста в целом» [там же].

Таким образом, на наш взгляд, результатом стадии предпонимания является комплекс вопросов, стоящих перед читателем, а осознание каждой из установок определяет возможную линию интерпретации.

Второй этап протекает как истолкование, в форме ответов на вопросы, что отражает логическую структуру герменевтического процесса: «знание может быть лишь у того, у кого есть вопросы» [6, с. 429].

На третьем этапе читатель, обобщая ответы, полученные на предыдущем этапе, определяет результаты истолкования. При филологической работе с текстом результаты истолкования представляются вербализованно, могут иметь форму аналитического отчёта, рецензии, редакторского отзыва, предисловия к изданию, т. е. в тех жанровых формах, которые предполагают отклик, ответ на авторское понимание, опредмеченное в тексте.

На четвёртом этапе осуществляется момент аппликации, или применения результатов, интеграции полученной информации в читательский опыт.

По мнению З. Я. Тураевой «существуют две противоположные тенденции относительно интерпретации текста: 1) текстовый агностицизм – абсолютизация самодостаточности текста, отчуждённого от субъективного читателя; 2) текстовый солипсизм – отрицание объективного значения текста. Согласно этой точке зрения он существует только в субъективном читательском восприятии. Между этими крайними точками зрения лежит широкий спектр трактовок» [23, с. 129].

В целом существуют различные подходы к проблеме восприятия и интерпретации текста, которые согласно Д. Б. Гудкову исходят в своём анализе из разных принципов:

1–й путь: автор → текст → реципиент.

Главным считается понять замысел автора. Следовательно, правильное понимание – понимание смысла, заложенного автором.

2–й путь: текст → реципиент.

Главная задача – выявить возможности, заложенные в тексте для его толкования и интерпретации. Автор, в данном случае, как бы выносится «за скобки». Реципиент имеет «полную» свободу, ограниченную совокупностью его индивидуально-личностных качеств.

3–й путь: реципиент → текст [ср. 8, с. 99–108].

Главное – выявление характеристик самого реципиента (например, социума), которое диктует восприятие определённого текста. Толкование текста рассматривается как жёстко обусловленное характеристиками самого воспринимающего текст.

При практическом применении третьего подхода возникает не менее сложная задача определения того, какие особенности интерпретации текста определены национальной культурой, социумом, а какие – индивидуальными особенностями языковой личности.

По мнению Д. Б. Гудкова, одна из главных причин различий в интерпретации одних и тех же текстов заключается в различных алгоритмах минимизации текста, выделения его «узловых точек». В результате «узловые точки» (существенные характеристики текста) фиксируются, а остальные (несущественные характеристики) отбрасываются, игнорируются [ср. там же, с. 99–108].

Методы

Основу исследования составляют избранные средства адресации в русских научных текстах. В теоретической части статьи основой является метод описания и интерпретации взглядов избранных авторов на рассматриваемую проблематику. В практической части методологической основой исследования является дискурсивно-стилистический и коммуникативно-семиотический подходы. В качестве основных методов данной части были применены: метод наблюдения, метод прагмалингвистического анализа и метод интерпретации.

Полученные результаты

Интерпретация текста – это раскрытие того содержания, которое в нём заложено. Следовательно, чтение любого текста, вообще любой акт восприятия речи (при условии, конечно, что человек понимает читаемое или слышимое) есть интерпретация – интерпретация для себя. Очевидно, что интерпретация текста может быть более или менее глубокой, более или менее полной. Основная задача интерпретации текста как исследовательской деятельности заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нём помимо авторской воли; не только постичь для себя, но и разъяснить другим.

Интерпретация рассматривается нами как высший уровень понимания, способ раскрытия смысла текста, форма проявления познавательной активности реципиента. Воспринимаемая от автора информация интерпретируется адресатом в его собственной семиотической системе с установкой на понимание семиотической системы автора. Данная процедура сопровождается операциями догадки, сопоставления, сравнения со своей системой. В результате интерпретации научного текста, производимой параллельно с процессом познания, происходит не только восстановление смысла текста, но и его приращение. Адекватность интерпретации адресатом излагаемой в тексте информации находится в прямой зависимости от особенностей его мышления, объёма знаний, пресуппозиции. Немаловажную роль играет также настойчивость адресата, его желание глубоко вникнуть в содержание текста, понять замысел автора. Проникновение в сущность концепции автора во многом определяется тем, занимается ли адресат исследованием в этой области, знаком ли с основополагающими работами автора изучаемого научного произведения, с его манерой изложения, со смыслом, вкладываемым в используемую терминологию, и т. д.

Процесс понимания текста, следовательно, зависит от понимания (а) языковых единиц, (б) соотношения их с референтами, (в) текстовых единиц. Языковые единицы (грамматические и смысловые) составляют внутреннюю структуру текста. Адекватность интерпретации научного текста зависит от понимания текстовых единиц, которые обусловлены экстралингвистическим контекстом, детерминирующим осмысление содержания текста – «научного знания, синтезирующего научно-познавательную деятельность» (16, с. 112). Применительно к научному тексту среди экстралингвистических условий, определяющих его смысловую структуру, выступают следующие факторы: 1) специфика познавательной научной деятельности; 2) природа и структура знания; 3) механизмы научного творчества; 4) характер коммуникации; 5) особенности текстопорождения в научной сфере [2]; 6) предшествующий опыт участников коммуникации (адресанта и адресата); 7) замысел автора; 8) когнитивные тактики и стратегии реципиента.

Понимание и интерпретация текста адресатом, в конечном счёте, должны обеспечивать ту реакцию, на которую рассчитывает адресант, и зависят от способности и возможности адресата погрузиться в дискурс адресанта. Это может быть связано с объективными и субъективными факторами. К объективным относится *конкретная ситуация*, в которой происходит интерпретация данного текста, к субъективным – (а) концептосфера адресата, (б) личные психологические особенности, (в) возможность понять замысел автора, (г) увидеть имплицитные смыслы текста.

Понимание научного текста осуществляется в процессе освоения, содержащихся в его концептосфере представлений, образов, концептов автора. Постоянный обмен между коммуникантами данным когнитивным содержанием способствует обогащению и уточнению как научной, так и языковой картины мира, пониманию излагаемой автором концепции.

Условием успешности научной коммуникации является адекватное декодирование авторского замысла адресатом. Итак, автор научного текста, открывает своё коммуникативное намерение партнёру по коммуникации (т. е. читателю или реципиенту) через систему средств адресации, он всегда ориентирован на партнёра. В данной части нашей статьи мы рассмотрим, с одной стороны, те средства, которые актуализируют при составлении научного текста образ его автора, и, с другой

стороны, те средства, которые способны привлечь внимание читателя к заложенному в тексте смыслу и направить восприятие в заданном автором направлении.

1. Вопросы – действенное средство поддержания диалога автора с читателем. Это самые очевидные и быстрые сигналы, позволяющие автору вовлечь читателя в дискуссию. Их функции малочисленны: вызвать интерес у читателя, выразить отношение или оценку, передать утверждение, наметить направления дальнейших исследований и т. д. Как правило, использование вопросов в качестве способов передачи интерактивности характерно для гуманитарных дисциплин. С их помощью быстро устанавливается межличностная связь в научном тексте. Именно поэтому наиболее заметно вопросы как сигнал интерактивности используются в первую очередь авторами учебников и затем в исследовательских статьях. Например: *Возникает вопрос: каким образом соотносится разграничение трёх вышеперечисленных видов анафорических структур с разграничением тематических, опорных и ключевых слов? [29, с. 221]; Чем же речь отличается от языка? [30, с. 12]; Зачем же нефилологу знать, что связывает и что различает язык и речь? [30, с. 5]; Разве нельзя без этого обойтись и говорить так, как говорится? [30, с. 5]; Какое же содержание вкладывается в каждое из этих понятий? [30, с. 6]; Какие же функции выполняет естественный национальный язык? [30, с. 6].*

2. Инклузивные местоимения – наиболее активный материал для самоссылки, а также обращения к читателю (адресату). В русскоязычных научных статьях часто используется местоимение «мы» как коллективное «мы», напр.: *В данной статье мы рассмотрим фрагмент концепта, сформированный на основе выборки единиц из журнала... [35, с. 205]*. Употребление местоимения «мы» можно наблюдать даже в тех случаях, когда у статьи один автор, напр.: *Важным для нашего* (т. е. моего – Я. Г.) *исследования представляется столкновение чрезвычайно формальной манеры речи ... [34, с. 199].*

Очевидно также, что (не)использование инклузивного местоимения «мы» (и местоимений вообще) – это решение автора: нет чётких правил в отношении представления личности учёного в научной статье. Поэтому мы можем наблюдать, что в некоторых научных текстах отсутствуют любые формы самоссылки, а в некоторых – обнаруживается несколько инклузивных местоимений, например: *Междуд строк мы можем прочитать, насколько внимательно герой изучает старую мебель... Мы буквально видим, как он прикасается к старой ткани... Целая история или даже целая жизнь проносится у нас перед глазами [29, с. 225]*. Как видно из примера, инклузивные местоимения в научном тексте превращают адресата в участника представленной автором работы дискуссии.

3. Директивы – речевые акты, призывающие к действию (напр. см., обратите внимание и т. д.). Их присутствие в научном тексте сигнализирует о желании автора вести (направить) читателя, чтобы он «не потерялся» в потоке информации. Директивы позволяют наладить контакт между автором и читателями. К. Хайланд выделяет текстуальные, физические и когнитивные директивы [9]. Физические директивы призывают читателя выполнять физические действия, которые могут относиться к исследовательскому процессу. Следующий пример демонстрирует использование физического директива, имеющего связь с реальностью: *Теперь необходимо проверить текстовую частотность наиболее информативных звуков*

[29, с. 225]. Когнитивные директивы вовлекают читателя в новую область знания или аргумент, проводя его через объяснения автора. В русских научных текстах учёные используют когнитивные директивы, чтобы выделить наиболее важные аспекты своей научной работы и сохранить безличный и формальный тон дискурса: **Необходимо отметить, что в языке Будхауза мы можем найти огромное количество эпитетов** [34, с. 200].

В русскоязычном научном тексте внутренние текстовые директивы представлены более активно, чем внешние. Это такие примеры, как: **Ср. в рус.** С помощью данного директива автор статьи обращает внимание читателя на перевод с английского, представленный прямо в тексте. Или пример внешнего текстового директива: **Главной же отличительной чертой ключевого слова принято считать семантико-стилистическую многослойность [см.: 2,3, 4, 6, 7]** [29, с. 221].

4. Пояснительные вставки – это заметки (комментарии) автора, позволяющие ввести в текст статьи дополнительную информацию, с помощью которой читателю легче воспринимать информацию. Пояснительные вставки налаживают диалог и интенсифицируют контакт между автором и его целевой аудиторией. В целом, пояснительные вставки позволяют адресату лучше понять суть обсуждаемого вопроса: ... *вмещает все свои эмоции – или их отсутствие* – в один-единственный звук [34, с. 197]; *Наиболее распространённым типом урока по языку признаются аспектные уроки (при комплексном характере обучения в целом)* [26, с. 4].

5. Ссылки на общеизвестную информацию (с. 133) – обычно выражены речевыми средствами, которые подчёркивают, что определённая часть передаваемой информации известна в равной степени и автору, и его/её читателям. Это делается для того, чтобы установить в дискурсивном пространстве у читателя чувство идентификации с вопросами, затрагиваемыми автором. Одним словом, это стратегия установки диалогичности, реализованная с помощью обращения к общеизвестной информации, мотивирует читателя признать передаваемую информацию как известную и приемлемую. Как правило, к ссылкам на общеизвестную информацию можно отнести профессионализмы, употребляемые в данном дисциплинарном направлении, метафоры, обсуждаемые проблемы и т. д. При реализации ссылок на общие проблемы в научном тексте наиболее типичны выражения: *разумеется, конечно, очевидно, традиционно*, например: **Очевидно, что проксематический фактор речеповеденческого кода позволяет говорить о пространственных стереотипах...** [31, с. 236]. В результате использования подобной ссылки между автором и читателем возникает чувство солидаризации.

6. Языковые средства, концентрирующие внимание адресата на важных моментах содержания с помощью различных средств с оценочными значениями (лексика, грамматические конструкции, хеджи и др.).

Анализируя лексический языковой уровень научных текстов, у авторов встречается разнообразие тематической и стилистической направленности примеров (на разных языках). Очевидной особенностью научных текстов является их специализированная лексика (общенаучная терминология, напр. *нarrатив, серная кислота, анютины глазки, интертекстуальность текста, парадигматика, гравитация, спряжение, гипотеза, молекула, синтез* и др.; узкоспециальная терминология, напр. *денотат, шарикоподшипник, гидравлический цилиндр, претекст*,

паратекст, девальвация и др.) связана с предпочтениями автора, его индивидуальным стилем и его взглядами, которые отражают параметры, регулируемые конкретным научным сообществом (имеются в виду темы, методы и коммуникативные подходы). И выражения с точки зрения; согласно; как следует; с одной стороны, с другой стороны; вслед за...; соответственно; следует подчеркнуть; как следует из...; как можно легко заменить способствуют в научных текстах линейному смысловому развитию и успешной передаче идеи автора для читателя.

Грамматические конструкции отличаются 1) пассивностью и использованием возвратных форм глаголов заканчивающихся на *-ся*, например: *В зависимости от структуры и типа связи были определены следующие типы словосочетаний...;* *В статье рассматриваются семантические и грамматические особенности словосочетаний...* 2) использованием активного залога в предложениях, в которых а) вводится авторитетное мнение, например: *так, А. Н. Щукин указывает, что...;* б) даётся ссылка на лингвистическое и научное сообщество в целом, например: *Лингвисты также разграничивают понятие стереотипа и обрядовых действий.*

Авторы научных текстов, указывая на своё мнение, кроме пассивных конструкций употребляют и местоимение «мы» в соответствующей форме, выражая солидарность с академическим сообществом, например: *На наш взгляд, такой подход наиболее полно учитывает особенности словосочетаний* [32].

В простых предложениях авторы зачастую употребляют вводные выражения (слова и словосочетания), например: *Согласно данной точке зрения, к словосочетаниям относятся единицы с ...* [32, с. 60]. Другие примеры вводных слов и словосочетаний значит; кроме того; следовательно; таким образом; наконец; итак.

По мнению К. Хайланда, к средствам, позволяющим автору передать собственное мнение в научном тексте, можно отнести хеджи, бустеры – усилители мнения, маркеры мнения и ссылки на себя [10]. Хеджи – это лексические единицы (слова и выражения), которые могут в тексте выполнять функции маркеров, передающих неуверенность, скромность или вежливость автора к академическому сообществу. Способы выражения модальности, передающие позицию автора, также относятся к хеджам, например: *Возможно, этот цветок указывает на особенности героини ...* [33]; *В русском языке им соответствуют безличные предложения типа ...* [28]; *Норма права... имеет довольно сложную структуру* [27].

Слова усилители (бустеры) интенсифицируют позицию автора, передают уверенность в излагаемой информации, в своей точке зрения (*Причём следует подчеркнуть, что маркером этой информации является именно вставочный модус с глаголами мысли и речи* [28, с. 78]), а также часто позволяют создать условия для формирования чувства солидарности с читателем: *Естественно, что можно делать выводы-предикции на основании свидетельств, имеющихся в настоящем ...* [28].

В. Е. Чернявская отмечает, что ориентация научного текста на читателя достигается также с помощью таких приёмов, как риторические вопросы, например: *Какой же смысл вкладывается в понятие «культура» сейчас?* [30, с. 16]; *В чём же главные особенности и сущность культуры?* [там же, с. 17]; императивные конструкции «в роли обращений, регулятивов, советов, рекомендаций», например в рекламных текстах: *Купи!; Поторопитесь!; Сделайте ваш выбор!* [по Интернету], а также использование визуальных средств привлечения внимания (например, схемы, рисунки и т. д.) [5, с. 45].

Заключение

Процесс понимания, как и любая человеческая деятельность, предполагает наличие мотива, цели, способов действия и средств осуществления. Процесс понимания – декодирующая текстовая деятельность, мотивом которой выступает стремление разрешить непонимание, целью – найти наиболее „правильную“, удовлетворяющую интерпретацию, способ действия определяется стратегией, избираемой герменевтом, средствами – знаки и знаковые комплексы различной длины и сложности, вычленяемые в тексте.

Герменевтическая работа с текстом распадается на четыре этапа: анализ установок (предпонимание), процесс истолкования, вербализация (фиксация) результатов интерпретации, интегрирование нового знания в герменевтический опыт.

Существующие типы понимания (семантизирующее, когнитивное, смысловое или распредмечивающее) образуют систему герменевтической практики; при восхождении от данного типа к другому предыдущая ступень встраивается, интегрируется в более высокую. Вершиной практики и высшей формой герменевтического опыта является такое коммуникативное отношение, такая позиция в коммуникативном пространстве, при которой текст занимает позицию второго субъекта в коммуникативном акте, причём позицию центральную, главенствующую.

Научный текст, как и любой другой, создаётся с установкой на понимание, обеспечивающее адекватность его интерпретации. Процесс понимания научного текста осуществляется по следующей схеме:

- 1) поиск общего смысла научного сообщения (информации);
- 2) восприятие слов-концептов;
- 3) раскрытие смысловой синтаксики предложений-высказываний;
- 4) восстановление целостности воспринятого научного текста;
- 5) воссоздание актуальной внутренней номинации адресанта.

Несмотря на то, что научные тексты предполагают однозначность их прочтения, относительная вариативность понимания содержания связывается с особенностями воспринимающего его субъекта: целями, мотивами, побудившими обратиться к данному тексту; спецификой его когнитивной базы, объёмом фоновых знаний, глубиной проникновения в содержание читаемого и т. д. Заинтересованность адресата в понимании текста зависит от объёма научно-ценостной информации, заложенной в нём.

Знание и понимание механизма интерпретации научного текста позволяет адресанту заранее прогнозировать поведение читательской аудитории и является необходимой характеристикой профессионального мастерства.

Задача научного текста – не только довести информацию до адресата, но и воздействовать на него. Воздейственность связана с умениями привлекать внимание к исследуемым вопросам, убеждать в правильности излагаемых научных концепций, акцентировать своевременность постановки проблем, побуждать к изучению смежных с рассматриваемой проблемой вопросов, вовлекать в дискуссию по освещаемым в тексте вопросам. Доступность текстов обеспечивается способностью адресанта при чрезвычайной насыщенности своего концептуального пространства отбирать, структурировать то, что соотносимо с прогнозируемым концептуальным пространством адресата, его pragmatischen пресуппозициями. Реализация целей

воздействия достигается разными путями: через стандартные речевые формулы, языковые и текстовые средства и т. д.

В русском научном тексте менее активное использование инклюзивных местоимений компенсируется директивами, которые авторы используют для акцентирования внимания читателей на важных аспектах текста, сохраняя типичный для письменного научного текста безличный и формальный тон. Нечастое использование вопросов в русских научных текстах также указывает на отсутствие необходимости фокусировать внимание адресата на наиболее важных разделах текста (т. е. ответственность за интерпретацию ложится на читателя), выражать авторитетность, принимать менее формальный тон.

Русский научный текст также отличается безличностью и употреблением коллективного местоимения «мы». Происходит реализация социального плана, который формируется именно с помощью инклюзивного «мы» когда автор «объединяет свои проблемы с проблемами аудитории» и солидаризуется с предполагаемым получателем информации [18, с. 71]. Использование в русских научных текстах местоимений способствует усилиению его интерактивности и приближает друг к другу автора и его читателей. Одновременно реализуется стратегия солидаризации, которая позволяет объединить обе стороны коммуникативного процесса единым контекстом, проблемами, обсуждаемыми в данном научном тексте.

References:

1. Alefirenko, N. F. Text i diskurs: uchebnoye posobiye dl'a magistrantov. / N. F. Alefirenko [i dr.]; pod obsch. red. N. F. Alefirenko. – M., Flinta – Nauka, 2011. – 232 s.
2. Bazhenova, E. A. Nauchny text v aspekte politekstualnosti: monografiya. / E. A. Bazhenova. – Perm: Izd-vo Perm, 2001. – 270 s.
3. Bogin, G. I. Filologicheskaya germanevtika. / G. I. Bogin. – Kalinin: KGU, 1982. – 86 s.
4. Boguslavskaya, V. V. Modelirovaniye texta: lingvosociokul'turnaya koncepciya. Analiz zhurnalistskikh textov. / V. V. Boguslavskaya. – M., Izd-vo LKI, 2011. – 280 c.
5. Chernyavskaya, V. E. Interpretaciya nauchnogo texta. / V. E. Chernyavskaya. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2010. – 128 s.
6. Gadamer, G. G. Istina i metod. / G. G. Gadamer / Per. s nem.; obsch. red. i vступ. st. B. N. Bessonova. – M., Progress, 1988. – 704 s.
7. Gorscov, A. I. Russkaya stilistika. Stilistika texta i funkcional'naya stilistika: ucheb. dl'a pedagogicheskikh universitetov i gumanitarnykh vuzov / A. I. Gorscov. – M., AST: Astrel', 2006. – 367 s.
8. Gudkov, D. B. Mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy obucheniya. / D. B. Gudkov. – M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000. – S. 99–108.
9. Hyland, K. Directives: Argument and Engagement in Academic Writing // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23 (2). P. 215-239.
10. Hyland, K. Academic discourse: English in a Global Context. / K. Hyland – London – New York: Continuum, 2009. – 215 p.
11. Chutyz, I. P. Akademicheskiy diskurs. Kul'turno-specifichnaya sistema konstruirovaniya i translyacii znaniy: monografiya. M., Flinta – Nauka, 2015. – 176 s.
12. Kalechys, A. Prahmatyčnyja presupazicyji formul prabačeňa, apravdaňa i prymireňa / A. Kalechys, 2021 // Slavica Nitriensis. 2021. – № 1 – S. 37-84.

13. Karaulov, Ju. N. Russkiy jazyk i yazykovaya lichnost'. / Ju. N. Karaulov. – M., URSS 2002. – 264.
14. Kováčová, Z. Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie / Z. Kováčová – Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010. – 216 s.
15. Odincov, V. V. Stilistika texta / V. V. Odincov. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2010. – 264 c.
16. Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo jazyka XVIII – XX vv. T. 2. Stilistika nauchnogo texta (obschiye parametry). Ch. 2. Kategorii nauchnogo texta: funkcionálno-stilisticheskiy aspekt / Pod red. M. N. Kozhinoy. – Perm: Izd-vo Perm. un-ta, 1996. – 395 s.
17. Referovskaya, E. A. Kommunikativnaya struktura texta v lexiko-grammaticheskom aspekte / E. A. Referovskaya. – M., Izd-vo LKI, 2007. – 168 s.
18. Samarina, I. V. Kommunikativnye strategii «sozdaniye kruga chuzhich» i «sozdaniye kruga svoich» v politicheskoy kommunikacii (pragmalingvisticheskij aspekt): dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. – 158 s.
19. Sokolova, J. Verbal'nyj text. Ocherki o mono-, semi- i polikodovosti / J. Sokolova. - Saarbrücken, 2016. – 198 s.
20. Sokolová, J. Texty – Zobrazenia – Komunikáty. / J. Sokolová. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2017. – 330 s.
21. Solganik, G. J. Stilistika texta: ucheb. posobiye / G. J. Solganik. – M., Flinta – Nauka, 2009. – 256 s.
22. Tripol'skaya, T. A. Predisloviye. // Problemy interpretacionnoy lingvistiki: chelovek – text – adresat: sb. nauch. trudov; redkol.: T. A. Tripol'skaya (otv. red.) [i dr.] . – Novosibirsk: NGPU, 2001. – 168 s.
23. Turayeva, Z. J. Lingvistika texta. Text: Struktura i semantika: Uchebnoye posobiye. / Z. J. Turayeva. – M., Knizhnyj dom LIBROKOM, 2009. – 144 c.
24. Valgina, N. S. Teoriya texta. / N. S. Valgina. – M., Logos, 2003. – 280 s.
25. Zemskaya, Ju. N. Teoriya texta: ucheb. posobiye. / Ju. N. Zemskaya [i dr.]; pod obsch. red. A. A. Chuvakina. – M., Flinta – Nauka, 2010. – 224 s.

a. Sources

26. Bitechtina, N. B. – Gorbanevskaya, G. V. – Domenko, N. V. i dr. Metodicheskaya masterskaya. – M., Russkiy jazyk. Kursy, 2010. – 176 s.
27. Bondareva, N. A. Problemy uporyadochivaniya pravovoj terminologii v aspekte social'no-kognitivnoj sistemy // Vestnik Leningradskogo god. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 163-169.
28. Buglak, S. I. Subjektivnyj predikativ i evidencial'nye narechiya angliyskogo jazyka kak sredstvo peredachi informacii hearsay // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 77-83.
29. Golimbovskaya, E. S. Anafora textovogo charaktera so frankoyazychnoy poezii // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2012. № 1(1). S. 220-228.
30. Ippolitova, N. A. – Knyazeva, O. Ju. – Savova, M. R. Russkiy jazyk i kul'tura rechi: uchebnik. / pod red. N. A. Ippolitovoj. – M., TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. – 440 s.
31. Karimova, D. Ch. Urovni analiza proksematiceskogo povedeniya v mezhlichnostnom obschenii // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2012. № 1(1). S. 229-237.

32. Rychkova, T. A. Grammaticheskiye i semanticheskiye osobennosti slovosochetaniy, nazyvajushich ritual'nye dejstviya // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1 Filologiya 2012. № 1. S. 60-68.
33. Stepanenko, O. A. Evoluciya yazykovoy kartiny mira v nemeckom khudozhestvenno-literaturnom diskurse // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1. Filologiya. 2012. № 1. S. 115-123.
34. Shabunina, E. V. Angliyskiy humor kak lingvokul'turnoye yavleniye (na materiale tvorchestva P. G. Woodausa // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. T. 1. Filologiya. 2012. № 1. S. 196-203.
35. Shevcova, V. V. Koncept „Education“ / Obrazovaniye kak fragment yazykovoy kartiny mira amerikancev // Filologiya kak fundament gumanitarnogo znanija. Kn. 2. Krasnodar, 2012. S. 204-208.

Information about the Author:

Jan Gallo (Nitra, Slovak republic) – PhD., Associate Professor of the Department of Slavic Languages, Constantine the Philosopher University in Nitra, 128 published articles. ORCID ID: 0000-0001-7113-9235; SCOPUS Author ID: 57956653600; WOS Researcher ID: AAG-5493-2020. E-mail: jgallo@ukf.sk

Contribution of the Author. The author contributed equality to the present research.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-58-72

УДК (UDC) 81-13

*Mitsushi Kitajo,
Kyoto Sangyo University,
Kyoto, Japan
Мицуси Китадзё,
Киото Сангё Университет,
Киото, Япония*

*For citation: Mitsushi Kitajo, (2023).
'Verbs of Non-Speech in Dialogue forms of Russian Novels.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 58-72 (in USA)*

Manuscript received 15/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

‘VERBS OF NON-SPEECH IN DIALOGUE FORMS OF RUSSIAN NOVELS

ГЛАГОЛЫ НЕ-РЕЧИ В ДИАЛОГОВЫХ ФОРМАХ РУССКИХ РОМАНОВ

Abstract:

In literary works the dialogue is expressed by the direct speech construction. The direct speech construction consists of author's words (AW) and character's words (CW). The predicate verbs of AW in the conversational expressions of characters include not only verbs (TVS) indicating speech but also verbs (TVN) that do not denote speech. The dialogue forms are divided into four types according to the positional combinations of AW and CW. Type A: AW is in preposition to CW; Type B: AW is in postposition to CW; Type C: AW is in interposition to CW; Type D: AW includes CW. Previous studies on the direct speech construction have not paid sufficient attention to the relationship between TVN and the dialogue forms. This paper analyzes TVN used in dialogue forms in Russian novels (18 works) from the second half of the 19th century to the second half of the 20th century, from the viewpoint of the relationship with four types of dialogue forms and the lexical classification of TVN. The analysis results reveals the following:

- 1) TVN is used intensively in type C.
- 2) TVN, meaning facial expressions and body movements, is used more frequently.
- 3) The use of TVN is one of the author's strategies to attract readers' attention.

Keywords: TVN, 4 types of dialogue forms, type C, the lexical meanings, facial expressions, body movements, the reader's attention, markedness

Аннотация:

В литературных произведениях диалог выражается прямой речевой конструкцией. Прямая речевая конструкция состоит из слов автора (AW) и слов персонажа (CW). К глаголам-сказуемым AW в разговорных выражениях персонажей относятся не только глаголы (TVS), обозначающие речь, но и глаголы (TVN), не обозначающие речи. Диалоговые формы делятся на четыре типа в зависимости от позиционных комбинаций AW и CW. Тип А: AW находится в препозиции к CW; Тип В: AW находится в постпозиции к CW; Тип С: AW находится в интерпозиции к CW; Тип D: AW включает в себя CW. Прежние исследователи не уделяли должного внимания взаимосвязи TVN и форм диалога. В статье анализируются TVN, используемые в диалоговых формах в 18 русских романах второй половины XIX – второй половины XX века, с точки зрения соотношения с четырьмя типами диалоговых форм и лексической классификации TVN.

По результатам анализа выяснилось следующее:

- 1) TVN интенсивно используется при типе С.
- 2) TVN, означающий мимику и телодвижение, используется чаще.
- 3) Использование TVN является одной из стратегий автора по привлечению внимания читателей.

Ключевые слова: 4 типа диалоговых форм, Тип С, лексические значения, мимика, телодвижение, внимание читателя, маркированность

1. Introduction

According to A.N. Baranov and G.E. Krejdlín [1, p.89], “An invariant feature of all types of dialogues is the dynamic nature of speech interaction.” In the novels, expressive forms of transmitting someone else’s speech (direct speech, improper direct speech, indirect speech, etc.) are used. Unlike others, direct speech, as the closest form of conveying someone else’s utterance to living speech, is distinguished by special emotionality. In the novels, the dialogue is expressed by the direct speech construction. The direct speech construction consists of author’s words (hereinafter AW) and character’s words (hereinafter CW).

The predicate verbs of AW in the conversational expressions of characters in Russian novels fall into two groups: verbs indicating speech and verbs that do not denote speech (M. Kitajo [7]). We call the direct speech construction with verbs of the first group ‘the type of verb of speech (TVS)’, and the direct speech construction with verbs of the second group ‘the type of verb of non-speech (TVN)’:

TVS

(1) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – skazal Ivan.*
I not can agree said Ivan

[“I can't agree!” said Ivan.]

TVN

(2) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – vstal Ivan.*
I not can agree stood up Ivan

[“I can't agree!” Ivan stood up.]

2. Features of TVN

Many researchers (M.G. Byrka [5], V.D. Levin [10], V.L. Rinberg [14], etc.) argue that TVN is one of the varieties of TVS and in AW an ellipsis of the verb of speech occurs. According to Yu.A. Bel'chikov [2], “ellipsis is the omission of one or another member of a sentence, a component of an utterance, easily restored from the context, and semantic clarity is usually provided by semantic and / or syntactic parallelism” [2, p.592]. In other words, the omitted member of the sentence or the component of the statement is restored without changing the meaning of the sentence. However, sometimes a change in the meaning of the sentence does occur. So, in examples (3) and (4), the verbs (*vstal* ‘stood up’ and *usmekhnulsja* ‘grinned’) represent an action that occurs simultaneously with the speech:

(3) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – vstal Ivan.* (= (2))
 I not can agree stood up Ivan

[“I can't agree!” Ivan stood up.]

(4) – *Sejchas ona tebe navorozhit! – usmekhnulsja Anton.*
 now she you spoil grinned Anton

[“Now she will spoil you!” Anton grinned.]

In examples (5) and (6), the verbs (*vstal* and *usmekhnulsja*) denote the action that followed the speech: Ivan said, then he stood up (5); Anton said, then he grinned (6).

(5) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – skazal i vstal Ivan.*
 I not can agree said and stood up Ivan

[“I can't agree!” Ivan said and stood up.]

(6) – *Sejchas ona tebe navorozhit! – skazal i usmekhnulsja Anton.*
 now she you spoil said and grinned Anton

[“Now she will spoil you!” Anton said and grinned.]

In examples (7 - 10), the verbs (*vstal* and *usmekhnulsja*) and converbs (*vstavaja* ‘standing up’ and *usmekhajas* ‘grinning’) denote an action that accompanies in time only one of the moments making a speech: Ivan stood up when he was speaking (7); Ivan said when he was standing up (8); Anton grinned when he was speaking (9); Anton said when he was grinning (10).

(7) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – vstal, govorja eto, Ivan.*
 I not can agree stood up saying it Ivan

[“I can't agree!” Ivan stood up, saying it.]

(8) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – skazal, vstavaya, Ivan.*
 I not can agree said standing up Ivan

[“I can't agree!” Ivan said, standing up.]

(9) – *Sejchas ona tebe navorozhit! – usmekhnulsja, govorya eto Anton.*

(10) – *Sejchas ona tebe navorozhit! – skazal, usmekhayas'*, Anton.
 now she you spoil said smiling Anton

[“Now she will spoil you!” Anton said with a smile.]

Thus, the TVN does not always act as an elliptical unit. Further, considering the syntactic difference between TVS and TVN, let's pay attention to the following factors.

First, does CW enter or does it not fall within the scope of negation of AW?

In TVS, CW is denied when the form of the verb of AW is negative. Example (11) can be interpreted as follows: Ivan said not “I can’t agree!”, but, for example, “I agree!”. So, in TVS, CW is included in the scope of negation of AW.

(11)	<i>Ivan</i>	<i>ne</i>	<i>skazal:</i>	–	<i>Ja</i>	<i>ne</i>	<i>mogu</i>	<i>soglasit'sja!</i>
	Ivan	not	said		I	not	can	agree

[Ivan did not say. "I can't agree!" said Ivan.]

In TVN, CW is not denied when the form of the verb of AW is negative. Example (12) cannot be interpreted in such a way that Ivan stood up from his seat not with the words "I cannot agree!", but, for example, "I agree!". Here the verb "stood up" is negated.

(12) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – ne podnjalsja s mestom Ivan.*
 I not can agree not stood up from seat Ivan

[“I can't agree!” Ivan didn't stand up from his seat.]

Secondly, does the restrictive particle ‘only’ in AW apply or does not apply to CW?

The restrictive particle ‘only’ indicates a limit, a limitation in quantity, quality, degree of action, etc. Example (13) can be understood in this way that ‘only’ refers to Ivan or Ivanov’s speech. Ivan alone did not agree, but all the others silently agreed, or Ivan said nothing but “I can’t agree!” (He did not say, for example, “I will leave!”). In TVS, the particle ‘only’ in AW refers to CW.

[“I can't agree!” Ivan just said.]

In example (11), it cannot be considered that *only* has a restrictive meaning. Here, ‘*only*’ highlights Ivan as the only one who expressed disagreement. Consequently, in case of TVN, ‘*only*’ in AW does not refer to CW.

(14)	<i>Tol'ko Ivan</i>	<i>vstal:</i>	–	<i>Ja</i>	<i>ne</i>	<i>mogu</i>	<i>soglasit'sja!</i>
	only	Ivan		sood up	I	not	can agree

[Only Ivan stood up: - I cannot agree!]

Thirdly, is it possible or impossible, using AW, to compose an interrogative sentence to CW?

With TVS, you can make an interrogative sentence to CW, using AW:
In example (15), the answer to this question is CW.

(15) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – skazal Ivan. "Chto Ivan skazal?"*

I not can agree said Ivan what Ivan said

[“I can't agree!” said Ivan. “What did Ivan say?”]

With TVN it is impossible to make an interrogative sentence to CW, using AW:
In example (16), the interrogative sentence “How did Ivan stand up?” requires as the answer is not the content of the speech, but the image of the gesture. Indeed, the question can be put like this: “What words did Ivan get up with?”, but it is unlikely that he will be appropriate.

(16) – *Ja ne mogu soglasit'sja! – vstal Ivan. “Kak Ivan vstal?”*

I not can agree stood up Ivan how Ivan stood up

[“I can't agree!” Ivan stood up. “How did Ivan get up?”]

Three factors indicate that between CW and AW with TVS there is a close syntactic connection, but with TVN it is not.

Next, consider the stylistic difference between TVS and TVN, comparing direct speech with indirect speech. Indirect speech differs from direct speech in that the speaker or author integrates someone else's statement into his narration without preserving its individual linguistic features. In indirect speech, there is no stylistic gap between someone else's statement and the speaker's or author's narration. TVS can go into the construction of indirect speech (example (17)), but TVN cannot (example (18)), since in this case it is impossible to eliminate the stylistic gap.

(17) *Ivan skazal, chto on ne mozhet soglasit'sja.* (Compare example (1))

I said that he not can agree

[Ivan said that he could not agree.]

(18) ?? *Ivan vstal, chto on ne mozhet soglasit'sja.* (Compare example (2))

I stood up that he not can agree

[?? Ivan got up, that he could not agree.]

So, as can be seen from the above, TVN is not one of the varieties of TVS, but an independent construction of direct speech.

3. Purpose of the article

Many researchers (A.A. Burov [4], N.I. Chirkova [6], M.K. Milykh [13], N.F. Shumilov [15], L.V. Umantseva [17]) note stylistic and lexical meanings of verbs in AW, without mentioning the difference between TVS and TVN. M. Kitajo [8] analyzed lexical meanings of TVN but did not mention dialogue forms in the novel. The purpose of the paper is to clarify the relationship between TVN and dialogue forms.

4. Material

We take the material from Russian novels (18 works, see Table 1) of the second half of the 19th - second half of the 20th centuries.

(At the beginning of each work, the abbreviation of the work is written.)

Table 1. Russian novels

[LED]	<i>Ledi Makbet mtsenskogo uezda (Lady Macbeth of the Mtsensk district)</i> (N.S. Leskov, 1864)
[PRS]	<i>Prestuplenie i nakazanie (part 1-2) (Crime and punishment)</i> (F.M. Dostoevskij, 1866)
[OBR]	<i>Obryv (The cliff)</i> (I.A. Goncharov, 1869)
[NOV]	<i>Nov' (part 1) (Virgin Soil)</i> (I.S. Trugenev, 1877)
[CHE]	<i>Cherny monakh (The black monk)</i> (A.P. Chekhov, 1894)
[VOS]	<i>Voskresenie (Resurrection) (part 1)</i> (L.N. Tolstoj, 1899)
[MAT]	<i>Mat' (Mother)</i> (M. Gor'kij, 1906)
[KHO]	<i>Khozhdenie po mukam (book 1) (The Road to calvary)</i> (A.N. Tolstoj, 1920)
[MAS]	<i>Master i Marugarita (The Master and Margarita)</i> (M.A. Bulgakov, 1928)
[POD]	<i>Podnjataya tselina (book 1) (Virgin Soil Upturned)</i> (M.A. Sholokhov, 1932)
[KOL]	<i>Kolkhida (Colchis)</i> (K.G. Paustobskij, 1934)
[PER]	<i>Pervye radosti (Early Joys)</i> (K.A. Fedin, 1945)
[DOK]	<i>Doktor Zhivago (book 1) (Doctor Zhivago)</i> (B. Pasternak, 1957)
[LIU]	<i>Ljubaviny (Lubavin's)</i> (V. Shukshin, 1965)
[RAK]	<i>Rakovij korpus (book 1) (Cancer ward)</i> (A.I. Solzhenitsyn, 1966)
[POS]	<i>Paslednij srok (Deadline)</i> (V.G. Rasputin, 1970)
[DET]	<i>Deti Arbata (part 1) (Children of the Arbat)</i> (A.N. Rybakov, 1987)
[SHE]	<i>Shest'sot let posle bivny (Six hundred years after the battle)</i> (A.A. Prokhanov, 1990)

5. Analysis of materials

5-1. 4 types of dialogue forms

We analyze dialogue forms by combining AW and CW. Our study identifies 4 possible positions of AW in relation to CW.

Type A: AW is in preposition to CW

Type B: AW is in postposition to CW

Type C: AW is in interposition to CW

Type D: AW includes CW

H. Bonheim [3] presents Type A, B, C in English but does not notice the existence of Type D. In addition, M. Kitajo [9] gives examples of Type D in Japanese but does not give examples of Type D in Russian.

Below, for each position, we provide examples in Russian. (CW are highlighted graphically (dash, quotation marks). The abbreviations written at the end of the examples indicate the titles of the works in Table 1)

A) AW is in preposition to CW

- (19) Anna perekrestilas':
Anna crossed herself

- Slava tebe gospodi! Ogljanulsja milostivets nasyu nuzhdu!
glory you lord looked back merciful person our need [POD]

[Anna crossed herself:

“Glory to you, Lord! The merciful looked back at our need!”]

B) AW is in postposition to CW

(20) – *Na koj chert on tebe nuzhen? – smorshchilsja Pastukhov.*
 why it you need grimaced Pastukhov
 at you

[“Why the hell do you need it?” Pastukhov grimaced.] [PER]

C) AW is in interposition to CW

(21) – *No chego vy mozhete bojat'sja? – ona obernulas' obizhennaja. –*
 but what you can fear she turned around offended

Neuzheli vy mne ne verite?
 really you me not believe [RAK]

[“But what can you be afraid of?” She turned around, offended. “Don't you believe me?”]

D) AW includes CW

(22) *Voshel Pavel co dvora, uverenno skazal:*

entered Pavel from yard confidently said

– *Ne najdut! – i stal umyvat'sja.*
 not find and began wash [MAT]

[Pavel entered from the yard, confidently said:

“They won't find it!” and began to wash.]

5-2. Frequency of use of TVN and 4 types in Russian novels

All data on 4 types in Russian novels of the second half of the 19th – second half of the 20th centuries are summarized in Table 2, Table 3, Table 4. Three tables are structured as follows: the lines indicate the titles of the works, the columns ‘A’ : AW is in preposition to CW; ‘B’ : AW is in postposition to CW; ‘C’ : AW is in interposition to CW; ‘D’ : AW includes CW. High frequencies of TVN are indicated in bold.

For example, in ‘Crime and punishment’ [PRS] (see Table 2), in type A TVN is used 1 time (2.4%), in type B TVN is used 15 times (36.6%), in type C TVN is used 25 times (61.0%), and in type D TVN is not used. Here type C shows high frequency of TVN.

Table 2. Frequency of use of TVN in Russian novels of the second half of the 19th

	A	B	C	D	Total
[LED]	0 (0%)	2 (40%)	3 (60.0%)	0 (0%)	5
[PRS]	1 (2.4%)	15 (36.6%)	25 (61.0%)	0 (0%)	41
[OBR]	0 (0%)	7 (29.2%)	17 (70.8%)	0 (0%)	24
[NOV]	1 (2.7%)	9 (25.0%)	26 (72.2%)	0 (0%)	36
[CHE]	1 (9.1%)	2 (9.1%)	20 (81.8%)	0 (0%)	23
[VOS]	1 (3.8%)	8 (30.8%)	16 (61.5%)	1 (3.8%)	26

$\chi^2=5.4822$. v=5. p<0.975

Table 3. Frequency of use of TVN in Russian novels of the first half of the 20th

	A	B	C	D	Total
--	---	---	---	---	-------

[MAT]	5 (26.3%)	5 (26.3%)	7 (36.8%)	2 (10.5%)	19
[KHO]	17 (27.0%)	10 (15.9%)	27 (42.8%)	9 (14.3%)	63
[MAS]	1 (3.3%)	3 (10.0%)	24 (80.0%)	2 (6.7%)	30
[POD]	13 (12.1%)	43 (40.2%)	47 (43.9%)	4 (3.7%)	107
[KOL]	14 (29.8%)	3 (6.4%)	30 (63.8%)	0 (0%)	47
[PER]	5 (9.8%)	23 (45.1%)	23 (45.1%)	0 (0%)	51

$\chi^2=15.8370$. v=5. p<0.010

Table 4. Frequency of use of TVN in Russian novels of the second half of the 20th

	A	B	C	D	Total
[DOK]	3 (12.5%)	8 (33.3%)	13 (54.2%)	0 (0%)	24
[LUJ]	17 (11.0%)	43 (27.9%)	92 (59.7%)	2 (1.3%)	154
[RAK]	37 (19.4%)	63 (33.0%)	90 (47.1%)	1 (0.5%)	191
[POS]	15 (15.8%)	19 (20.0%)	61 (64.2%)	0 (0%)	95
[DET]	15 (22.1%)	25 (36.8%)	28 (41.2%)	0 (0%)	68
[SHE]	1 (1.5%)	9 (13.6%)	55 (83.3%)	1 (1.5%)	66

$\chi^2=43.4663$. v=10. p<0.005

Three tables (Table 2, Table 3, Table 4) show that in all 18 works from the second half of the 19th century to the second half of the 20th century, TVN is most used in Type C. In relation to this result, let us give examples of type C where TVNs are used. You can see various verbs in AW.

[KOL]

[“What are you, boy!” the woman laughed. “Who cleans at night?”]

(24) — *Nu chto zhe, — pozhal plechami Kirill, — v svoem dome steny pomogajut.*
well shrugged shoulders Kirill in his house walls help
at you

[PER]

[“Well,” Kirill shrugged his shoulders, “walls help in your house.”]

(25) – Da ty chto! – Asja khlopnula ego po plechu. – Kak eto – nogu otrezat'?

yes you what Asja patted his on shoulder how it leg cut

[RAK]

[“What are you!!” Asja patted him on the shoulder. “How is it to cut off a leg?”]

(26) – *Ne vri ty, chego ne znaesh'! – rasserdilsja na Rjukhina Ivan, – ja, a ne*

not lie you what not know got angry at Ryukhin Ivan I but ne
ty byl pri etom!
 you were at this [MAS]

[“Don’t lie about what you don’t know!” Ivan got angry at Rjukhin, “I, not you, were at the same time!”]

(27) *Pankratov, – Baulin surovo smotrel na Sashu, – ne shitaesh' nuzhnym javljat'sja*
 Pankratov Baulin sternly looked at Sasha not think necessary come
 na demonstratsiju?
 to demonstration [DET]

[“Pankratov,” Baulin looked sternly at Sasha, “don’t you think it’s necessary to come to the demonstration?”]

(28) – *Ne oshibka li v diagnose? – podumal on.– Vse priznaki krupoznogo.*
 not mistake in diagnosis thought he all signs croupous [DOK]

[“Is there a misdiagnosis?” he thought. “All signs of croupous.”]

(29) – *Togda delaj to, zachen prishel, – ona podoshla k Nikolaju Ivanovichu vplot'. –*
 then do it for what came she went closer to Nikolaj Ivanovich near
Nu, delaj. V litso tebe govoryu. Ja tebja ne ljublju.
 well do to face you tell I you not love [KHO]

[“Then do what you came for,” she went right up to Nikolaj Ivanovich. “Well, do it. I tell you to your face, I don’t love you.”]

(30) – *A! – Solomin pomolchal. – Ona rodstvennitsa zdesnim gospodam?*
 a Solomin paused she relative here gentlemen [NOV]

[“A!” Solomin paused. “Is she related to the gentlemen here?”]

AWs in these sentences contain verbs with different lexical meanings: *zasmejalas'* (laughed), *pozhal* (shrugged), *khlopnula* (patted), *rasserdilsja* (got angry), *smotrel* (looked), *podumal* (thought), *podoshla* (went closer), *pomolchal* (paused).

Next, let’s look at the relationship between the four types and the lexical meanings of TVN.

5-3. The lexical meanings of TVN and 4 types in Russian novels

We divided the verbs in AW with TVN, found with great frequency in 18 works, according to certain semantic features. Got 8 ranks. We are talking about verbs with the meaning:

- facial expressions (*usmekhnut'sja* (grin), *zasmejat'sja* (laugh), *vzdokhnut'* (sigh))
- body movements (*obratit'sja* (turn), *kivnut'sja* (nod), *makhnut' rukami* (wave hands))

- c) direct action (*stuknut'* (knock), *podtolknut'* (push), *vzjat'* (take))
- d) emotions (*serdit'sja* (angry), *obidet'sja* (offended), *obradovat'sja* (be happy))
- e) perception (*posmatret'* (look), *gljadet'* (see))
- f) thoughts (*podumat'* (think), *reshit'* (decide))
- g) motion (*ujti* (leave), *podojti* (come closer))
- h) stop (*ostanovit'sja* (stop), *pomolchat'* (pause))

The features chosen for classification are a modification of the properties that T. Tsunoda [16] uses when defining prototypical transitive verbs.

All data on 4 types in Russian novels of the second half of the 19th – second half of the 20th centuries are summarized in Table 5, Table 6, Table 7. Three tables are structured as follows: the lines indicate the titles of the works, the columns ‘A’ : AW is in preposition to CW; ‘B’ : AW is in postposition to CW; ‘C’ : AW is in interposition to CW; ‘D’ : AW includes CW. High frequencies of TVN are indicated in bold.

For example, in Type B in Table 5, the TVN meaning ‘facial expressions’ is used 7 times (16.3%), the TVN meaning ‘body movements’ is used 22 times (51.2%), the TVN meaning ‘direct action’ is used once (2.3%), and the TVN meaning ‘emotion’ is used 3 times (7.0%), TVN meaning ‘perception’ is used 5 times (11.6%), TVN meaning ‘thoughts’ is used 2 times (4.7%), TVN meaning ‘stop’ is used 3 times (7.0%), and TVN meaning ‘motion’ is not used. In this case, TVN, which means ‘body movements’, shows the highest frequency.

[a) facial expressions / b) body movements / c) direct action / d) emotions / e) perception / f) thoughts / g) motion / h) stop]

Table 5. Frequency of use of TVN depending on semantics in Russian novels of the second half of the 19th

	A	B	C	D
a	0 (0%)	7 (16.3%)	25 (23.4%)	0 (0%)
b	1 (25.0%)	22 (51.2%)	46 (43.0%)	0 (0%)
c	0 (0%)	1 (2.3%)	11 (10.3%)	0 (0%)
d	0 (0%)	3 (7.0%)	6 (5.6%)	0 (0%)
e	2 (50.0%)	5 (11.6%)	6 (5.6%)	0 (0%)
f	0 (0%)	2 (4.7%)	8 (7.5%)	0 (0%)
g	1 (25.0%)	0 (0%)	1 (0.9%)	1 (100%)
h	0 (0%)	3 (7.0%)	4 (3.7%)	0 (0%)
Total	4	43	107	1

$$\chi^2=1.6715. \nu=2. p<0.975$$

Table 6. Frequency of use of TVN depending on semantics in Russian novels of the first half of the 20th

	A	B	C	D
a	16 (29.1%)	34 (39.1%)	50 (31.7%)	0 (0%)
b	17 (30.9%)	20 (23.0%)	51 (32.3%)	7 (41.2%)
c	7 (12.7%)	12 (13.8%)	21 (13.3%)	4 (23.5%)
d	4 (7.3%)	9 (10.3%)	14 (8.9%)	1 (5.9%)
e	8 (14.5%)	7 (8.1%)	12 (7.6%)	0 (0%)

f	0 (0%)	1 (1.1%)	1 (0.6%)	0 (0%)
g	2 (3.6%)	3 (3.5%)	7 (4.4%)	4 (23.5%)
h	1 (1.8%)	0 (0%)	2 (1.3%)	1 (5.9%)
other s	0 (0%)	1 (1.1%)	0 (0%)	0 (0%)
Total	55	87	158	17

$\chi^2=8.4937$. v=10. p<0.975

Table 7. Frequency of use of TVN depending on semantics in Russian novels of the second half of the 20th

	A	B	C	D
a	22 (25.0%)	41(24.6%)	73 (21.5%)	0 (0%)
b	38 (39.8%)	43 (25.7%)	111 (32.7%)	2 (50.0%)
c	5 (5.7%)	26 (15.6%)	38 (11.2%)	0 (0%)
d	10 (11.4%)	22 (13.2%)	46 (13.6%)	0 (0%)
e	4 (4.5%)	8 (4.8%)	28 (8.3%)	0 (0%)
f	4 (4.5%)	18 (10.8%)	26 (7.7%)	1 (25.0%)
g	4 (4.5%)	6 (3.6%)	13 (3.8%)	0 (0%)
h	0 (0%)	3 (1.8%)	4 (1.2%)	1 (25.0%)
others	1 (1.1%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Total	88	167	339	4

$\chi^2=18.6868$. v=10. p<0.05

From the three tables (Tables 5, 6, and 7), the following is clarified.

Type A:

As far as the second half of the 19th century is concerned, the total number of TVN is so small that it is not possible to clearly point out trends in their use. Looking at the frequency of use of TVN from the first half of the 20th century to the second half of the 20th century, TVN, which means ‘body movements’, is used the most.

Type B:

In the second half of the 19th century, TVN, which means ‘body movements’, is most frequently used, and in the first half of the 20th century, TVN, which means ‘facial expressions’, is most frequently used. In the second half of the 20th century, TVN meaning ‘facial expressions’ and TVN meaning ‘body movements’ are used equally the most.

Type C:

In the second 19th century and the second 20th century, TVN, which means ‘body movements’, is most prevalent. In the first half of the 20th century, TVN meaning ‘facial expressions’ and TVN meaning ‘body movements’ are used equally the most.

Type D:

The total number of examples of TVN is very small, so it is not possible to point out the usage trend of TVN.

To summarize the above, the use of TVN, which means ‘body movements’ and ‘facial expression’, stands out in Type A, Type B, and Type C.

6. Discussion

The results of the analysis of the frequency of use of TVN in the four types of dialogue forms and the frequency of use of TVN by lexical semantic category are summarized as

follows: in Russian novels, TVN, which means ‘body movements’ and ‘facial expressions’ used in C type, is a typical use of TVN.

According to B.A. Uspenskij [18, c.21] “The artistic space in a literary work is the result of the interaction of multiple points of view – the author, the character, the recipient.” In the novel, the author tries to catch the reader’s attention as the story progresses. One of such devices is the dialogue form.

The characteristic that the C type is decisively different from the other three types (A type, B type, D type) is that it has two CWs. Type C is the dialogue form that emphasizes that the characters ‘keep talking’. In general, it is difficult for humans to concentrate on another activity while talking. For example, it is practically impossible to ‘do math while talking’ or ‘snipe while talking’. Actions that can be performed while talking are limited to relatively light actions. For this reason, it is natural that many verbs meaning ‘facial expressions’ and ‘body movements’ are used in Type C.

Next, let’s talk about the effects of TVN on readers. In the dialogue form where the characters are supposed to ‘keep talking’, the author’s use of ‘verbs that imply speech’ in AW does not make a strong impression on the reader. It is the same as when a red picture is hung on a red wall, the impression of the picture to the viewer is weak. But, when a blue picture is hung on the red wall, the impression of the picture on the viewer is strong. The effect of using TVN is the same as the relationship between the red wall and the blue picture.

In this connection, here are several examples of TVS and TVN being used in novels. The AW in example (31) only indicates that Stolper is ‘talking’, and the focus is on the content of speech, not on Stolper’s figure. Because of this, the reader’s attention is focused only on what Stolper says.

(31) – *Ne takie ljudi stanovilis’ vragami partii, – skazal Stolper. – Poslusaem*
not that people became enemies party said Stolper let’s listen
at you

Pankratova.”

Pankratov [DET]
at you

[“People like that didn’t become enemies of the party,” said Stolper. “Let’s listen to Pankratov.”]

However, the AW in example sentences (32) and (33) refer not only to the content of speech, but also to Stolper’s facial expressions (*skrivil guby* (pursed lips), *usmekhnulsja* (grinned)), so that the readers feel a sense of realism.

(32) – *U nego net Dannykh! – Stolper skrivil guby. – Pankratov vystupaet proyiv*
in he not data Stolper pursed lips Pankratov against opposes

markisizma v nauke.

Marxism in science [DET]

“He has no data!” Stolper pursed his lips. “Pankratov opposes Marxism in science.”

(33) – *Nichego sebe organizatsija, – usmekhnulsja Stolper, – ne sluchajno vas obvodjat vokrug pal'tsa.*

wow organizatuin grinned Stolper not by chance you

be fooled [DET]

[“Wow organization,” Stolper grinned. “It is not by chance that you are being fooled.”]

Other researchers (I.A. Mel'chuk [12], V.L. Rinberg [14], N.S. Volgina [19]) indicate that the verbs in AW with TVN have a pronounced emotional nuance.

Finally, we would like to mention markedness of TVN. Table 8 summarizes the frequency of use of TVS and TVN in our material. The title of the work is written in the leftmost column of the table. Each row lists the number of TVS and TVN used in the works. For example, in [LED], TVS is used 400 times (98.8%) and TVN is used 5 times (1.2%).

Table 8. Frequency of use of TVS and TVN in Russian novels

	TVS	TVN	total
[LED]	400 (98.8%)	5 (1.2%)	405
[PRS]	349 (89.5%)	41 (10.5%)	390
[OBR]	373 (94.0%)	24 (6.0%)	397
[NOV]	400 (91.7%)	36 (8.3%)	436
[CHE]	71 (75.5%)	23 (24.5%)	94
[VOS]	230 (89.8%)	26 (10.2%)	256
[MAT]	365 (95.1%)	19 (4.9%)	384
[KHO]	211 (77.0%)	63 (23.0%)	274
[MAS]	358 (92.3%)	30 (7.7%)	388
[POD]	207 (65.9%)	107 (34.1%)	314
[KOL]	187 (79.9%)	47 (20.1%)	234
[PER]	293 (85.2%)	51 (14.8%)	344
[DOK]	206 (89.6%)	24 (10.4%)	230
[LIU]	223 (59.2%)	154 (40.8%)	377
[RAK]	158 (45.3%)	191 (54.7%)	349
[POS]	178 (65.2%)	95 (34.8%)	273
[DET]	295 (81.3%)	68 (18.7%)	363
[SHE]	128 (65.3%)	68 (34.7%)	196

$\chi^2=787.3106$. v=17. p<0.005

This table shows the following: only [RAK] uses TVN more frequently than TVS, but in all other works, TVN is used far less frequently than TVS. This suggests that TVS is unmarked and TVN is marked.

In general, speaking verbs are usually used in dialogue forms. On the other hand, using non-speech verbs in the dialogue forms gives us a contradictory image. Nevertheless, writers continue to use TVN in their novels. The author of the text has the opportunity to choose the language in which he builds the text. “An important means of information activation of the structure is its violation. A literary text is not just a realization of structural norms, but also their violation. The life of a literary text is in their mutual tension” [11, p.283]. This may be reflected in the use of TVN.

7. Conclusion

This paper analyzes TVN used in dialogue forms in Russian novels from the second half of the 19th century to the second half of the 20th century, from the viewpoint of the relationship with four types of dialogue forms and the lexical classification of TVN. The analysis results revealed the following:

- 1) TVN is used intensively in type C
- 2) TVN, meaning ‘facial expressions’ and ‘body movements’, is used more frequently.
- 3) The use of TVN is one of the author’s strategies to attract readers’ attention.

References:

1. Baranov A.N., Krejdlin G.E. (1992) Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nykh dialogov [Structure of the dialogical text: lexical parameters of the minimal dialogues] Voprosy jazykoznanija 3, 84-93.
2. Bel'chikov Yu.A. (1990) Ellipsis // Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva.
3. Bonheim H. (1982) The Narrative Modes: Techniques of the Short Story. Cambridge: D. S. Brewer.
4. Burov A.A. (1983) Glagoly vvoda pryamoj rechi v khudozhestvennom tekste [verbs introducing direct speech in the literary text] // Russkij jazyk v shkole. No2. pp.85-87.
5. Byrka M.G. (1986) Ellipsis glagolov govorenija v predlozhenii I realizatsiya okh funktsii glagolami inykh leksicheskikh grupp [Ellipsis of speaking verbs in a sentence and the implementation of their function by verbs of other lexical groups] // Funktsial'no-semanticheskij aspect yazykovykh edinits raznykh urovnej (romano-germanskaya filologiya [Functional and semantic aspect of linguistic units of different levels (Romano-Germanic philology)]. Kishnev.
6. Chirkova N.I. (1992) Reprezentatsiya dialoga v khudozhestvennom prozaicheskom tekste: (na materiale romanov I.A. Goncharova “Obyknovennaya istoriya”, “Oblomov”, “Obryv”) [Representation of dialogue in fictional prose text: (based on the novels by I.A. Goncharov "An Ordinary History", "Oblomov", "Break")]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation for the degree of candidate of philology]. SPb.
7. Kitajo M. (1994) Tekstovye kharakteristiki dvukh tipov konstruktsij prjamoj rechi. [Text characteristics of two types of direct speech constructions] // Russkij jazyk za rubezhom. №6. 67-71.
8. Kitajo M. (2020) Analiz konstruktsii prjamoj rechi s tochki zrenija lingvistiki teksta i kontseptsii semanticeskoy perekhodnosti [Analysis of the structure of direct speech from the point of view of text linguistics and the concept of semantic transitivity]. The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) Vol.5, Issue 3, 133-145.
9. Kitajo M. (2022) Sopostavlenie form dialoga v russkikh i japonskikh literaturnykh proizvedenijakh [Comparison of dialogue forms in Russian and Japanese literary works]. The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CC&ES) Vol.7, Issue 2, pp.24-35. 2022.
10. Levin V.D. (1960) Pryamaya, kosvennaya i nesobstvenno-pryamaya rech' [Direct, indirect and improperly direct speech] // Grammatika resskogo jazyka [Russian grammar]. Tom II, Ch.2. Moskva.
11. Lotman Yu.M. (1998) Ob iskusstve [About art]. Iskusstvo – SPB. Sankt-Peterburg.
12. Mel'chuk I.A. (1995) Russian Direct Speech Sentences with Verbs of Emotion. In Russkij jazyk v modeli “Smysl-Tekst”. pp.215-234. Moskau-Wien.

13. Milykh M.K. (1962) Konstruktsii s pryamoj rech'yu v sovremenном russkom yazyke [Constructions with direct speech in modern Russian]. Avtoref. dis... dokt. filol. nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Leningrad.
14. Rinberg V.L. (1987) Konstruktsii chuzhoj rech' v sisteme svyaznogo teksta v sovremennom russkom yazyke [Structures of someone else's speech in the system of coherent text in modern Russian]. L'vov.
15. Shumilov N.F. (1959) Stilisticheskie funktsii avtorsikh slov v konstruktsiyakh s pryamoj rech'yu [Stylistic functions of author's words in constructions with direct speech] // Russkij jazyk v shkole. No2. pp.36-38.
16. Tsunoda T. (1985) Remarks on transitivity // Journal of Linguistics 21. pp.385-396.
17. Umantseva L.V. (1980) Leksiko-grammaticheskie svojstva glagolov i glagol'nykh slovosochetanij, vvodyashchikh pryamuyu rech' [Lexico-grammatical properties of verbs and verb phrases that introduce direct speech]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation for the degree of candidate of philology]. Moskva.
18. Uspenskij B.A. Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologija kompozitsionnoj formy [Poetics of composition. The structure of the artistic text and the typology of the compositional form]. Moskva.
19. Volgina N.S. (1979) Sintaksis sovremennoj russkoj jazyka [Syntax of the modern Russian language]. Vysshaya shkola. Moskva.

Information about the Author:

Kitajo Mitsushi (Kyoto, Japan) - Ph.D. The owner of the Medal of Pushkin (Russian Federation National Award), professor, Head of the department of Russian language, Faculty of foreign studies, Kyoto Sangyo University.

e-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Acknowledgments: Expresses gratitude to the reviewer.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-73-79

УДК (UDC) 81`32

Irina V. McGuinn

Moscow Pedagogical State University (MPGU),

Moscow, Russia

Макгунн Ирина В.,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),

Москва, Россия

For citation: McGuinn Irina V., (2023).

Metaverse in VR.

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 73-79 (in USA)

Manuscript received 15/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ВИРТУАЛЬНАЯ МЕТАВСЕЛЕННАЯ

METAVERSE IN VR

Аннотация:

В статье рассматриваются характерные для виртуальной реальности названия и определения. Что такое «Метавселенная»? Кто является лидером VR на мировом рынке технологий, их видение, миссия? Точка входа в виртуальность. Список виртуальных платформ и их апробация, ключевые моменты, на которые стоит обратить внимание.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR-технологии, платформы виртуальной реальности, метавселенная, преподавание в виртуальной реальности, аватар

Abstract:

The article discusses the names and definitions applicable to virtual reality. What is the “Metaverse”? Who is the VR leader in the global technology market, their vision, and mission? The entry point to virtual space. List of virtual platforms and their approbation, key points worth paying attention to.

Keywords: virtual reality, VR technology, virtual reality platforms, metaverse, teaching in VR, avatar

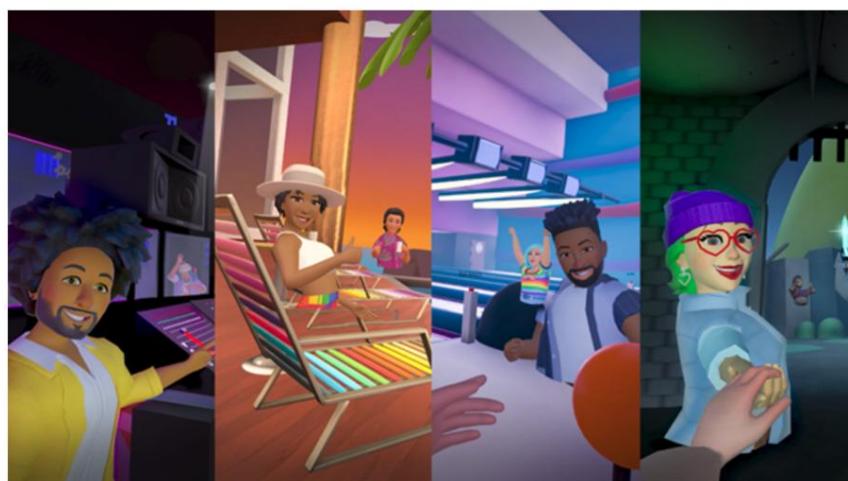
Введение

Обзор литературы

Сегодня ИТ технологии развиваются с молниеносной скоростью и присутствуют в нашей ежедневной жизни по умолчанию. Мы не представляем себе существование без смартфона, который заменил нам и фотокамеру, и компьютер – в нем мы

проверяем почту, курируем соцсети, делаем покупки, производим оплату, в поездке используем навигатор, поисковик, переводчик, сканируем штрихкоды в качестве выхода к исходному информационному источнику, используем функцию сканнера документов, электронной подписи и мгновенной отправки адресату, учимся, играем, читаем и прочее. Появилось множество приложений для решения определенных задач разного характера и облегчения нашей ежедневной человеческой комфортной жизни. По словам Марка Цукерберга, основоположника компании Мета (бывшее название Facebook), “смысл технологий в нашей жизни заключается в том, что они дали нам возможность выражать себя и познавать мир с еще большим богатством”.

Переименование компании Facebook в Meta Platforms Inc. является стратегическим шагом на фоне снижения продаж рекламы, резкого падения общественного доверия к бренду Facebook, а также растущей угрозы регулирования платформы государством. [1] С момента основания социальной платформы Facebook в 2004 году, когда люди с помощью компьютера обменивались сообщениями, новостями, потом перешли на смартфоны со встроенными камерами и с возрастающей скоростью работы Интернета мы стали получать сначала визуальный ряд картинок, потом и видео, и рекламу, прошло 19 лет. За последнее время, когда скорости wi-fi соединения стали быстрее, просмотр видео фильма, видео инструкции стало одним из основных способов восприятия контента. Произошел переход от текста к фото, картинкам и видео, переход от физического присутствия на месте в мобильное онлайн пространство. У Цукерберга амбициозные планы по созданию виртуальной реальности, призванной вытеснить Интернет, объединить виртуальную жизнь с реальной, «дать людям возможность построить сообщество и сблизить мир», создать новые социальные и игровые платформы, где, по его обещаниям, «вы сможете делать почти все, что можете себе представить». [2] Такой виртуальной реальностью компания видит «Метавселенную» («мета» и «вселенная»), которая будет еще более захватывающей, иммерсивной: с проживанием опыта, а не наблюдением со стороны, где можно собраться вместе с друзьями, работать, учиться, заниматься творчеством, делать покупки, пользоваться абсолютно новым функционалом мгновенного обмена сообщений, не соответствующим нашему сегодняшнему пониманию о компьютерных технологиях. См. скриншоты, заимствованные на платформе Meta Horizon.

Rис. 1 Платформа Meta Horizon Worlds.

Стоит отметить, что термин «метавселенная» не привязан к какой-либо компании. Сегодня многие компании-разработчики стремятся создать метавселенные. По аналогии, как когда-то были созданы поисковики Google, Yandex, Yahoo,

например. Находясь в Google, мы можем переходить на любую другую веб-страницу. Точно так же видятся виртуальные миры метавселенных, сконструированных разными компаниями.

Компания «Мета» на сегодняшний день является одним из ведущих амбициозных визионеров по разработке виртуальной реальности. В «Мета» входят следующие бренды, сервисы и продукты:

- *Meta Horizon Worlds* – это социальная бета-платформа VR, основанная в 2020 году, где пользователи могут воспользоваться набором готовых инструментов, чтобы создать желаемый опыт в виртуальной реальности. *Horizon Venues* – для любителей концертов.
- *Horizon Workrooms* – для коллaborации, совместной деятельности, мозгового штурма. Вход на платформу возможен как с помощью VR-гарнитуры, так и с любого другого устройства. Сотрудникам компаний предлагается встречаться в *Meta Horizon* для видеоконференций. Например, как в программе ZOOM, только с помощью трехмерных аватаров можно присутствовать в аудитории вместо видео окошек на экране компьютера. Приложение бесплатное и получить виртуальный опыт можно с помощью VR очков Meta Quest.

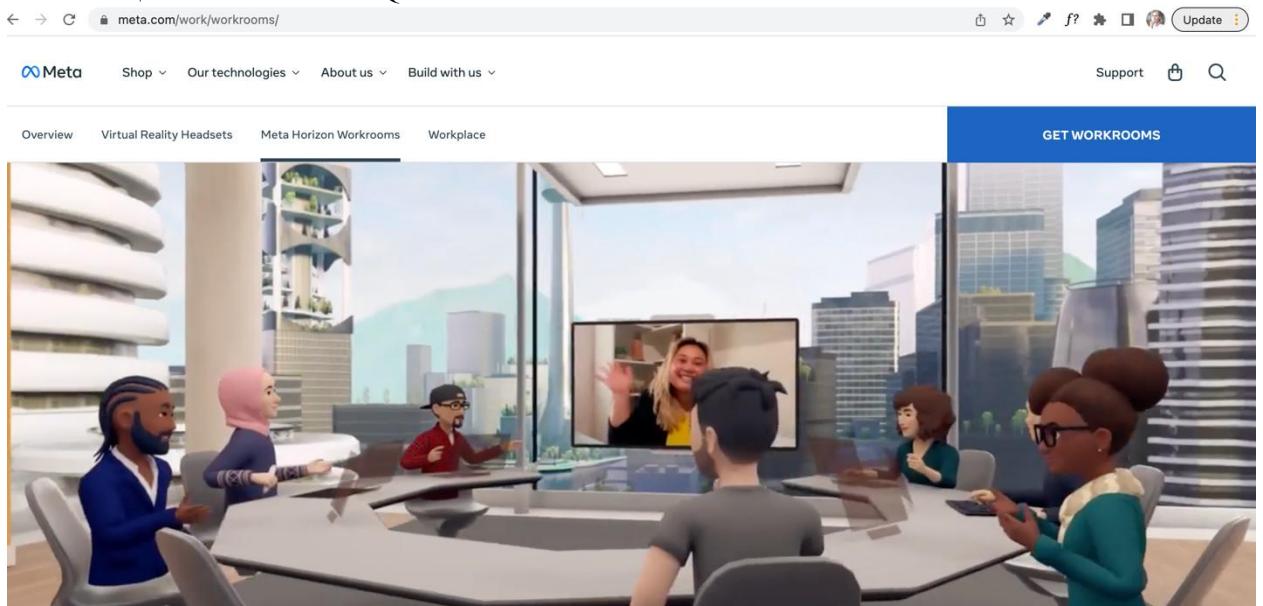

Рис. 2 Meta Horizon Workrooms для корпораций.

- *Meta Quest* – бывшее название Oculus/ Oculus Rift. Компания-лидер по производству VR-гарнитур стоимостью \$300 и программного обеспечения.

Рис. 3 Meta Quest VR-гарнитура.

- Умные очки Ray-Ban Stories с технологией Мета – первое поколение смарт-очков со встроенной камерой, аудио системой «открытое ухо» и удобной системой обмена данных в социальных сетях.

Практический материал

Доступ в Метавселенную возможен как через компьютер или смартфон, так и через VR-гарнитуру, необходима регистрация с именем-логином и созданием пароля. VR-шлем – это сам по себе суперкомпьютер, через который также скачиваются приложения с выходом в виртуальное пространство.

Специалисты по популярности выделяют следующие модели VR-шлемов:

	Best VR Headset For Most People
	Meta Quest 2
	\$399
<hr/>	<hr/>
	Best PC VR Headset Under \$600
	HP Reverb G2
	\$514.57
<hr/>	<hr/>
	Best PC VR Headset For Gamers
	Valve Index VR kit
	\$999
<hr/>	<hr/>
	Highest Quality VR Headset
	HTC Vive Pro 2
	\$1379

Рис. 4 Популярные модели VR-шлемов.

Источник: <https://www.engadget.com/best-vr-headsets-140012529.html>

После регистрации на выбранной платформе (список приведен ниже) первое действие, которое необходимо выполнить – создать свой аватар. Аватор – это виртуальная визитная карточка, имидж пользователя – его/ее самовыражение, то, как он хочет, чтобы его видели другие пользователи. Здесь есть огромный плюс эксперимента над внешностью без реального физического или финансового ущерба, будь то стрижка, цвет волос, стиль одежды или имидж фантастического супергероя. Есть также опция, где посредством камеры в режиме реального времени делается фото и автоматически создается приближенный к реальной версии аватар-двойник.

В пространстве VR-технологий часто можно услышать понятие “interoperability”, которое состоит из следующих слов: “inter” – между, “operation” – работа, эксплуатация и “ability” – способность. В контексте оперирования аватаром речь идет о его межфункциональности или совместности использования на других виртуальных платформах, а также социальных сетях, например, Facebook, Messenger, Instagram, Telegram. Отправной точкой по созданию аватаров и экспериментом над внешностью является сайт Ready Player Me (<https://readyplayer.me/>).

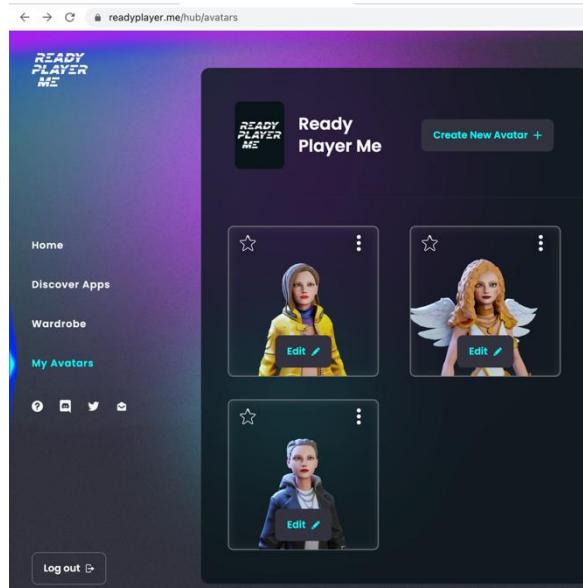

Рис. 3 Создание вариантов аватара.

Далее тестируем виртуальные платформы.

Список виртуальных платформ:

- *Spatial* - <https://www.spatial.io/> - социальная виртуальная платформа с возможностью создания своего персонального пространства.
- *Hiberworld* - <https://hiberworld.com/> - виртуальная игровая площадка с различными мирами.
- *AltspaceVR by Microsoft* - <https://altspacevr.com/> - виртуальная платформа по созданию ежедневных событий-встреч (по объявлению создателей эта платформа оперирует до 10 марта 2023 и будет закрыта).
- *VRChat* - <https://hello.vrchat.com/> - виртуальная социальная площадка, объединяющая различные по интересам сообщества.
- *Somnium Space* – <https://somniumspace.com/> открытый, социальный, виртуальный мир.
- *Horizon Worlds* by Meta – <https://www.meta.com/horizon-worlds/> виртуальные миры.
- *ENGAGE* – <https://engagevr.io> в сотрудничестве с Meta, это Метавселенная, ориентированная как на бизнес корпорации, так и на образовательные организации и организаторов мероприятий, позволяющая создавать свои виртуальные миры и образовательный контент, уроки и встречи.
- *Roooom* – <https://roooom.com> платформа виртуальной реальности по созданию и обмену опытом 3D, AR, VR, специализирующаяся на продуктах корпоративных метавселенных, виртуальных выставочных залов, трехмерных презентаций и виртуальных мероприятий.
- *Mona* – <https://monaverse.com> создание социальных площадок для общения.
- *Educaverse* – <https://educaverse.org> Метавселенная, разработанная специально для образования, с собственной экономикой и децентрализованным рынком.
- Узкоспециализированные в одном предмете образовательные платформы: *House of Math*, *imedu*, *3D Bear*, *syGlass*.

При выборе платформы для создания виртуального образовательного пространства важно обратить внимание на следующие моменты:

- Безопасность и надежность виртуального пространства, проведения встречи. Необходимо создать отдельное виртуальное пространство для обучения, ссылку-приглашение с логином (ID) и паролем для входа исключительно приглашенным участникам. Некоторые протестированные виртуальные социальные площадки являются открытого типа и не подходят для проведения образовательного урока.

- Возраст участников и время нахождения в виртуальности. Погружение в виртуальную среду возможно с помощью VR-гарнитуры, не рекомендуется пребывать в виртуальном пространстве более одного часа. Срок службы батареи VR-гарнитуры Meta Quest – два часа. В разных источниках рекомендованный возраст участников 14+. На платформе ENGAGE, например, можно посетить виртуальные кампусы американских колледжей и университетов, чья аудитория обычно в возрасте 17+.
- Наличие дополнительных инструментов в виртуальном пространстве, таких как белая доска, экран-проектор для демонстрации презентаций, заметки и прочее. Не на всех платформах есть возможность продемонстрировать заранее подготовленную к уроку презентацию или файл в pdf, показать через специально подгруженный экран-проектор видео или выйти на интернет-страницу.
- Приготовить пошаговую инструкцию для учащихся по регистрации, входу на платформу и на виртуальный урок. Например, первый урок в VR может просто не состояться по причинам непонимания учащихся, как и что конкретно нужно сделать. Возможно, придется посвятить отдельный урок по обучению учащихся в навигации в VR-пространстве: вход и выход из него, умение включить и выключить микрофон, перемещаться в пространстве, использовать необходимые функции управления и т. д.

Заключение

При изучении иностранного языка важен опыт погружения в среду общения. Виртуальная, искусственно созданная среда, гипотетически отвечает требованиям погружения в коммуникативную ситуацию, в безопасное, образовательное виртуальное пространство, где студент проживает опыт, который, на наш взгляд, является ключевым понятием при использовании VR/ XR/ AR технологий при обучении иностранному языку. Однако само погружение возможно только с помощью VR-гарнитуры. Предусмотрен также вход в виртуальную реальность через компьютер, хотя должного эффекта от пребывания, проживания опыта в виртуальности, на наш взгляд, не достигается.

References:

1. Gadjio Sevilla “Breaking down Facebook’s Meta rebrand and monumental task of convincing billions of social network users to join in”. Article, Nov 1, 2021.https://www.insiderintelligence.com/content/breaking-down-facebook-s-meta-rebrand-monumental-task-of-convincing-billions-of-social-network-usersjoin_gI=1*tixlvh*_ga*MTgyMDEyNzIzNy4xNjczMzc4NTg2*_ga_XXYLHB9SXG*MTY3MzM3ODU4Ni4xLjEuMTY3MzM3ODgzMC4wLjAuMA..&_ga=2.145635380.1630918298.1673378587.1820127237.1673378586
2. Hardawar Devindra “The best VR headsets for 2023”, December 15, 2022. <https://www.engadget.com/best-vr-headsets-140012529.html>
3. Официальная страница компании Мета <https://about.meta.com/company-info/>
4. Sam Sprigg “Meta announces tools and partnerships to bring VR productivity and collaboration to businesses”, October 11, 2022, <https://www.auganix.org/meta-announces-tools-and-partnerships-to-bring-vr-productivity-and-collaboration-to-businesses/>

Information about the Author:

Irina McGuinn (Moscow, Russia) - postgraduate student of the Institute of Philology, Department of Linguodidactics and Bilingualism, and Russian as a Foreign language, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow. E-mail:irina.mcguinn@gmail.com

Acknowledgments: I am grateful to the head of scientific work for the advice.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-80-88

УДК (UDC) 81'33

*Svetlana M. Minasyan,
Ijevan Branch of Yerevan State University,
Yerevan, Armenia
Минасян Светлана Михаэловна,
Иджеванский филиал Ереванского государственного университета,
Ереван, Армения.*

*For citation: Minasyan Svetlana M., (2023).
Design as a Technology Transfer.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 80-88 (in USA)*

Manuscript received 09/01/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ

DESIGN AS A TECHNOLOGY TRANSFER

Abstract:

The article deals with pedagogical technologies that have the ability to transform in the design process. Design is also a technology that promotes transformation and the discovery of new technologies. From our point of view, transformation is not only the implementation of new technologies but also the ability to use promising opportunities, meet new and changing needs in the educational space. Therefore, all technology transformations have a link called transfer. The transfer of technology to design is considered as an innovative activity aimed at the practical assimilation of the results of scientific research and development increasing the efficiency of methods and means of implementing specific processes that contribute to the creation of new products and technologies in the educational space. The design itself is a technology and a transfer into technology. During the design process, it is necessary to consider it in stages and at each specific stage of the design to identify new transitional technologies and their options.

Keywords: technology, transfer, design, transformation, processes, innovation, new products

Аннотация:

В статье рассматриваются педагогические технологии, которые имеют способность трансформироваться в процессе проектирования. Проектирование тоже является технологией, способствующая трансформации и выявлению новых технологий. В нашем понимании трансформация — это не только внедрение новых технологий, но и умение использовать перспективные возможности, удовлетворять новые и меняющиеся потребности в образовательном пространстве. Поэтому все трансформации технологий имеют связующее звено, называемое трансфером.

Трансфер технологий в проектирование рассматривается как инновационная деятельность, направленная на практическое освоение результатов научных исследований и разработок, повышающих эффективность способов и средств осуществления конкретных процессов, способствующих созданию новых продуктов и технологий в образовательном пространстве. Само проектирование является технологией и трансфером в технологию. В процессе проектирования необходимо рассматривать поэтапно и на каждом конкретном этапе проектирования выявлять новые переходящие технологии и их варианты.

Ключевые слова: технология, трансфер, проектирование, трансформация, процессы, инновационная деятельность, новая продукция

Введение

В последнее десятилетие заметно происходят изменения в обществе, требуется пересмотреть общественные системы в том числе и систему в образовании, выдвигаются идеи, проблемы. Изменения в образовательной системе зависит от совокупности взаимодействующих элементов, которые отличаются от свойств ее составных частей. Новые элементы в системе образования в процессе реформы становятся объектом исследования и изучения их взаимосвязи и взаимоотношений. Для осуществления поставленных целей необходимы человеческие ресурсы, способные обеспечивать формирование цивилизационного развития и нового миропорядка на основе постоянного наращивания профессионализма, поиска нового понимания, нового знания и нового способа действия. [5:243]. С этой точки зрения особое внимание необходимо обратить на человеческие ресурсы (или студенческие ресурсы), которые в основном остаются невостребованными. А хотелось бы трансформировать на нехватку определенных профессий, которые формируют навыки и умения на потребителей. С одной стороны, личность стремится к самообразованию, саморазвитию и самореализации, с другой стороны данная личность неrationально реализует свои знания из-за нехватки практических навыков и умений.

В связи с этим педагогической системе необходимо учитывать такие практические навыки и умения в области образования, которые имеют возможность трансформироваться в определенные цели и решения проблемы. В нашем понимании трансформация — это не только внедрение новых технологий, но и умение использовать перспективные возможности, удовлетворять новые и меняющиеся потребности в образовательном пространстве. Чем быстрее происходят изменения в обществе и развитие информационных технологий (ИТ), тем больше проявляется интерес к разным профессиям, языковым культурам, к овладению иностранными языками, информационным технологиям и тем сложнее оказываются проблемы образования, воспитания, формирования личности. Личность в обществе формируется исходя из нескольких этапов. Алгоритм личности состоит из формирования знания, умения, навыков, опыта, развития компетенции и самой компетентности. Навыки и умения приобретенные вовремя проектирования являются хорошим примером для конструирования перспективных возможностей продуктивных технологий.

Параллельно с другими технологиями трансфер технологий в проектирование рассматривается как инновационная деятельность, направленная на практическое освоение результатов научных исследований и разработок, повышающих эффективность способов и средств осуществления конкретных процессов, способствующих созданию новых продуктов и технологий в образовательном пространстве. Само проектирование является технологией и трансфером в

технологию. Технология в образовании – это некий механизм, при помощи которого задействованы новые средства и способы образовательной системы, воплощаемые в реальном мире: «интеллектуальные технологии», «интерактивные технологии и методы», «инновации», «мультимедийные учебные материалы» и многие другие [3:102]. Технологическая деятельность в своей наиболее полной развертке предполагает систему взаимосвязанных видов работ, совокупность которых обеспечивает появление закономерных инноваций, а именно:

- научно-исследовательская деятельность, направленная на получение нового знания о том, как нечто может быть («открытие»), и о том, как нечто можно сделать («изобретение»);
- проектная деятельность, направленная на разработку особого, инструментально-технологического знания о том, как на основе научного знания в заданных условиях и ситуациях необходимо действовать, чтобы получилось то, что может или должно быть («инновационный проект») [1; 7; 8.];
- образовательная деятельность, направленная на профессиональное развитие субъектов определенной практики, на формирование у каждого личного знания (опыта) о том, что и как они должны делать, чтобы инновационный проект воплотился в реальность практической деятельности («реализация»).

При этом проектирование как процесс самостоятельной творческой деятельности, рассматривается как путь, ведущий к эвристическому моделированию и конструированию образовательных программ и пространства.

Приступая к процессу проектирования, мы представляем его как уравнение, где X – количество идей и Y – количество проблем и не равно нулю, а равно бесконечности, и поддается решению. Если мыслить ясно, обладать логикой и конструктивно строить идею, то решить проблему можно, развивая креативное мышления, генерируя идею; умело диагностируя и исправляя ошибки; корректируя и опытным путем идентифицируя, делая объект, явления, элементы, **独一无二ными по сравнению с другими объектами, явлениями, элементами**, которые послужат разработке новым технологиям. В этом случае технология - это целая система, где хаотично передвигаются неведомые объекты, явления, элементы. И внутри системы технологии выявляем методы или разрабатываем методы, которые моделируют саму систему технологии. Это, в частности, инновационные методы: эдутон, модераторство, ТРИЗ, игровые, кейсовые, проектные, бинарные лекции, методы опережающего образования (Advanced Education), смешенного обучения (Blended Learning), перевернутого класса (Flipped Classroom).

В этом плане интересны работы в лабораториях, дискуссионных площадках, где обсуждают, генерируют идеи, проблемы, выдвигаются наработки по проектам и проектированию. Дискуссионная площадка выявляет и развивает перспективные образовательные технологии (ОТ) именно в фундаментально-практической направленности, где проявляется благоприятная возможность для моделирования системы поддержки принятия решений и применения всевозможных вариантов, способствующих формированию твердых, мягких, жизненно необходимых навыков.

Для эффективного развития педагогической мысли необходимо систематически отслеживать, проводить фундаментальные, междисциплинарные исследования с целью получения ожидаемого результата. Переход на технологический уровень проектирования образовательных проектов способствует выявлению и описанию новой продукции и ее значимую роль в развитии технологии. В качестве осуществления перехода к этапу реализации может служить трансфер, который

способствует раскрытию всех возможностей для создания инновационного подхода. Следовательно, в качестве результата трансфера технологий выступает инновационный продукт, который разрабатывается в процессе проектирования. Насколько эффективен этот инновационный продукт выявляется во время внедрения в практику.

Как известно, в мире научных исследователей в сфере трансфера технологий, все более привлекает внимание научную аудиторию, особенно в образовательном секторе. Хотя на сегодняшний день нет четкого определения понятий «трансфер» и соотношение с «технологией». Тем не менее, следует считать технологию феноменальной формой самореализации человека, представляющей собой информацию, предназначенную для использования и достижения какой-либо цели, или же знания о том, как сделать что-либо нестандартное. Трансфер же представляет собой движение технологии с использованием каких-либо информационных каналов от одного ее индивидуального или коллективного носителя к другому» [3: 44-49].

В нашем понимание «трансфер технологий» (technology transfer) представляет собой процесс, так же, как и проектирование, где во время работы корректируется в нескольких этапах, в зависимости от цели, решения проблемы, подбора методов, выявления элементов и отношений между ними. Если рассматривать трансфер педагогической технологии, то это сложная система, состоящая из методик, приемов, которые объединяют концептуально связанные между собой образовательные цели, различные формы, средства, приемы организации учебного и воспитательного процесса.

Рассмотрим этапы формирования технологий:

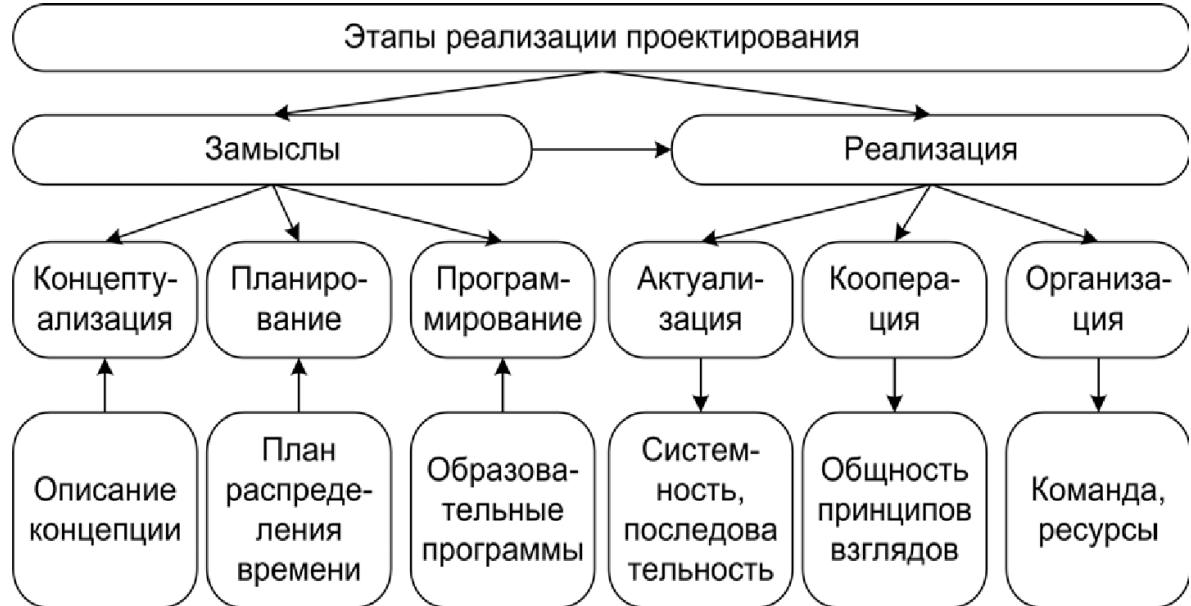
Приступая к разработке любого проекта, необходимо четко представить логику его построения. Надо оговорить сразу, что в процессе работы над этапами реализации проекта разработчикам необходимо обратить внимание на тот факт, что любой рабочий отрезок (этап), который они предусматривают, может быть скорректирован в зависимости от цели и выдвинутой проблемы, т. е. предварительная разработка основных деталей проекта должна быть подробно описана и представлена для обсуждения и анализа для последующего этапа работы над проектом. А для проектной группы разработчиков педагогического проектирования необходимо учитывать реальные организаторские функции и коммуникативные способности. Надо помнить, что суть педагогического проектирования состоит в создании потенциальных вариантов проекта, оцениваются результаты работы, а объектами педагогического проектирования могут быть педагогические системы, педагогический процесс и педагогические ситуации. Такой сложный вид проектирования реализуется как ряд последовательно следующих друг за другом связей, приближая разработку предстоящей деятельности от общей идеи к детально описанным конкретным действиям. В конкретных действиях, на конкретных этапах рассматриваются конкретные технологии. Эти конкретные действия разделяются на определенные этапы, рассмотрим каждый из них в отдельности:

- организационный этап. На этом этапе определяется отбор участников в проект, разрабатываются критерии этого отбора, намечаются аудитории, с которыми будут проводить эксперименты, утверждается рабочий план, распределяется время, отведенное на данную деятельность; здесь трансфер технологий может служить перевернутый класс, мозговой штурм;
- стартовый этап – диагностика социально-образовательных и учебных кейсов, проблемы, концепции, целеполагания, ценностно-смысловое самоопределение,

программирование, планирование хода проекта; трансфер технологий может служить модераторство, игровые, кейсовые, бинарные лекции;

- этап реализации проекта – последовательное и систематическое выполнение запланированных проектных действий, корректировка процесса проектного действия и его участников, промежуточный контроль, проведение эксперимента и проверка результатов в лабораторных условиях, презентация окончательных результатов работ; трансфер технологий могут быть ТРИЗ, игровые, кейсовые, бинарные лекции;
- рефлексивный этап – апробация предложенного продукта в конкретной аудитории, проведение экспертизы проекта, рефлексии по поводу предполагаемой гипотезы проекта, его результатов, оценки результативности; трансфер технологий могут быть эдутон, модераторство, ТРИЗ, игровые, бинарные лекции;
- пост-проектный этап – прогнозирование дальнейшей работы в педагогической сфере, апробация, распространение результатов от полученной продукции проектной деятельности, выбор вариантов продвижения проекта, внедрение в практику и определение коэффициента полезного действия данного продукта. Здесь можно предусмотреть проведение семинаров, обсуждений, тренингов, веберов, конференций [1; 3; 8].

Каждый из компонентов, включенный в этап реализации проектирования, составляет связующее звено (рис. 1). Если отсутствует это связующее звено между компонентами, то его надо создать. Иначе данные компоненты не представляют систему планирования по конкретной проблематизации, организации, корпорации. Это относится и к проектированию учебной программы, учебной темы, учебной деятельности. В сумме компоненты замысла и реализации составляют рефлексию [3: 74-78].

Концептуализация означает:

- диагностирование и прогнозирование актуальности, проблематичности, выявление неизученных или малоизученных тем, труднодоступных явлений и связей, недостающих компонентов, образующих систему выполнения проекта;

- анализ, сравнение, выработку единого языка общения и коммуникации, конкретизацию и сочетание целей с задачами, определение границы содержания с методами, приемами, средствами, доступными для участника проектирования;
- разработку стратегии проектирования, обладающей общей направленностью на достижение целей; решение поставленных целей путем разработки конструктивных деталей, составляющих будущую модель.

В описание концепции обязательно должны входить следующие пункты:

- описание и ценностно-смысловая оценка проблемного материала;
- ценностные основания проектной деятельности;
- цели проекта с описанием конечного результата;
- совокупность теоретических положений, на основании которых был сформирован замысел проекта;
- подходы, стратегии, принципы проектирования.

Планирование – стратегия, состоящая в преодолении этапов достижения поставленных целей. В этом очень помогает индивидуальный план работы каждого участника с отметками на временном отрезке (день, час, действия, мероприятия). Планы по своему содержанию бывают разные: структурно-содержательные, стратегические, организационные. И применяются разные технологии для достижения цели.

Структурно-содержательный план представляет собой краткий перечень содержания, отражающий его объем работы, тематические модели, порядок реализации содержания проектирования.

Стратегический план рассматривает долгосрочные перспективы (особенно, если проект имеет продолжение или рассчитан на два-три года), связанные направленными действиями в процессе работы.

Организационный план предусматривает определенный объем работы, соответствующий содержанию, концепции, порядку реализации, срокам выполнения работы и системе действий по его реализации. Организационный план имеет типовые вопросы, на которые нужно иметь готовый ответ, приступая к работе: что делать? как делать? когда? где? в какое время? в какой последовательности? с кем?

Этапы реализации проектирования сопровождаются определенными компонентами и каждый из них определяет готовность системы к реализации поставленной цели: актуализации, кооперации, организации.

Каждый проектный шаг реализуется по плану, намеченной логической структуре, мыслительной деятельности, преобразованию предмета проектирования и всегда сопровождается аргументами и доказательствами, соотнесенными с конкретными заданиями, за которые каждый из участников проекта несет ответственность согласно ранее намеченному плану.

Каждый этап реализации проекта предусматривает прямую и обратную связь с целью установления тесного контакта с участниками на всем отрезке реализации проектирования. Постоянный обмен информацией и опытом работы является важной частью проекта.

Должны быть организованы объективная промежуточная оценка полученных результатов и наличие примерных критериев показателей успешности каждого проектного шага в целях коррекции хода проектирования.

На заключительном этапе проектирования организовывается обобщение результатов экспериментального материала и анализируются поэтапные действия.

Все перечисленные компоненты замысла и реализации проектирования объединяются и рассматриваются в проектной деятельности как рефлексивные составляющие.

На рефлексивном этапе проектирования проводятся анализ и синтез собственного сознания, выстраивается собственный подход, отвечающий за понимание смысла межличностного общения в процессе работы. Рефлексия на выходе из проекта демонстрирует богатый собственный отчет с обращением к себе и к участникам в новом качестве, с высоты приобретенного профессионального опыта в совместной деятельности. Рефлексии подлежат ход проекта и система отношений, сложившаяся в нем.

В итоге мониторинга, экспертизы, оценки проекта рождаются ситуации, позволяющие замечать соответствие или несоответствие полученного продукта по отношению к первоначальному замыслу: можно изменить, уточнить решение о применении проектных материалов или их тиражировании с целью активного внедрения в практику. Пройденные пути реализации проектирования позволяют студенту не только моделировать, имитировать, импровизировать, но и материализовывать свои идеи.

Многие исследователи отводят развитию рефлексии особое место, потому что человек формирует свою личность. В работе Е. Н. Рябышевой «Рефлексия как фактор развития личности» отмечается, что рефлексия формируется при непосредственном участии самой личности, она несет на себе отпечаток качественного многообразия ее психологического мира.

Адекватность, истинность представлений о себе устанавливаются на реальных проявлениях личности в деятельности, поведении [10].

Отечественными (С. Л. Рубинштейн) [9] и зарубежными (Дж. Дьюси) исследователями отмечается, что рефлексия – это механизм, благодаря которому система обретает способность к импровизации. Чем более развиты рефлексивные способности, тем больше рефлексивных моделей (способов) охватывает тезаурус, тем больше возможностей для развития обретает личность. Рефлексивные способности формируются теми, кто обеспечивает условия для саморазвития, самореализации, влияя в целом на развитие личности и ее отношения с миром. Дж. Дьюси отмечал, что «мы не учимся на опыте... мы учимся на размышлении об опыте...» [2:27].

Таким образом, проектирование в педагогической деятельности должно быть направлено на создание моделей будущих процессов и явлений. Компонентами проектной деятельности выступают конкретные модели или модули (функциональные узлы, объединяющие совокупность элементов, например, образовательной системы).

Моделирование и проектирование – это взаимное смысловое объединение, этапы помогают распределить и конкретизировать смысловое понимание. Но одно ясно, что проект как система, состоящая из различных необходимых компонентов, является подсистемой модели, и, наоборот, само проектирование может состоять из нескольких небольших моделей, составляющих совокупность компонентов, которые включает теория проектирования. Поэтому содержание самих этапов проектирования может изменяться, благодаря этому существует возможность нахождения нестандартных решений.

Таким образом, исходя из нашего опыта работы, наблюдений над проектированием как трансфер технологий, следует сделать вывод о том, что трансфер технологий является инновационно важным механизмом, пронизывающим систему организаций педагогической деятельности и обеспечивающим передачи научно-

технологической информации на всех этапах проектирования. Представленная структура идей и проблем является потоком---- не выявленных технологий различного уровня и на различных этапах проектирования, посредством которых развиваются новые научно-технологические направления и задают темп развития инновациям с помощью твердых, мягких и жизненно необходимых навыков. В статье представлено объяснение эволюции технологии и определены этапы ее трансфера. Технологии и научно-технологическая продукция становятся необходимым элементом в реализации ключевых интересов педагогической мысли и деятельности. Для трансфера технологий на современной стадии развития характерна тенденция педагогической продукции и перехода в практический обучающий процесс с использованием технологический умений и навыков.

References:

1. Asanova Svetlana, Minasyan Svetlana M. Edtech-Innovative Technologies and Methods in Education. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 126-132 (in USA)
2. Gorshkova, V. V. Pedagogical philosophy of John Dewey / V. V. Gorshkova, E. A. Mitkovets. St. Petersburg: Petropolis, 2008. 168 p.
3. Evtyugina A.A., Minasyan S.M. Designing educational programs in the methodology of teaching Russian as a foreign language. Teaching aid. Ekaterinburg, RSPPU, 2022. P. 130
2. Zaramenskikh E.P. Technology Transfer: Essence and Significance in the Development of the Economy of the Russian Federation / Tambov University Bulletin. Series: "Humanities". Issue No. 9 (125) / 2013. P. 44 - 49
3. Kuprina T.V. Peace didactics is a new model of education in the context of global changes. Modern directions of professional language training of linguists-translators and foreign language teachers at the university. International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the formation of the Department of Foreign Languages and Translation. Ekaterinburg. 2023, 239-247
4. Minasyan Svetlana M., Gevorgyan Mariam R. Design - a New Solution in Education.
5. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 101-110 (in USA)
6. Petrikova A., Kuprina T., Yan Gallo. Vvedeniye v didaktiku russkogo jazyka i mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. Preshevskiy universitet, filozofski fakultet, Slovakia, 2015.- P. - 365.
7. Polat Ye.S. Novyye pedagogicheskiye i informatsionnyye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov i sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov / pod red. Ye.S. Polat. - M: Izdatel'skiy Tsentr "Akademiya", 2001. - p. 224
8. Rubinshtein, S. L. Fundamentals of general psychology / S. L. Rubinshtein.
9. St. Petersburg: Piter, 2000. 712 p. Text: immediate.
10. Ryabysheva, E. N. Reflection as a factor in the development of personality /E. N. Ryabysheva. Moscow: Pedagogy, 1989. 485 p. Text: direct.

Information about the Author;

Svetlana M. Minasyan (Yerevan, Armenia) - Ph.D., Professor Ijevan Branch of the Yerevan State University, Department of Foreign Languages and Literature, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University. <http://orcid.org/0000-0001-93014927>; SCOPUS Author ID: 56576171400; SPIN-code 765 668; SPIN-code 6745-3510. Research interests: neology, cross-cultural communications, cross-cultural didactics.

E-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com

Contribution of the Author: Solely the author contributed to the present research

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-89-95
УДК (UDC) 80'44

Alfia Rakova,

Department of Russian Language and Literature,

Dartmouth College,

Hanover, USA

Альфия Ракова,

кафедра русского языка и литературы,

Дартмутский колледж,

Ганновер, США

For citation: Rakova Alfia, (2023).

Language Work with Chekhov's "The lottery Ticket"

Story in an English-Speaking Classroom.

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 89-95 (in USA)

Manuscript received 21/01/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ЯЗЫКОВАЯ РАБОТА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ЧЕХОВА «ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТ» В АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ

LANGUAGE WORK WITH CHEKHOV'S "THE LOTTERY TICKET" STORY IN AN ENGLISH-SPEAKING CLASSROOM

Abstract:

The main theme of the article is to address the importance of language work in teaching literary texts. It is important to prepare students for this work using texts appropriate for their learning level, and incorporating all necessary linguistic, cultural, historical, and methodological aspects. Chekhov's story "The Winning Ticket" can serve as sample of learning Russian morphology, word-formation, register, etymology, colloquial speech, and syntax through a literary text. It is important to keep the students' motivation high by working with the language subtleties of Chekhov's stories. Students learn to read and analyze what is not said explicitly in the text. Working with an authentic text is an important foundation for developing a communicative and cultural competence.

Keywords: language and text, word-formation and vocabulary expansion, formation of active vocabulary and syntax, student oral skills

Введение

Работа с художественным текстом на занятиях по русскому языку широко освещена в методической литературе, и ее необходимость доказана многократно. [1, 2, 3, 7, 14]. Правильно выбранный текст способствует расширению представления студентов не только о языке, но и культуре и истории. Вместе с тем, чтение художественных текстов мотивирует студентов высказываться и спорить о персонажах, их поступках и мотивах. Языковая работа, как предтекстовая, так и послетекстовая, формирует у студентов навыки устной речи, а также навыки письменного изложения своих мыслей.

Теория

Одной из важных целей на занятиях по работе с текстом является формирование у студентов умения думать на иностранном языке. Вот почему работа с языковыми особенностями не только самого текста, но и с активным словарем для обсуждения текста зависит от того, насколько интересен сам текст. Метафоры и иносказания, которые понятны носителям языка, требуют особого разъяснения студентам-иностранным. В связи с этим языковая работа с текстом должна начинаться до ознакомления студентов с текстом. В эту работу должны входить следующие стадии: морфологическая и словообразовательная, лексическая и синтаксическая, корреляция с текущим грамматическим материалом, а также историческая и культурная фоновая информация. В имеющейся литературе рассмотрены разные методические и лингвокультурологические аспекты работы с текстом. [16, 17, 18]. Одни авторы – Абрамова, Бессонова, Рябинина [16, 17, 18, 19] рассматривают этапы работы с рассказами Чехов, используя специальные приемы: прогнозирующий этап, этап восприятия текста, аналитико-синтетический этап, интерпретационный этап и т.д. Другие авторы уделяют больше внимания развитию и формированию лингвистических навыков (*scaffolding*) на базе работы с художественным произведением. [9, 10, 14]. Особенностью работы с текстом на втором курсе с англоворящими студентами является не только ознакомление с художественными текстами и культурологией, но и расширение словарного запаса студентов, углубление в морфологическую систему, словообразование, этимологию, а также формирование активного словаря для обсуждения не только рассказа, но и любого актуального вопроса жизни.

Практика.

С чего начать работу с художественным текстом? В первую очередь преподавателю необходимо подготовить сам текст: напечатать его с ударениями (или найти текст с уже проставленными ударениями), чтобы студенты учились правильно произносить слова текста. Затем необходим проставить справа перевод некоторых слов для понимания текста (*glossing*), а также ссылки и примечания об исторических и культурологических сведениях. После этого, как текст будет готов для работы, нужно составить языковой материал: *активный словарь для обсуждения рассказа; грамматические темы, перечень прилагательных и существительных, а также глаголов в рамках семантических групп; словосочетания и словообразовательные модели*. Важной обучающей стороной является работа с разговорной речью, просторечием, что довольно ярко представлено в рассказах Чехова. Требуют комментария преподавателя также и устаревшие формы слов, словосочетания, а также орфография.

Рассмотрим более конкретно на примерах рассказа Чехова «Выигрышный билет», какие виды языковой работы можно предложить студентам второго курса колледжа.

1. Исторические и культурологические комментарии.

- *Проживать 1200 рублей в год* – преподавателю необходимо разъяснить среднюю зарплату служащего в России до революции и что можно было на нее купить.
- *Носить проценты, залог* – информация о финансовой системе до революции;
- *Так-с, посмотрим-с* – объяснение частицы -с в употреблении с глаголами как знак подчинения;
- *Недвижимость, имение* – сравнение стоимости недвижимости до революции и в настоящее время; - *винт* – игра в карты,
- *Купальня* – бассейн, - *не подметают в комнатах* – присуга плохо убирает комнаты

2. Устаревшая орфография и разговорные формы некоторых слов в рассказе:

- *счастие* (счастье), *Дмитрич* (Дмитриевич), *поевши* – поев

3. Лексическая работа:

- подбор синонимов и антонимов, а также замена простоязывичных форм: *поглядеть* – посмотреть, *видать* – видеть, *погоди* – подожди, *прошёлся* – походил, *дремлет* – спит, *плетётся* – медленно идёт, *озябнуть* – замёрзнуть, *отдаться дремоте* – заснуть, *поглядывать* – посматривать, *усчитывать* – не давать деньги, *под замок* – прятать, *клясть* – проклинать.

4. Грамматика:

- работа с деепричастиями, а также трансформация этих конструкций для активного словаря: *не поглядев* (не посмотрел), *не проверяя* (не проверил), *бледнея* (бледнел), *молча* (молчал), *держа* (держал), *узнав* (узнал), *садясь* (садился), *опуская руки* (опускал руки), *мечтая* (мечтал), *не спеша* (не спешил), *начиная* (начинал).

- работа с краткими прилагательными и наречиями: *щекотно, страшно, приятно, ветер сыр и холоден, всё мокро, уныло, робко; то скливо; молод, здоров, свеж, темны, малы, низки, длинны и скучны*. Стоит особое внимание уделить ударению кратких прилагательных и переводу. Иногда при виде таких слов, как *сыр* (ветер сыр, сырой) студенты механически переводят это слово «cheese» - сыр. Краткие прилагательные, употребляемые для выражения личного восприятия, также требуют должного внимания для понимания эмоционального состояния героя. Когда он доволен собой, Чехов употребляет *молод, здоров, свеж* (хоть женись второй раз). А когда он раздражен, то комнаты в его восприятии *малы, потолки низки* и т.д.

- словообразовательная работа с приставками и суффиксами:

бессмысленно(без-бес), беззаботный (без), безразлично (без), взгляни (вз), разочароваться (раз), отуманить (о), затолпились, заворочались (за), разглаживать (раз), очарована (о), развалиться (раз), рассматривать (рас), прикрыть (при), отдаться (от), поглядывать (по), постареть (по), подурнеть (по), пропахнуть, протянуть (про); припомнить (при), холодок (ок), сынишка (ишк), рыбёшки (ёшк), хорошенъко (енък), огурчик (чик), корзинка (инк), узелок (ок), братец (ец), сестрица (иц), тётиенька и дяденька (енък), злорадство (ств).

Упражнения на словообразование учат студентов наблюдать разные значения как приставок, так и суффиксов. Например, неполнота действия – при-

(*приоткрыть, припомнить*), действие, совершающееся от времени – по- (поглядывать, посматривать, почитывать). Студенты узнают, что уменьшительно-ласкательные суффиксы могут выражать не только ласкательные, но и негативные и пренебрежительные эмоции в соответствующем контексте: «*тетеньки, дяденьки* приползут клянчить деньги».

- синтаксические конструкции:

- сослагательное наклонение – *купил бы, поехал бы, помешала бы, был бы в зависимости у неё*.
- усеченные разговорные конструкции – *а надоело лежать (если), а после развалиться на диване (можно)*.
- контраст между прошедшим и настоящим временем, а также сослагательным наклонением в зависимости от повествования. Свои мечты герой описывает либо в настоящем времени, либо в сослагательном наклонении. Вот почему студентам нетрудно провести границы между реальным ходом событий и мечтами.

5. Лексическая работа.

Необходимо составить группы глаголов для описания героев рассказа, их жизни, отношений в семье и событий в рассказе. Структура рассказа довольно проста и понятна студентам: *семейная пара после ужина проверяет лотерейный билет. Увидев, что серия совпадает, они не спешат проверить номер, мечтая о вероятности выигрыша. Строятся планы. Супруги смотрят друг на друга новыми глазами*. Так как билет куплен женой, у героя закипает злоба, что жена будет распоряжаться выигрышем. Номер не совпал, и они не выиграли. Читатель узнаёт многое об эмоциях и отношениях супружеской пары и что могло бы быть, если бы они выиграли. Такого типа краткое описание сюжета любого текста или фильма должно быть целью развития языковых навыков иностранных студентов. Типичные задания могут быть следующими: расскажите в 10 предложениях, что произошло в рассказе, фильме, новостях и т.д. Начинать такую работу следует уже на ранних этапах изучения иностранного языка. На втором курсе, когда студентам предлагаются рассказы, преподаватель должен провести четкое разделение словаря автора рассказа и активного словаря для пересказа и обсуждения.

Рассказдается студентам с ударениями и переводом отдельных слов (*glossing*), важных для понимания рассказа. Однако для развития разговорных навыков – от ответов на вопросы, пересказа и дискуссии – преподавателю необходимо составить активный словарь в зависимости от целей работы. Начать целесообразно с анкетных данных героев, когда студентам предлагаются вопросы по системе «от простого к сложному». И студенты сразу замечают, что героя зовут *Иван Дмитрич* (разговорная форма от *Дмитриевич*), а имя жены в рассказе отсутствует. Это первое наблюдение, которое студенты отмечают, и по мере работы с рассказом находят разные моменты, на которые Чехов либо указывает, либо нет. Другое наблюдение – это то, что герой называет сына *сынишкой*, а дочку – *дочь*. Отсутствие уменьшительно-ласкательного суффикса настораживает студентов, и они ставят под сомнение отношение героя к своим детям, а именно, любит ли он их одинаково. Вопросы о героях могут быть следующими: *кем и где он работает, сколько он зарабатывает, это много или мало? Какая у него семья? Во что он верил и не верил? Есть ли у него прислуга? Счастливая ли у супружеской пары семейная жизнь?* Студенты пишут ответы на вопросы дома и на следующий день на занятии они обсуждают свои ответы.

Следующая группа вопросов направлена на эмоциональное состояние героя в ожидании выигрыша. Активизируются такие глаголы, как *улыбаться, мечтать, спеши́ть, отумани́ть, очаровывать́ся, разочаровывать́ся, томить и дразнить себя, надеять́ся, выиграть* и т.д.. Преподаватель должен представить глаголы в парах – совершенный и несовершенный вид, затем их спряжение и глагольное управление. Включение в работу формирование причастий и деепричастий также является частью грамматики русского языка на втором курсе.

После этого целесообразна словообразовательная работа. Рассмотрим это на примере глагола *улыбаться/улыбнуться*: 1. Проспрягайте глаголы. 2. Какой падеж после этих глаголов? (*улыбаться кому/чemu – Дательный*). 3. Напишите повелительное наклонение этих глаголов (*улыбайся, улыбнись*). 4. Напишите прошедшее время (*улыбался, улыбнулся*). 5. Причастия и деепричастия (*улыбающийся, улыбнувшийся, улыбаясь* и т.д.). Следующее задание – найдите в самом начале текста фразы с этими глаголами, переведите их. (*Иван Дмитрич улыбался широко и бессмысленно, как ребенок. Жена тоже улыбалась.*) Вопрос студентам – как еще можно *улыбаться*? (*глупо, саркастически, задумчиво* и т.д.). Какая бывает *улыбка*? (*искренняя, фальшивая, добрая, весёлая, грустная*). Расширение словарного запаса студентов можно проводить на основе формирования словообразовательных гнёзд, работая с суффиксами и приставками. Например, *улыбка, улыбОЧка, улыбЧИВый, ПОулыбаться, ЗАулыбаться, НАулыбаться* и т.д. Формирование потенциального словаря студентов с использованием словообразовательных гнёзд и рядов является продуктивным способом пополнения словаря, как активного, так и пассивного.

Особенностью работы с рассказами Чехова (и других писателей) является то, что встречаются слова, в которых производное слово утеряло семантическую и морфологическую связь с производящей основой, и слово становится нечленимым. Например, *спеши́ть, разочаровывать́ся, томить, надеять́ся, улыбаться* и т.д. В таких случаях необходимо продемонстрировать этимологический анализ слова, пользуясь словарем Фасмера [20]. Например, с точки зрения современного русского языка в глаголе *улыбаться* не выделяется приставка У- и корень -ЛЫБ-, хотя по Фасмеру, первоначальное формирование этого глагола связано с историческим чередование гласных ы/o и восходит к существительному -лоб- в значении «*череп*», и соответственно устаревший глагол *лыбиться* обозначал «*скалить череп*». Такого типа экскурс в прошлое не должно превращаться в самоцель на занятиях по русскому языку, а являться лишь дополнением к словообразовательной работе по расширению словаря. Важно отметить, что словообразовательный и этимологический анализ должны проводиться только под руководством преподавателя во избежание ошибок в анализе слов и словоизвлечении.

После кропотливой работы со словарем рассказа студентам предлагаются разные задания, как устные, так и письменные, целью которых является формирование речевых навыков и умения вести дискуссию. В этом плане могут быть составлены два типа заданий, с одной стороны, близко связанных с событиями рассказа, а с другой стороны, связанных с жизнью самих студентов. Например:

1. *Расскажите об эмоциях героев и как они менялись в течение рассказа.*
2. *Почему рассказ называется «Выигрышный билет»? Кто в нем выиграл?*
3. *Расскажите о случаях в вашей жизни или жизни ваших друзей, когда вы мечтали о чем-то, боялись узнать правду; какие у вас были эмоции, опишите их.*
4. *Почему люди мечтают? О чём вы мечтаете?*
5. *Счастливы ли герои рассказа?*

В заключение работы с рассказом Чехова студенты пишут сочинение на выбор из предложенных тем, например: «*Опишите жизнь героев через 10 лет*», «*Что мы узнали о героях рассказа*», «*Счастливы ли герои рассказа*» и т.д.

На примере рассказа Чехова можно проделать языковую работу таким образом, чтобы студентам было интересно заниматься как языком самого рассказа, так и активным словарем для формирования устных и письменных навыков обсуждения и изложения. Кроме этого, немаловажным фактором является фоновая культурологическая и историческая информация, содержащаяся в рассказе.

Результаты.

Основными результатами работы с рассказом Чехова «Выигрышный билет» является развитие и расширение языковых навыков у студентов второго года изучения русского языка в колледже. Студенты получают знания основ русского словообразования, словообразовательного и этимологического анализа, морфологии, лексики и грамматики. Выбор текста имеет первостепенное значение, поскольку он должен содержать не только понятную студентам языковую сторону, но и культурологическую. Задача преподавателя состоит в том, чтобы мотивация студентов сохранялась на высоком уровне в течение всей работы с текстом.

Заключение.

В заключение необходимо отметить, что работа с художественным текстом на занятиях по русскому языку представляет большую ценность и должна быть тщательно продумана преподавателем для полноценных результатов. Студенты как правило, заинтересованы в чтении русской литературы в оригинале, но к сожалению, это представляет для них большие трудности. Для преподавателей это представляет много предварительной, предтекстовой работы и планирования, однако наша задача как раз и заключается в том, чтобы разрабатывая языковые материалы, мы могли бы повышать интерес студентов не только к самому языку, но и литературе и культуре в целом.

References:

1. Dashkalovska N., Dimova V. Why literature should be used in the language classroom. In Procedia – Social and Behavioral Sciences 46. 2012. Pp. 1182-1186
2. Elley W.B., Mangubhai F. The impact of reading on second language learning. Reading Research Quarterly, 1983. 19, pp. 53-67
3. Kazar, G. Literature and Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press. 1993
4. Simpson, P. Language through literature: An Introduction. London: Routledge. 1996
5. Browning, G., Hart, D.K&Solovyova, R. Leveraging your Russian with roots, prefixes, and suffixes. Bloomington, IN: Slavica. 2001.
6. Vandrick, S. Literature in the teaching of second-language composition. In B. Kroll (Ed.), Exploring the dynamics of second language writing (pp. 263-283). Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2003
7. Content-based instruction in foreign language education: Models and methods. Washington, DC: Georgetown University Press. 1997
8. Krashen, Stephen D. The Power of Reading: Insights from the Research. 2004

9. Comer, William J. Literary Texts in the Undergraduate Russian Curriculum: Leveraging Russian Learning and Literary Discussion through Scaffolding. *Russian Language Journal*. Vol. 66, 2016. Pp. 1-29.
10. Katz, Stacey. Teaching Literary Texts at the Intermediate Level: A Structured Input Approach. In *SLA and the Literature Classroom: Fostering Dialogues*, edited by Hoppy Tucker and Virginia Scott. Boston: Heinle&Heinle. 2002. Pp. 155-172.
11. Dinato, Richard and Frank B. Brooks. Literary Discussions and Advanced Speaking Functions: Researching the (Dis) Connection. *Foreign Language Annals* 37. 2004. Pp. 183-199.
12. Darhower, Mark. Literary Discussions and Advanced-Superior Speaking Functions in the Undergraduate Language Program. *Hispania*, 97. 2014. Pp. 396-412.
13. Bernhardt, Elizabeth B. Reading Development in a Second Language: Theoretical Research and Classroom Perspectives. Norwood, NJ. 1991
14. Byrnes, Heidi, and Susanne Kord. Developing Literacy and Literary Competence: Challenges for Foreign Language Departments. In *SLA and the Literature Classroom: Fostering Dialogues*, edited by Hoppy Tucker and Virginia Scott. Boston: Heinle&Heinle. 2002. Pp. 35-73
15. Using Authentic Texts. ACTFL, Language Connects.
16. Ryabinina N.V. We read A.P. Chekhov in Russian. Khabarovsk: Publishing House of Khabarovsk Technical University. 2001.
17. Panina U.I. Russian literature in a foreign audience. Life and work of A.P. Chekhov: texts, lexical and country studies comments, a system of exercises for foreign trainees. Moscow: MGIMO Publishing House, 2004.
18. Abramova V.S. Linguistic and cultural potential of A.P. Chekhov in teaching Russian as a foreign language. *Eurasian humanitarian journal*. No. 3, 2019.
19. Bessonova L.A. Linguistic and cultural potential of literary texts in Russian as a foreign language. <https://core.ac.uk/download/pdf/38544298.pdf>
20. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Progress. 1967.

Information about the Author:

Alfia Rakova (Dartmouth, USA) – Research Assistant Professor,
Candidate of Philological Sciences, Director of the Language Program
Department of Russian Language and Literature
Dartmouth College, Hanover, NH 03755 USA
Email: alfia.rakova@dartmouth.edu

Acknowledgments: Expresses gratitude to the reviewer.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-96-109

УДК (UDC) 808.51

*Kuralay Urazayeva,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
Sholpan Zharkynbekova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
Yerik Gulnur,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan*

*Уразаева К.Б.,
Евразийский национальный университет
им Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
Жаркынбекова Ш.К.,
Евразийский национальный университет,
им Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
Ерик Гулунр,
Евразийский национальный университет,
им Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан*

*For citation: Urazayeva Kuralay, Zharkynbekova Sholpan,
Gulnur Yerik, (2023).*

*The Rhetoric of Customary Law and the Prerequisites
for the Formation of Kazakh Legal Rhetoric.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 96-109 (in USA)*

Manuscript received 11/02/2023

Accepted for publication: 26/03/2023

*The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

РИТОРИКА ОБЫЧНОГО ПРАВА И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

**Статья написана в рамках проекта
«Научная концепция казахской риторики: риторический идеал,
идентичность, аргументация и речевая практика»**

THE RHETORIC OF CUSTOMARY LAW AND THE PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF KAZAKH LEGAL RHETORIC

*The article was written within the framework of the project
«Scientific concept of Kazakh rhetoric: rhetorical ideal, identity, argumentation and speech practice»*

Abstract:

The article is devoted to an actual problem – the development of the concept of Kazakh rhetoric. The problem is considered on the description of the content and structure of the rhetoric of law and the identification of its role in the formation of legal rhetoric. The main directions of the article are due to the application of the ideas of non-rhetoric and communicative rhetoric and relate to the pragmatic potential of the biy utterance, the connection of the rhetorical status of the utterance, the rhetorical modality, the picture of the world. A description of the speaker's communicative and speech behavior, illocutionary and perlocutionary effects on the listener is also undertaken. These approaches allow us to characterize the skill of Kazakh biys, the techniques of rhetorical argumentation and the effectiveness of communication from the position of the status of the Word / Speech. This approach became the basis for the description of the features of speech communication and the development of the scientific apparatus of Kazakh rhetoric. The examples confirm the modern scientific idea of the insufficiency of the theory of speech acts for the development of the concept of rhetoric. The reproduction of the biy's thinking process, his decision-making, impact on the audience and perception by listeners showed a movement from the modality of knowledge to the audience's understanding and persuasion. The techniques of argumentation and manipulation of the speaker to the listener are shown by the example of creating an occasional picture of the world. The generalization of illocutionary and perlocutionary effects on the listener is shown from the standpoint of classification of iconic discourse and its connection with rhetorical modality. The processes of operating a speaker with a denotative meaning and controlling the listener's perception with the help of a connotative meaning are analyzed. The process of reaching agreement between the speaker and the listener in the aspect of argumentation techniques is investigated. The role of perlocation as a way to achieve such agreement is highlighted. The significance of the considered problem is due to the description of Kazakh justice from the position of a rhetorical ideal, the activation of concepts of value for the people.

Keywords: Kazakh rhetoric, legal rhetoric, argumentation, discourse, illocution, perlocution.

Аннотация:

Статья посвящена актуальной проблеме – разработке концепции казахской риторики. Проблема рассматривается на описании содержания и структуры риторики права и выявлении ее роли для формирования юридической риторики. Основные направления статьи обусловлены применением идей неориторики и коммуникативной риторики и касаются pragmaticального потенциала высказывания бия, связи риторического статуса высказывания, риторической модальности, картины мира. Предпринято также описание коммуникативного и речевого поведения говорящего, иллокутивное и перлокутивное воздействия на слушающего. Эти подходы позволяют охарактеризовать мастерство казахских биев, приемы риторической аргументации и эффективность коммуникации с позиции статуса Слова / Речи. Такой подход стал

основой описания особенностей речевой коммуникации и разработки научного аппарата казахской риторики. Примеры подтверждают современную научную идею о недостаточности теории речевых актов для разработки концепции риторики. Воспроизведение процесса мышления бия, принятия им решения, воздействия на аудиторию и восприятия слушателями показало движение от модальности знания к пониманию аудитории и ее убеждению. Показаны техники аргументации и манипуляции говорящего слушающим на примере создания окказиональной картины мира. Обобщение иллоктивного и перлоктивного воздействия на слушателя показаны с позиций классификации иконической дискурсии и ее связи с риторической модальностью. Анализируются процессы оперирования говорящим денотативным значением и управления восприятием слушателя с помощью коннотативного значения. Исследуется процесс достижения согласия, говорящего со слушающим в аспекте техник аргументации. Выделена роль перлокуции как способа достижения такого согласия. Значимость рассмотренной проблемы обусловлена описанием казахского правосудия с позиции риторического идеала, активизацией ценностных для народа понятий.

Ключевые слова: казахская риторика, юридическая риторика, аргументация, дискурс, иллокуция, перлокуция

Введение

Научная концепция казахской риторики поднимает вопросы ее национального своеобразия, национальной и культурной идентичности. Иными словами, это описание риторического идеала в соотношении с конвенциональными ценностями народа, приемами риторической аргументации. Содержательная и структурная целостность казахской риторики обусловлена описанием ее разделов – юридической, деловой, дипломатической риторики, риторики устного слова, литературы и художественного перевода. Актуальность темы заключается в изучении риторики обычного права в составе казахской риторической традиции и ее влияния на становление юридической риторики.

Риторика обычного права сформировалась в недрах казахского правосудия. Феномен казахского права, механизм регулирования правовых отношений представлен институтом биев. Период формирования риторики права – XV-XIX вв. – объясняет центральное место проповеди единства и консолидации внутри отдельного рода, от которого зависели национальное благополучие, государственная стабильность и сохранение идентичности народа. В основе института биев лежали базовые ценности, совмещающие онтологические и феноменологические понятия и представления. Это идеи продолжения рода, идеал настоящего мужчины, социальная и родовая иерархия. С другой стороны, триединство ценностных понятий: Земля (*Государство*) – Народ – Слово – характеризуют риторический идеал казахского народа.

Институт биев уже на этапе становления явил развитость процедур высказывания, техник аргументации и приемов речевого воздействия. Репертуар коммуникативных стратегий биев позволяет судить об эффективной коммуникации говорящего и слушающего. Анализ коммуникативных стратегий биев как отражение риторики права, сформулированный риторической модальностью, обусловленной риторическими статусами высказывания, основан на декодировании знаковой речи бия, этапов и форм его взаимодействия со слушателем. Цель статьи – показать особенности содержания и структуры риторики права и ее роль в становлении

казахской юридической риторики. Такая задача потребовала освещения блока вопросов: 1) анализа прагматического потенциала высказывания бия, 2) рассмотрения связи риторических статусов высказывания бия и создаваемых ими риторических модальностей, 3) установления связи между риторическими модальностями и формируемой ими картины мира, 4) описания дискурсивных практик биев в аспекте коммуникативного и речевого поведения, 5) характеристики иллокутивного и перлокутивного воздействия бия на слушателя, 6) трактовки мастерства казахских биев в аспекте Слова / Речи.

Литературный обзор

Предпринятый в работе обзор научной литературы дифференцирован по ряду направлений, актуальных для разработки концепции. Во-первых, это работы, посвященные теории аргументации. В современной теории риторической аргументации обособлены понятия: фактор адресата, феноменологический контекст аргументации [1, с. 16]. А.Г. Гурочкина выделила в аргументативном дискурсе способность говорящего корректировать картину мира оппонента: «обоснование или опровержение некоторого положения (тезиса) для восприятия и принятия его индивидуальным или коллективным реципиентом» [2]. Исследователь ставит вопрос о наличии общих, пересекающихся фрагментов их картин мира. Следует обратить внимание на роль аргументативного дискурса как фактора управления речекоммуникативной деятельностью субъектов аргументации в процессах порождения речи и процессов порождения действий участников коммуникации [3]. И.Ю. Качесова выделяет в аргументации ее роль управляющей деятельности и формы убеждения [4].

Для разработки концепции казахской риторики важно развитие идей о аргументации как управляющей деятельности в процессе корректировки картины мира участников аргументации, дефинирование убеждающего (риторического) дискурса и аргументативного дискурса. Развернутое представление о специфике инструментов аргументации в казахской риторике соотносится с теорией языковой личности Ю. Караулова и актуализирует корреляцию вербально-семантического, когнитивного и прагматического аспектов высказывания бия.

Во-вторых, определяющими явились вопросы о риторических модальностях и риторических статусах высказывания. Это работы В. Тюпы. Так, ученый пишет: «По своему референтному содержанию всякое высказывание неизбежно обладает одним из четырех возможных риторических статусов: оно является общением в модальности знания, убеждения, мнения или понимания» [5, с. 278]. Методологически значимым для нас явились результаты изучения прецедентной картины мира, рассмотренных с позиций риторической модальности. В. Тюпа определяет прецедентную картину мира как «фундамент нарративной стратегии героического сказания, а впоследствии литературной эпопеи» [6, с. 20]. По мнению ученого, за каждым риторическим статусом высказывания кроется скрытая или явная картина мира.

В-третьих, это исследования отечественных ученых, посвященные истории и теории казахского правосудия, в том числе в связи с нормами международного права. Бейбит Шангираева в своей статье акцентирует внимание на социо-правовых и культурных основах кочевых казахов, которые содержат предпосылки юридических норм и принципов, сохраняющих актуальность для современных общественных отношений. Речь идет об институте биев (XIII-XIX вв.) [7], [8]. Автор рассматривает также практику современного судебного разбирательства в аспекте применения

принципов традиционного казахского института биев. Такой подход помогает помочь понять глубину, универсальность и практическую ценность казахского народного юридического наследия. Анализируя актуальность и преимущества традиционного суда биев, исследователь устанавливает их, в частности, в нормах дачи присяги в качестве посреднической процедуры в тех случаях, когда отсутствовали явные доказательства и свидетельства. Обращает внимание ученый и на то, что преимущества кочевого образа жизни позволяли без каких-либо формальных и бюрократических требований иметь открытое и доступное правосудие. Благодаря кочевому образу жизни и осознанию свободы как наиважнейшего фактора в жизни человека, казахское обычное право характеризуется гуманизмом, в котором отсутствие мест заключения свободы и тюрем и – соответственно уголовного права – является одним из свидетельств особого отношения к достоинству человека [7].

Для К. Уразаевой практика правосудия казахских биев актуальна с позиций механизма убеждения и системы языкового манипулирования, говорящего слушателем. Такой взгляд позволяет исследовать казахскую идентичность в аспекте процедур мышления, а именно логики принятия бием решений и способов внушения слушателю их объективности. Систематизация юридических решений и этических ценностных категорий строится на дифференцировании моральных и правовых процессуальных категорий [9, с. 88-89]. В другой работе ученого предпринят обзор распространенных типов аллегории, декодировка которых обеспечивается знанием национальной концептосферы [10].

Предварительные результаты проекта по казахской риторике стали объектом апробации в научных докладах в период с сентября 2022 г. по настоящее время. Так, в рамках Черноморского конгресса «International Black Sea Modern Scientific Research Congress» (Турция) 29 сентября – 2 октября 2022 г. были освещены ключевые вопросы проекта: это научно-методологические и дидактические основы исследования казахской риторики [11]. Был обоснован предмет рассмотрения для изучения риторики как академической дисциплины и развития академических компетенций. В качестве категориального аппарата риторики были установлены понятия: *риторическая компетенция* – дискурсивная компетенция, или совокупность необходимых для реализации высказываний условий; *риторическая компетенция* автора и адресата (слушателя) с позиций текста как объекта трех компетенций (В.И. Тюпа), признаки и факторы эффективности коммуникации.

Вопросы юридического мастерства казахских биев (судей) и их роли в обеспечении социальной и национальной стабильности, исключительная роль риторического статуса Слова и Справедливости стали предметом изучения в докладе Г. Ерик и К. Абылхасовой «The Rhetoric of Kazakh Biys. The Modality of Belief, Opinion, Understanding as the Denominator of a Single Perception of Speech» [12]. Круг научных интересов авторов сосредоточен вокруг базовых ценностей – идеи продолжения рода, идеала настоящего мужчины, социальной и родовой иерархии. Исследование приемов ораторского мастерства, и идеализация Слова были описаны как матрица ценностного сознания казахского народа. Сопоставив легенды о биях с юридическими казахскими пословицами, содержащими казахские нормы права, авторы исследовали примеры решения споров как проявление национального своеобразия казахской риторики права. Анализ коммуникативного поведения бия в аспекте алгоритма, говорящего по отношению к объекту речи (истцу и ответчику, всей остальной аудитории слушателей) был построен на синтезе трех модальностей: *убеждения, мнения, понимания*. Так объясняется авторами достижение согласия,

говорящего и слушающего, приведение к единому знаменателю множественности восприятий обсуждаемой ситуации, прецедента права.

В рамках конференции «Ahi Evran 2nd International Conference on Scientific Research» 22 октября 2022 г. был апробирован доклад «Иконические дискурсии как механизм казахского правосудия» К. Уразаевой, Г. Ерик и К. Абылхасовой [13], посвященный проблемам дискурсии, связи риторического статуса высказывания и риторической модальности, картине мира, приемам воздействия автора на адресата текста. В работе была установлена связь креативной компетенции бия с типами дискурсивности. На примере легенд о биях была показана связь креативной компетенции бия с риторической модальностью, а именно модальностей знания, мнения, понимания и убеждения. Была показана и роль провокативности в качестве коммуникативного ресурса.

Методы исследования

Методология статьи построена на развитии идей академических школ риторики, способствующих описанию национальных традиций и национального риториковедения. Идеи западной неориторики: метариторика во Франции, аргументативная риторика и общая риторика в Бельгии, риторика в составе литературной критики в Италии, неориторическая методология в США – актуальны вниманием к природе риторики, исследованием ее за пределами теории речевых актов. Плодотворность российской науки, насчитывающей на сегодняшний день свыше 20 научных школ и направлений, заключается в применении неориторического подхода. Идеи коммуникативной риторики И. Тюпы, ориентированной на литературоведческий подход, основанный на представлении о тексте как объекте трех компетенций – референтной, креативной и рецептивной [5], толкование слова и коммуникации как комплекса приемов, ориентированных на «интерпретацию», «актуализацию» и «адекватную аргументацию» [14, с. 22-27], также учитываются авторами проекта в качестве исходных основ.

Для методологии проекта значимы труды из области теории речевой коммуникации. Изучение идей Дж. Остина, Дж. Серля, П. Стросона, а также современных российских ученых объясняет обращение к проблеме перлокуции и рассмотрению ее вне теории речевых актов. Актуальные в российской риторике понятия перлокуции и обратной связи, перлокуции как следствия иллокуции являются новыми для риторики и теории речевых актов. Тезаурус настоящей статьи опирается на категории речевой коммуникации для разработки научного аппарата казахской риторики, в том числе юридической. Актуальность такого подхода обусловлена осознанием недостаточности теории речевых актов для построения прагматической теории верbalного общения.

Изучение риторики права, как и в целом риторики строится на коммуникативной модели, представленной в трудах алтайской научной школы под руководством профессора А.А. Чувакина и с участием его коллег Т.В. Чернышовой, И.Ю. Качесовой, а также представителей красноярской школы риторики А.П. Сквородникова в лице О.А. Копниной. Теоретические основы проекта по казахской риторики опираются на опыт создания учебной книги по риторике для магистрантов России и Казахстана, написанной в рамках совместного проекта, с учетом полиэтнической среды [4]. Идея А.А. Чувакина: задача моделирования состоит в том, чтобы в речевой коммуникации (объект риторики как науки) выделить и представить в

виде словесного описания риторическую коммуникацию (предмет риторики) – является методологически значимой для настоящей статьи.

Результаты и обсуждения

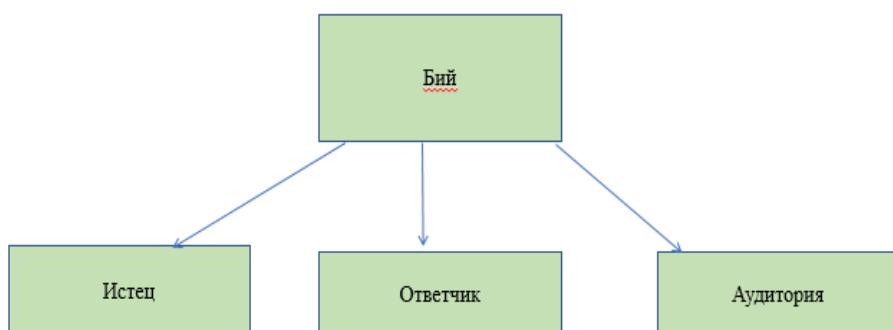
Риторические статусы высказывания бия

Проблема риторических статусов высказывания бия, характеризующихся прагматической направленностью, способствует воспроизведению процесса мышления бия при принятии решения, инструментов воздействия на аудиторию и приемов восприятия слушателями. Фасцинативная способность воздействия высказывания бия создает возможность анализировать манипулятивные техники бия для управления сознанием слушателя. Рассмотрим легенду.

К Айтеке бию явились два пожилых охотника, которые спорили из-за лисицы. Каждый претендовал на нее. «Сынок рассуди, – обратились они. Первый сказал: «Я стерег ее в районе норы с самого начала лета, дожидаясь, пока у лисицы вырастает добротная шерсть. Такое время наступит только через месяц». Второй охотник в том же районе, но вдалеке от норы пристрелил ее. В свою очередь второй сказал: «Я выследил ее по следам, и добыл бродячую лисицу, значит, лисица принадлежит мне». После уточнения всех деталей, осмотрев труп лисицы, огласил свое решение: «Если бы лиса была бы самцом, то он принадлежал бы тому, кто выследил его и добыл, ибо самец любить бродячую жизнь. Поскольку лиса – самка, то она принадлежит тому, кто стерег нору, так как она не отходит далеко от норы, бережет свою нору, а самец бродит в степи». Не только посторонние, но и сами охотники, сказывают, были, восхищены самой логикой и обоснованием бием своего решения и разошлись, поблагодарив друг друга¹.

Анализ коммуникативного поведения бия как алгоритма, говорящего по отношению к слушателю (объекту речи – истцу, ответчику, слушателям – свидетелям и участникам спора, тяжбы) и восприятия спорной ситуации аудиторией отражает синтез риторических модальностей: *мнения, понимания, убежждения*. Направленность коммуникативной стратегии бия на воспринимающее сознание отражает следующий рисунок.

Рисунок 1. Алгоритм говорящего по отношению к объекту речи

¹ Легенды приводятся по: Зиманов С. З. Древний мир права казахов и его источники. // URL: <http://lektssi.org/1-71928.htm>. Дата обращения: 21.10.2022

Для воспроизведения картины мира значимо мнение Тюпы, выделившего статус *знания* в корреляции со скрытой за ним прецедентной картиной мира. Проекция на процесс принятия решения бием позволяет выделить критерий принятия объективного решения, которое должно убедить аудиторию в непредвзятости бия и его высоком риторическом мастерстве – внушении, убеждении, управлении в достижении согласия слушателя с ним, говорящим. В качестве критерия объективного решения бия выступает *знание*, общее для бия, истца, ответчика и аудитории. Любая спорная ситуация, которая приводит к рабирательству, обусловлена конфликтом, расколом знания, его общности и универсального характера. Известно, что завязкой сюжета любой легенды о бие является нарушение прецедентной картины мира, ее равновесия, которое должен восстановить судья. Он должен либо доказать вину и, соответственно, наказать виновника, или, напротив, доказать невиновность и оправдать подозреваемого.

Применение концепции В. Тюпы о риторических статусах высказывания позволило установить последовательность принятия решения бием, от *мнения* и *понимания* до *убеждения*. Механизм мышления бия и последовательность движения от знания через *понимание* аудитории и *мнение* бия воспроизводит Рисунок 2.

Рисунок 2. Высказывание бия и риторические статусы высказывания

Риторический статус *мнения* бия содержит в себе и признаки окказиональности, т.е. субъективности и случайности. Так, бий испытывает ответчика решением, которое нельзя проверить объективно. Невозможно рассчитывать на то, что гром низвергнет ответчика, если он лжет. Например, в легенде о том, как решал Толе бий спор о том, был ли подросток убийцей или нет.

Подросток хотел доказать невиновность, но для своего оправдания у него не было ни свидетелей, ни доказательств. В этом деле бий применил простой метод, который удивил всех. По его условию, для оправдания подросток должен дать клятву с хлебом и Кораном в руках, затем срубить одним ударом три дерева. Используемый Толе бием метод удивил всех. Он использовал неизвестную силу. Между тем испугавшийся Бога подросток почувствовал прилив сил и уверенность, что сможет срубить дерево одним ударом. Взяв в руки топор, он направился к

деренву. Однако на полпути бий остановил его и сказал: «Это не каждому по силе, чистота твоих глаз и уверенность показывают твою невиновность. Нет твоей вины в произошедшем», – так бий оправдал подростка.

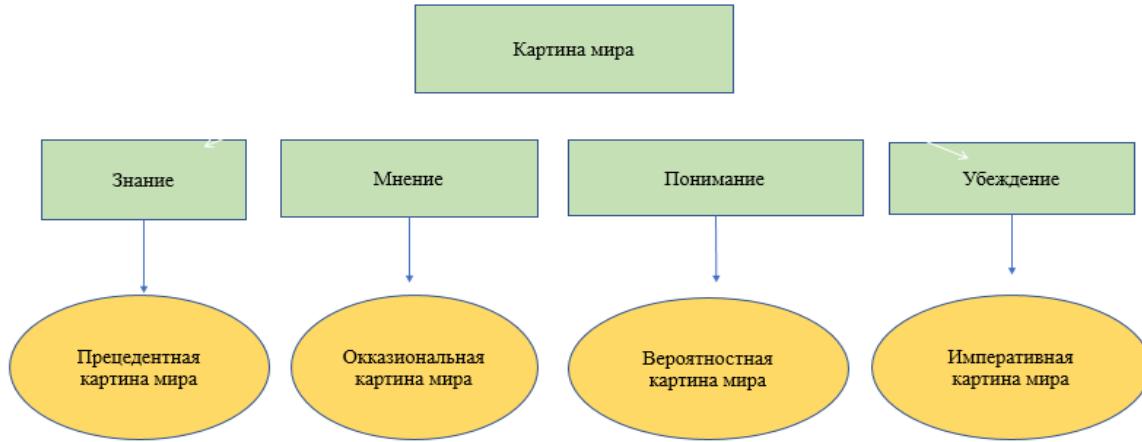
Обратим внимание на то, как бий применил проверку Кораном. Коран, как и хлеб, играет ритуальную и исключительную роль в быту народа. Практика правосудия требовала принесения клятвы. Страх божьей кары – это знак общего знания бия и аудитории, истца и ответчика. Прецедентная картина мира строится на покорности требованиям ислама: «И Мы оставили там знамение для тех, кто боится мучительного наказания» [15, 51, с. 37]. В народе бытует следующий вид клятвы: «*Nan ursyn*» (дословно: Да сразит меня хлеб ударом). Таким образом, окказиональный характер картины мира в мнении бия определяется невозможностью объективно убедиться в наказании свыше. Нереальным, а потому субъективным и случайным является и требование срубить одним ударом три дерева. Другими словами, ритуальный характер сцены суда и ее атрибутов, как и два требования бия, делают судью заложником субъективного мнения.

Модальность понимания является источником вероятностных, возможных решений. В сознании аудитории, слушателей возникает множественность картин. Например, откажется ответчик ли из страха быть наказанным божьей волей? Или: ответчки солжет и будет наказан небесной карой? И т.д. Все вероятностные модели надо уравнять и привести к единому знаменателю, доказав объективность решения. Причем, неважно, это будет доказательство убийства или наоборот. Общий знаменатель как признак достижения согласия говорящего и слушающего обусловлен справедливостью, объективностью решения и убеждением в этом адресата речи бия. Значит, процесс убеждения – императивная картина, когда бий должен обосновать правильность принятого им решения.

Процесс мышления бия, его коммуникативного и речевого поведения, воздействия на аудиторию с учетом ритуальных и сакрализованных атрибутов: Корана, хлеба, клятвы, требования срубить одним ударом три дерева – это знаки субъективного характера (придумано людьми), относятся к окказиональной картине мира. Использование математической аналогии, правила дроби позволяет усмотреть здесь пример неправильной дроби дифференцировать числитель (способы воздействия бия на слушающего, в том числе окказиональные) и знаменатель. Числитель в силу окказиональности перевешивает знаменатель, оказывая определяющее воздействие. В процессе принятия решения бии и его воздействия на аудиторию важна и демонстрация мнимо объективных приемов управления: это чистота выражения глаз и уверенность истца. На самом деле человек может артистически и умело имитировать эти свойства. Скрытое от аудитории, но объективное для бия решение на самом деле заключается в психологическом испытании ответчика. Бий руководствуется в своем понимании приемами воздействия на слушателя разным спектром способов убеждения. Говорящий ведет слушателя к достижению согласия с ним, активизируя представления о добобоязненности человека, его веру в наказание в случае обмана, а также народные ценностные представления об обмане народа, множественный и целостный образ которого воплощают аудитория, истцы, бий, также грех. «*Adamdy aldau – arypyn aldynda kipyua, agany aldau – anapyn aldynda kipyua*» (дословно: Обмануть человека – грех перед честью, обмануть старшего – грех перед материю).

Анализ легенд, построенный на тезисе Тюпры о скрытой за каждой риторической модальностью картины мира, отражает связь риторических статусов высказывания, риторической модальности и картины мира следующим образом (Рисунок 3).

Рисунок 3. Картина мира в аспекте риторических модальностей

Приведенные примеры показывают, что в каждом из четырех риторических статусов высказываний бия скрыты объективное и субъективное начала. Объективное начало скрыто, но оно становится способом воздействия на слушателя. Это достигается путем активизации знакомых народу пословиц, сур Корана. Механизм воздействия бия на слушателя субъективен, потому что проверить испытание физически нельзя. Использование бием манипуляции построено на активизации представлений, заложенных в системе воспитания представлений об этических нормах в поведении, быту. Таким образом, инструментами риторики как убеждающей коммуникации выступают скрытые приемы воздействия, которые активизируют ценностное сознание слушателя, воспитанное пословицами, поговорками, нормами морали, а также начиная с эпохи проникновения ислама в казахские степи – Кораном.

Стратегия бия как дискурсия. Риторические статусы высказывания бия как индикатор pragматического

Перспективы исследования иллокутивного и периллокутивного воздействия на слушателя таятся в поле анализа связи иконической дискурсии и риторической модальности. Так, модальность мнения воплощает способ самовыражения бия, его мастерство управления сознанием истца. Рассмотрим алгоритм процесса принятия решения бием с позиции иконической дискурсии на примере легенды о том, как на одну женщину претендуют двое мужчин.

Много лет тому назад к бию явились двое мужчин. Они привели женщину. Один из мужчин был грамотным по меркам того времени, а всякий грамотный выдавал себя за муллу. Он служил при родоправителе письмоводителем и переводчиком во время посещения его ставки посланцами из Бухары и из России. А второй был неграмотным прислугой при правителе. Женщина была одинокой и приятной по наружности, также служила при дворе. Спорящие мужчины претендовали на нее, а ее мнения не спрашивали. Они обратились к бию за его судом. Как предписывалось правилами судопроизводства, обе стороны выполнили предварительные ритуалы о безоговорочном признании решения, которое вынесет бий. Истцы и каждый из них приводили доводы и доказательства о принадлежности женщины только ему. Бий выслушав их, просит оставить женщину при нем на три дня и прийти за его решением по истечении этого срока. После ухода мужчин бий стал следить за женщиной: как она убирает комнаты его дома, как готовит пищу и подает на стол. Бий заметил, что она умеет убирать письменные приборы, разбирается в нестандартной кухне и пытается нравиться более «культурному». Из этого бий делает твердый вывод о том, что она имела навыки бывать у грамотного мужчины, освоившего

некоторые бытовые привычки другой, некочевой среды. Вердикт бия с обоснованиями, объявленный после истечения трехдневного срока ожидания, был признан справедливым посредниками обеих сторон.

Иллюктивное воздействие говорящего на слушающего апеллирует к сознанию двух антагонистов в претензиях на одну женщину посредством уважения к статусу и возможностям первого истца как человека, способного обеспечить достойное существование женщины. Активизируется в сознании аудитории слушателей характерный для общества культ знания как знака статусного в обществе положения. Статус обусловлен при этом не имущественным положением человека, а его личными достижениями. Перлоктивное воздействие бия на аудиторию определяется факторами согласия и единодушия как признания аудиторией справедливого решения судьи.

Внущение бия основано на приеме предупреждения конфликтов, которые зависят от единства привычек, взглядов на совместное проживание. В казахстанской науке установилось представление о казахской риторике как искусстве убеждающей коммуникации. В ее основе лежат рациональные подходы. Убеждение истцов в уважении к стремлению женщины реализовать себя в близких ей условиях быта как залог комфортной среды отражает характерное для общества относительно свободное положение женщины, в сравнении с другими странами Центральной Азии, где ислам имел более глубокие корни. И, хотя легенда отражает время укоренения норм ислама в казахском обществе (ведь первый истец выдавал себя за муллу), уважение к мнению женщины, которую никто из истцов не спросил о ее мнении, и ее судьба была фактически в руках бия. Данная легенда отражает ценностные основы казахской степной демократии.

Применение к описанию коммуникативной стратегии адресата понятия «этос долженствования» обращает внимание на такое обстоятельство. В качестве адресата в рассматриваемой легенде выступают не только два истца, но и объект их притязаний – женщина. Этос долженствования, который регулировал практику правосудия, делал обязательным к исполнению решение бия.

Прагмалингвистический подход к изучению риторики права позволяет описать иконическую дискурсию как источник образования новых значений и установить роль имагинативности. Понятие имагинативности объясняется В. Тюпой как «коммуникативный ресурс речи, состоящий в провоцировании новых значений» и выделено как часть иконической дискурсии [1, с. 281]. В этом явлении очевидны два момента: провоцирование новых значений и риторическая фигура авторства как самовыражение. Так мы описываем коммуникативный ресурс речи бия как основу иконической дискурсии. Бий в индексальной, эмблематической и иконической дискурсии оперировал денотативными значениями. Это расшифровка срывающего смысла, фактически – сравнение конкурентных преимуществ истцов и оптимальное решение проблемы брака с женщиной с позиции ее предпочтений.

Апелляция к сознанию адресата осуществляется бием в двух направлениях. С одной стороны, это оперирование денотативным значением. Однако бий управляет сознанием слушателей в поле коннотативного значения. Другими словами, модель брака как института семьи, условия консолидации рода, племени определяет границы ожидаемого союза. Так в прагматике высказывания бия проступает аллюзивная дискурсия Поэтика умолчаний и система энтилем, которые формируют алгоритм управления бием сознания слушателя, иллюстрируются казахскими пословицами о семье. Например: «*Tuganupten syylaspasan, ken dunie soymassyn*» (дословно: *Если не будешь общаться с родственниками, не впишешься в этот мир*), «*Zhaksy bolsa agayun, muratyna zhetersin, zhaman bolsa agayun, bet-betine ketersin*» (дословно: *Если (у тебя) хорошая родня, то достигнешь целей (своих),*

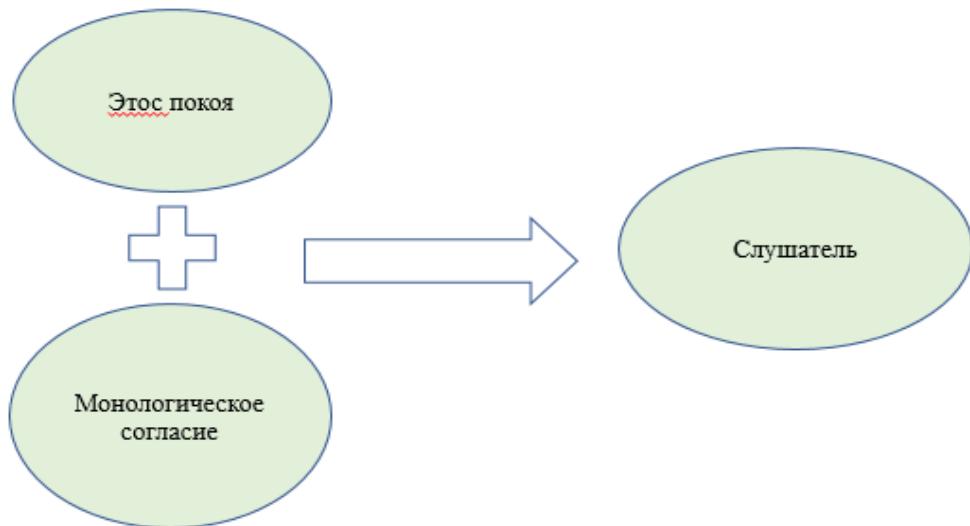
если плохие, все разбежатся куда глаза глядят), «Agaiyn tattu bolsa – at kop, abysyn tattu bolsa – as kor» (дословно: Если дружны братья, коней много, если дружны невестки, еды (в доме) много).

Алгоритм достижения согласия бия (говорящего) со слушающим предполагает изучение техник аргументации и способов воздействия на слушателя. Посмотрим, как бий добивается риторической модальности понимания слушателем его внушения. В терминах риторики — это понятие инспиративности, или ответного понимания слушателя. Бий активизирует в бессознательном слушателя базовые этические понятия, представления и нормы, регулирующие отношения в семье мужа и жены. Поскольку женщина реализует в потенциале роли жены и матери, то это понимание становится предпосылкой для этоса ответственности. Например: «Ayel – uydin korki, erkek – tyzdin korki» (дословно: Женщина – это красота дома, мужчина – это красота степи), «Erkek – uydin tuy, ayel – uydin guli» (дословно: Мужчина – стяг дома, женщина – цветок (украшение) дома), «Erkek – uydin egesi, ayel – uidin shegesi» (дословно: Мужчина – глава дома, женщина – гвоздь дома).

Перлокуция как достижение согласия

Восприятие истцами решения бия позволяет понять причины их единодушного согласия в результате вынесенного бием вердикта. Направленность коммуникативной стратегии бия на «этосы покоя» и «монологического согласия» отражают, с одной стороны характерное для казахского общества доверие к объективному решению бия, с другой соблюдается процедура согласия. Ведь до решения спора истцы дали согласие на то, что они примут решение бия, каким бы оно ни было. В казахском обществе такая процессуальная норма была обусловлена сохранением стабильности и консолидации как условия единства рода, народа, общества. Но вместе с тем и бию важно воздействовать на слушателя, убеждая в правильности решения, формируя единство понимания и солидарности с его мнением. Алгоритм достижения бием согласия с адресатом процесса отражает Рисунок 4.

Рисунок 4. Алгоритм достижения согласия говорящего и слушателя

Связь иконической дискурсии и риторический статус высказывания бия отражает Рисунок 5.

Рисунок 5. Иконическая дискурсия и модальность мнения

Заключение

Применение риторического анализа помогает реконструировать механизм казахского правосудия и описать алгоритм принятия решения бием, приемы его иллокутивного и перлокутивного воздействия на слушателя, формирование согласия с истцами на основе казахского риторического идеала. Активизация представлений об институте семьи в условиях консолидации рода/племени, народа и общества осуществляется с помощью трансформации риторических модальностей: знания и мнения бия – в убеждение и понимание истцов. Другими словами, это синтез индексальной и иконической дискурсий и их воздействие на эмблематическую дискурсию. Основу соглашения бия с истцами и принятие решения всей аудиторией слушателей обеспечивает аллюзивно-символическая дискурсия как модель успешного брака.

References:

1. Kolmogorova A.V Argumentatsiya v rechevoy povsednevnosti [Argumentation in everyday speech] – M.: Flinta, Nauka, 2009. – 152 p.
2. Gurochkina A.G. Argumentativnyy diskurs parlamentskikh debatov. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://filologija.vukhf.lt/7-12/8%20gurochkina%20new.doc>. Date of application: 22.11.2022
3. Yakovleva Ye.A. Zakony ritoriki i ikh deystviye v khudozhestvennom diskurse // [Argumentative discourse of parliamentary debates.] – Antroposfera diskursa. – Ufa: Gilem, 2007– 352 p.
4. Ritorika. Uchebnaya kniga po magistralyam po prostranstvennoy/spetsial'nosti «Filologiya» v vuzakh Rossii i Kazakhstana [Rhetoric. Textbook for master's degree in the specialty "Philology" in universities of Russia and Kazakhstan] [Elektronnyy resurs]. / I.YU. Kachesova [i dr.]; Barnaul: AltGU, 2018. <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/6562> Date of application: 22.11.2022.
5. Tyupa V. I. Diskursnyy analiz [Discourse analysis]// Tyupa I.V. Analiz khudozhestvennogo teksta. – M.: Akademiya, 2008. – P .273-299.
6. Tyupa, V. I. Genre nature of narrative strategies // Philological class. – 2018. – No. 2 (52). – P. 9-24. DOI: 10.26710/fk18-02-03.
7. Shangirbayeva B.The customary law of Kazakhs and the biy's institution. The role in implementation of the right to fair trial in modern Kazakhstan). // VIA EVRASIA. – 2016. – № 5 (37) <http://www.viaevasia.com/documents/37.%20BEIBIT%20SHANGIRBAYEVA,%20VIA%20EVRIASIA,%202016,%205.pdf> Date of application: 22.09.2022.
8. Shangirbayeva B. “The art of the word” or the cultural background for the implementation of right to freedom of expression in contemporary Kazakhstan Proceedings of the 14th Bi-

- Annual Conference of the European Society for Central Asian Studies (ESCAS) Central Asia in the XXI Century. Historical Trajectories, Contemporary Challenges and Everyday Encounters – 2015. // Zurich. – 2015. – P.42-43.
9. Urazayeva, K.B. Kazakh medieval justice: the mechanism of cultural security and preservation of national identity. // International Forum "Language, Culture and National Security". – Guangzhou – Yekaterinburg, 2018. – P. 86-92.
 10. Urazayeva, K.B. Imagery of Mentality and Statement Allegory as an Expression of the Kazakh Identity. Ensuring Social and National Stability in the Practice of the Kazakh Jurisdiction. // VIA EVRASIA, 2016. №5 (17).
<http://www.viaevasia.com/documents/17.%20KURALAY%20URAZAEVA,%20VIA%20EVRAZIA,%202016,%205.pdf>. Date of application: 22.09.2022.
 11. Urazayeva K.B., Zharkybekova Sh.K, Abylkhassova K. The concept of Kazakh rhetoric.Methodology and Analytical tools. // Proceedings of the International Black Sea Modern Scientific Research Congress.// Turkey, 2022, pp.1159 – 1165.
 12. Yerik G., Abylkhassova K. The Rhetoric of Kazakh Biys. The Modality of Belief, Opinion, Understanding as the Denominator of a Single Perception of Speech // Proceedings of the International Black Sea Modern Scientific Research Congress. // Turkey, 2022, pp.1186 – 1195.
 13. Urazayeva K.B., Yerik G., Abylkhassova K. Iconic discussions as a mechanism of Kazakh justice// Proceedings of the Ahi Evran 2nd International Cjnerence on Scientific Research. //Turkey, 2022. pp.313 – 320.
 14. Mel'nik YA.G. K voprosu o neoparadigmacheskoy interpretatsii konflikta klassicheskoy ritoriki i neoritoriki: diskurs-analiz. [On the issue of non-paradigmatic interpretation of the conflict of classical rhetoric and neo-rhetoric: discourse analysis.] // Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. – 2019. – № 4. – P. 22-27.
 15. Krachkovsky I.YU. «First edition: Quran. Translation and comments by I. Yu. Krachkovsky». Editor V. I. Belyaev. Foreword by V. I. Belyaev and P. A. Gryaznevich. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi literature, 1963 – 714 c.

Information about the Author:

Kuralay B. Urazayeva (Astana, Kazakhstan) - Professor, Doctor of Philology
L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Sholpan Zharkynbekova (Astana, Kazakhstan) - Professor, Doctor of Philology
L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

Yerik Gulgur (Astana, Kazakhstan) - PhD student L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: yerikgulgur88@mail.ru

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-1-111-115

Dr. Gilles Perriot

Psychiatre des hopitaux
honoraire Phototherapeute

President Honoraire de lq societe des
Amis du Musee Niepce Chalon sur
Saone

President of ATPI (Art Therapy with
Pictures).

Photography consultant for art therapy
workshops

The Light of Tatev

The photographs taken by TATEV express both a seriousness and a hope in man that can only touch us deeply, make us think

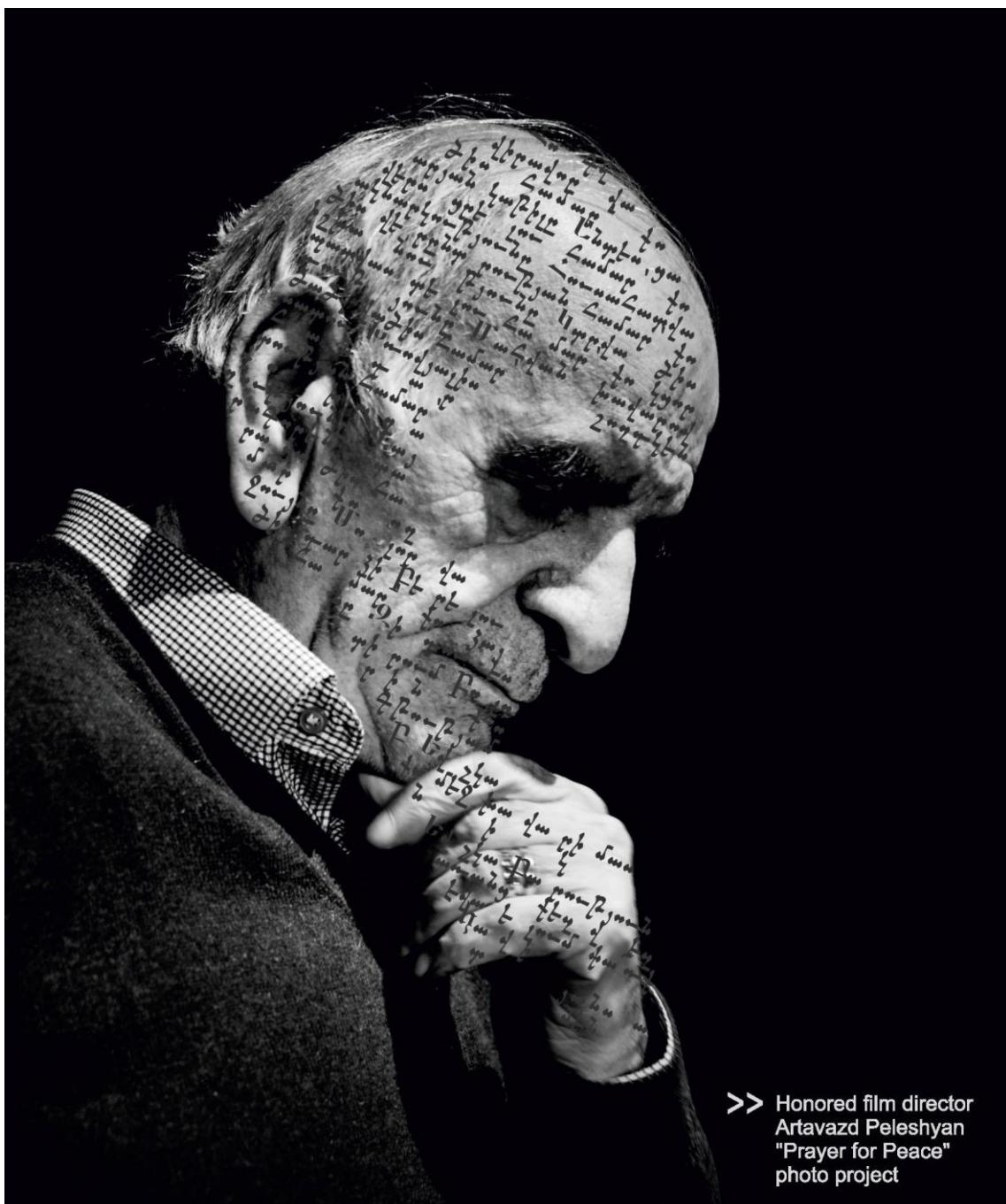
and (perhaps) modify us. There is in his images a desire to abolish the differences that lead to wars and exterminations when the difference, well understood, helps to recognize oneself in the other. Prayer

conceived in this way can help us to live and above all to survive. It concerns us even if we are not believers in the religious sense. Silent, prayer is no less strong, strong in the power to awaken in oneself the feeling of belonging to the human race, of what can at one time or another bring us together. The prayer is not addressed only to a chosen religion among

many others, it is unifying, says something about our possibilities for dialogue. It is the power of words which joins that of speech (vac in Hindi) at the origin of the world and metamorphoses. She reflects the power of

images and in particular the power of photography. Falsely silent photography has the power to bring us together, to give us the feeling of not being alone in the exercise of vision and sharing. It brings us together, as the sociologists and psychologists of this medium have been able to say. Here, the effect is doubled by the person shown in prayer, in action.

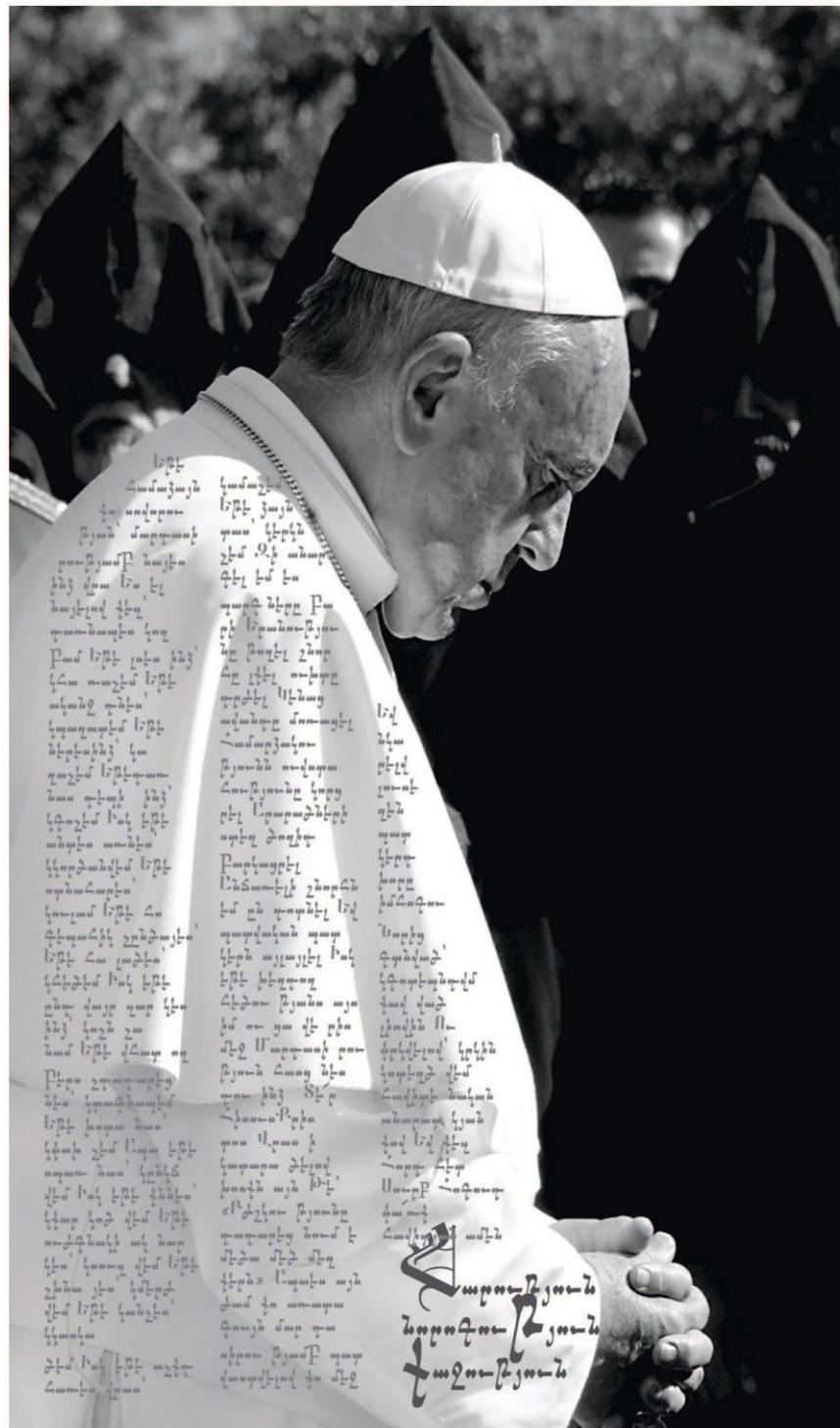
The words on the picture, in the picture; duplication of meaning. Inscriptions in the body, in the flesh, an attempt to break into the intimacy of being. The non-Armenian probably perceives only the beauty of the letters, the skin like a parchment. Are we not, moreover, open books, offered in our nudity to the gaze of others?. Anybody surface is a call to the other, the face probably even more so (Emmanuel LEVINAS). The pores of the skin say the hieroglyphs of thought? The nudity of the face awaits this truth of meaning which is that of the heart.

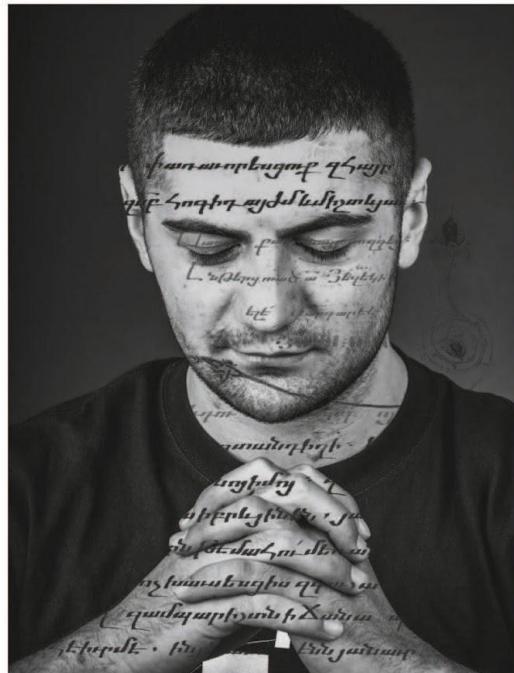
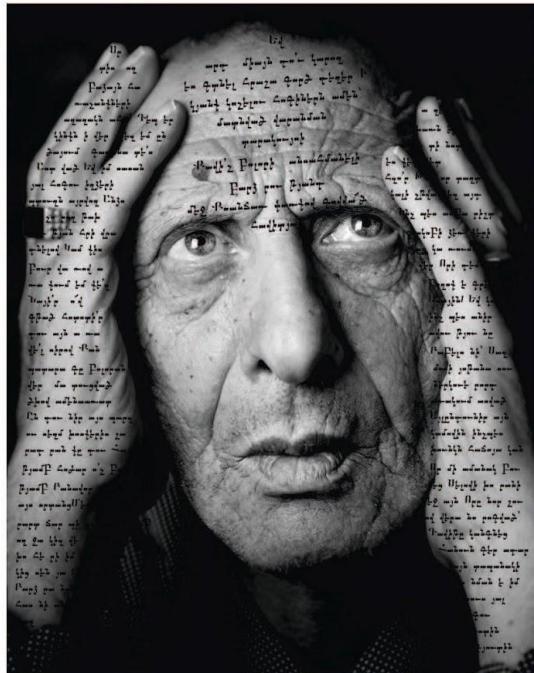

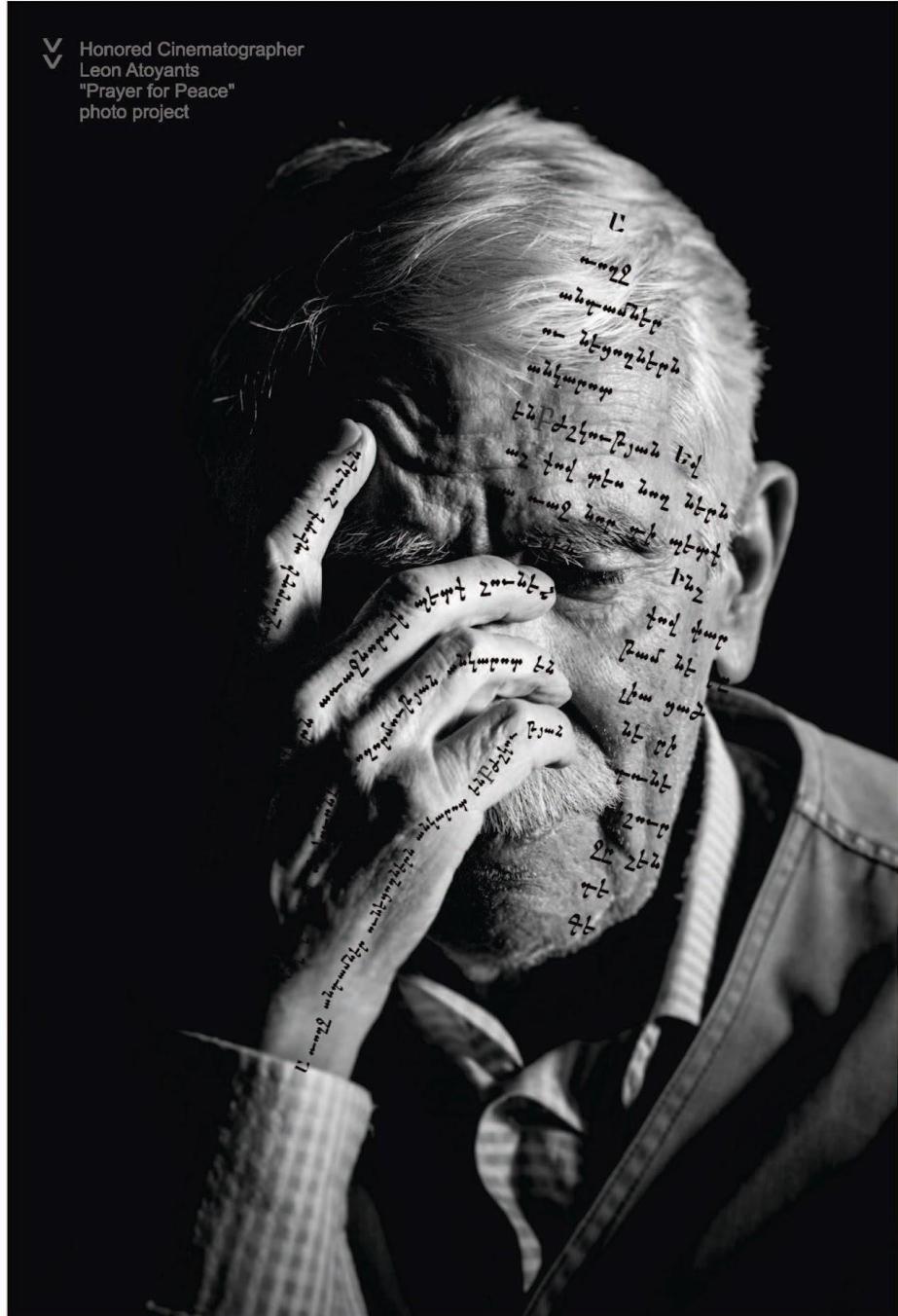
>> Honored film director
Artavazd Peleshyan
"Prayer for Peace"
photo project

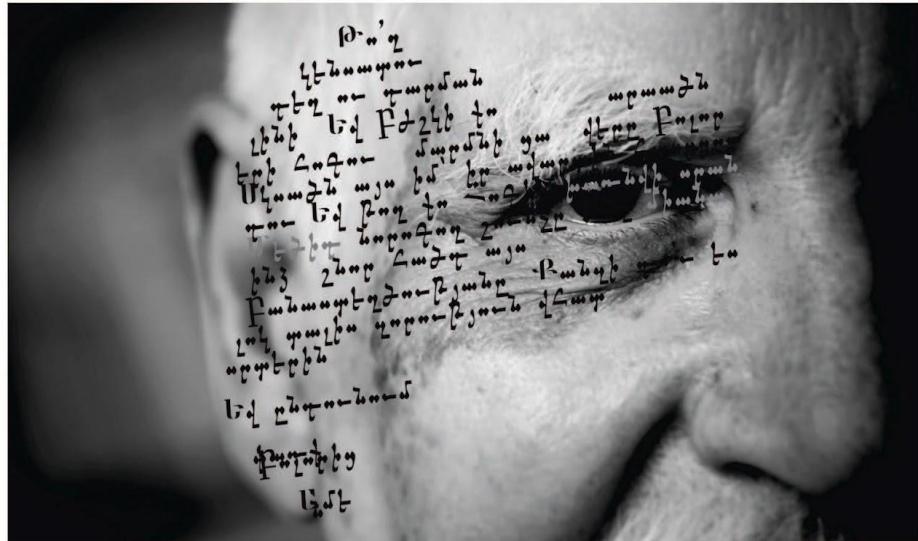
But the world risks tipping over into horror at any moment, into what one hesitates to call chaos, when the red is that of blood, the pictorial form of our psychic haemorrhage when everything flows without restraint, fragility experienced without the recourse to prayer which inspires hope. And photography is like a prayer in itself offered to the gaze of the other and allowing him the journey of private thought. We commune with the images that the generosity of TATEV gives to see.

She wanted to choose ancient texts taken from the Armenian memory, this memory which contains much of a past which is that of sometimes desperate struggles recalling the Christic sacrifice. As a Frenchman, I think of ARMENIA as another me, a country in which we recognize heroic resistance, a country that we have integrated into ourselves like the distant relative who can always come to us, knowing that he can find roots here that are probably imaginary but fictionally true.

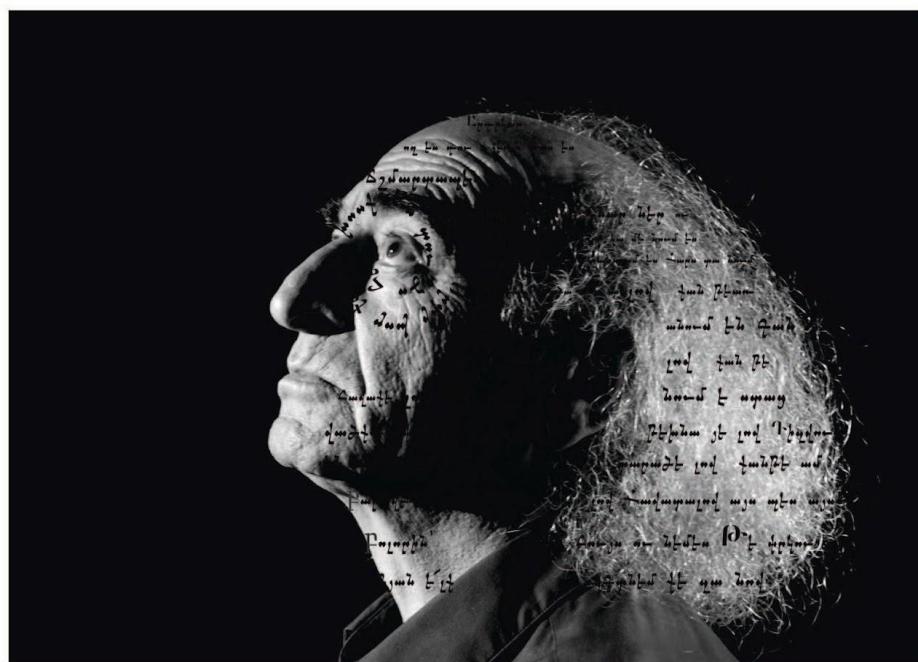

▲ Honored artist
Robert Elibekyan
"Prayer for Peace"
photo project

▼ Honored artist
Vanik Mkrtchyan
"Prayer for Peace"
photo project

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,

Published three times a year, open access articles.

Type setting DTP: L. Shmicht

Printing risography.

Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 31.

Circulation 100.

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA

E-mail: infoccs.edu@gmail.ru

